

4888/165

Р19Ср II 210.1

Р. 19 Ср II 210. 1
БЛАГОРОДНА

М 72

И

ВЕЛИКОДУШНА ЖЕНА

ЛУНАРА

У

ПЕРСИИ.

Една Персійска повѣсть, списана у разговоре
и собесѣдованія

ІОАКИМОМЪ ВУИЧЕМЪ.

ВЪ БУДИМЪ ГРАДЪ.

Печатана въ Славено - Сербской, и восточ-
ныхъ прочихъ языковъ печати Кралевскаго
Всеучилища Пещанскаго 1815.

№ 260503

* * *

ЖЕНА МЪЖЕСТВЕННА ВЪКНЕЦЪ МЪЖЪ СВОЕМЪ,
ИКОЖЕ ВЪ ДРЕВЪ ЧЕРВЪ, СИЦЕ МЪЖА ПОГЪ-
БЛАЕТЪ ЖЕНА БЛОТВОРНА. Прич. гл. ѿ.
ѿт ѿ.

НЕ ВНЕМАИ СЛБИ ЖЕНЪ: МЕДЪ БО КАПЛЕТЪ ѿ
ОУСТЕНЪ ЖЕНЫ БЛДНИЦЫ, ИЖЕ ПРИВРЕМЕН-
НО НАСЛАЖДАЕТЪ ТВОИ ГОРТАНЬ. ПОСЛЕДИ
ЖЕ ОУВЪ ГОРЧАЕ ЖЕЛЧИ ѿВРАЩЕШИ, И ИЗ-
ЩРЕННЪ ПАЧЕ МЕЧА ОБОУДЪ ОСТРА. Прич.
гл. ѿ. ѿт ѿ. и ѿ.

БЛАГОПОЧТЕНОРОДНОМУ

ГОСПОДАРУ ГОСПОДАРУ

САМУИЛУ

НЕНАДОВИЧУ,

ПРИВІЛЕГІАЛНЫЯ ВАРОШИ БАЙСКІЯ

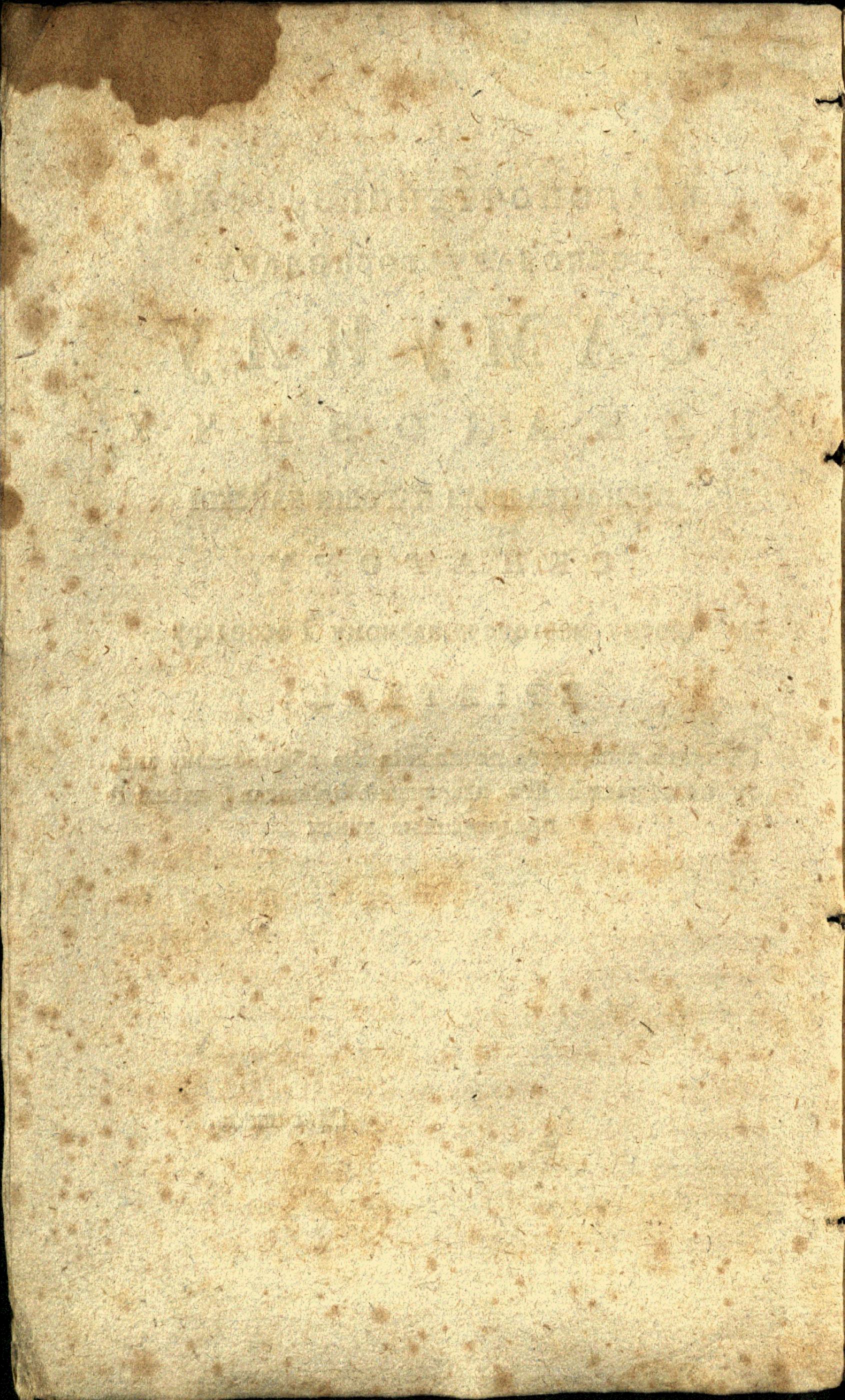
СЕНАТОРУ,

своему многопочитаемому Господару

ПРІЯТЕЛЮ;

вѣ знакѣ истиннаго почитанія сію общеплезну кни-
гу посвящаетъ Его искренный пріятель, якоже и
предречениыя книги

Слнсатель.

МНОГОПОЧИТАЕМЫЙ ГОСПОДАРУ

ПРІЯТЕЛЮ!

Ваша искренна и чело̀вѣколюбна ревность и усердіе ко просвѣщенію Славено-Сербскаго Рода нашего отъ долгаго уже времени мнѣ познана сушь; а наипаче при произведеніи единого явнаго позорища именуемаго Инкле либо Фернандо и Ярыка, еже сего текущаго лѣта 1815. мѣсяца Іануаріа 31-го дне въ Баи сирѣчь въ мѣстѣ рожденія нашего мною и прочими вселюбезными Соотечественницы нашими на обдержаніе и подкрепленіе оныхъ сирыхъ вдовицъ, ихже супрузи у послѣднемъ Лайпцігческомъ сраженію жизнь свою хероически окончали быша; а похвалу, дику и увеселеніе премилаго Рода и общества нашего Байскаго Сербскаго торжествованно бѣше; и **ВЫ** здѣ аки мѣстный Старѣйшина нашъ и Сенашоръ благоразумнымъ совѣтомъ Вашимъ такову ревность и рачишество указали есте, за которое азъ **ВАМЪ** даже до конца моего обязанъ долженъ буду оспати. Пошомъ при возвращеніи моемъ
изъ

изъ Бае у Пешту В Ы аки солупникъ мой есте
предъ прочи Соотечественницы наши и солупни-
цы Байцы явно на единомъ пренощію Вашу ве-
ликодушну ревность ко просвѣщенію Рода на-
шего указали и предъ всѣми полно обѣщали, да
бы сте В Ы за одну нову Славено - Сербску
книгу цѣлый прошахъ печатни усердно жершво-
вали: тогда азъ на ревностно сіе Ваше обѣща-
ніе предложимъ ВАМЪ сію мою Театралну
книжицу именуему Благородна и Великодушна
жена Лунара у Персіи аки предметъ общаго
просвѣщенія, В Ы же на сіе мое предложеніе
мужественно приспанете и цѣлый за предска-
зану книгу прошахъ великодушно жершвуете.

. . . Сего ради и азъ отъ моея страни за по-
казати ВАМЪ мое искренно пріятелско благо-
дареніе, кому иному развѣ Вашему мнѣ же пріятелскому
ИМЕНИ сіе мое дѣлце со всякимъ
искреннымъ благодареніемъ и признаніемъ по-
свящати вѣ намѣреніи пребываю, якоже и по-

кор-

корнѣйше прошу, когда бы сте его къ щедро-
любивымъ и милоспивымъ пріятелскимъ Ва-
шимъ персамъ пріимили, прочишавали и на-
шимъ единоплеменнымъ Народолюбцемъ и Ра-
чителемъ на просвѣщеніе жертвовати благоу-
сердствовали. Сіе естъ мое искренное проше-
ніе и ежедневно желаніе, имже я мене Вашему
Великодушному пріятелству съ истиннымъ бла-
годареніемъ моимъ вручаю, и даже до кончини
жизни моя неопспулно оспгаю

Вашего Пріятелства

Въ Пешти 25. Марта 1815.

искренный пріятель
и почитатель

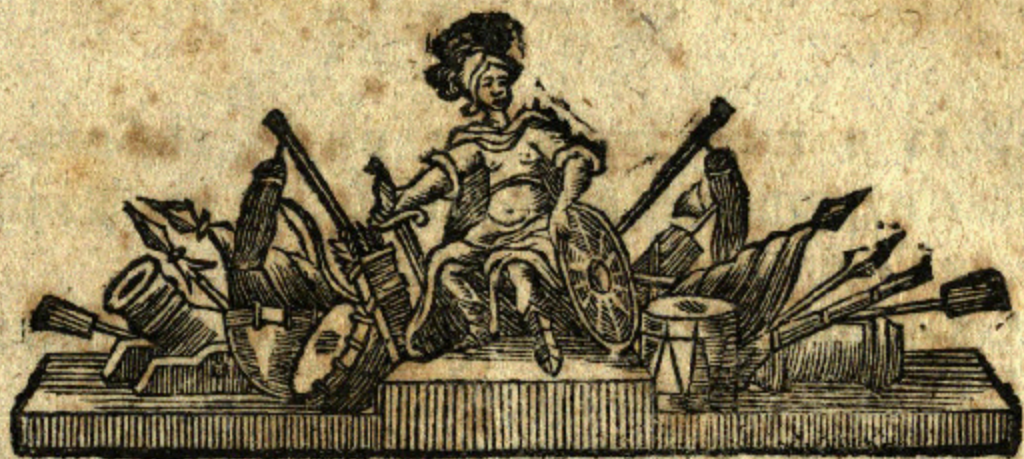
Іоакімъ Вунчъ.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВУЮЩАЯ ЛИЦА.

- Фредный, Царь Персійскій.
Салмо,)
Тауръ,) Фредна сыновы законнаго брака.
Иррегесъ, Фредна сынъ незаконнаго брака.
Сафіра, жена Салмова.
Хелма, Салма и Сафіре кѣи.
Лунара, жена Иррегеса.
Манухаръ)
Надіръ) Иррегеса и Лунаре сыновы.
Фаѳуръ, Принцъ отъ Турана
Астрофілъ, Священникъ и Совѣтникъ Фред-
новъ.
Сігаръ, шѣлохранишель и присный другъ Ирре-
геса и Лунаре.
Докторъ Придворный.
Перва Ушвора.
Друга Ушвора.
Вѣспникъ.
Книгоносецъ.
Тавничаръ.
Вооружаныи.
Міністри, Велможи, Воинство, раби и На-
родъ Персійскій.
Міністри, Велможи и Войницы Туранскіи.

*Сіе дѣло приключилося естъ у граду Фори у
Царству Персійскому.*

ПАЛАТА у ІСТАХИ

СОБА ПРИНЦА САДМА.

Сафіра, Сігарь.

Сігарь. Воистинну Сафіра тввой разговоръ чинимисе данась весма спранъ — а я теби чистосердечно кажемъ, да те я потомъ ништа не разумемъ.

Сафіра. Или ме неѣшь да разумешъ, нѣ ли истина Сігарь, ты мене зато неѣшь да разумешъ, да ми ништа не опговоришь.

Сігарь. Истину казаѣю и самомъ нашемъ Цару Фредну, и свакомъ кой годъ мене за ню запыша, дерзновенно — али ты си до садъ тако спранно пышала, да ти ни самъ могао опговориши, ты имашъ зато опешъ мою заклетву, нашъ разговоръ ничкому не опкрыши — говори дакле яснѣе, и
знай,

знай, да я мою заклетву ни за любовь могъ живота нарушиши не будемъ, я ѣу ѣюпити, како голь стѣна ове твое себе.

Сафіра. Ты си пріатель Прінца Иррегеса?

Сігарь. Есть, я и есамъ.

Сафіра. А есу ли теби нѣгове шайне познание?

Сігарь. Дакле треба пріатель пріателя шайне да открые?

Сафіра. Ты опешъ и шу речъ узимашъ остро, я не мыслимъ на оне шайне, кое чрезъ откровенія вредъ и убихакъ нанести могу, не мой драгій Сігаре, я ниши комъ другомъ, колми паче швомъ Иррегесу желимъ убихакъ — него ми е само зашо, нѣгово сердце учиши познаши, ты знашь безбожну зависть, коя измеѣю нѣга, могъ мужа Салма и нѣговогъ брата Таура отъ толико времена царсвуе — зашо я самъ причину искала, нѣговомъ сердцу ближе дойти, пакъ послѣ, кадъ бы самъ могла шо среѣно совершити; онда бы по моемъ плану гледала мирошвореніе измежду несогласне браѣе учиши, дакле ако чрезъ тебе къ нѣговомъ сердцу могу дойти, кое теби тако открывенно спои, тако чрезъ тебе рада самъ и къ овомъ моемъ добромъ намѣренію да доѣмъ; (у себи) овымъ путемъ найпрече доѣиѣю къ теби.

Сігарь. Я похваляемъ твое намѣреніе Прінцезо; и увѣравамъ те моимъ могуѣимъ вспоможеніемъ, ербо шшо славніе на свешу быти може него удалѣна сердца опешъ соединити, сердца, отъ коихъ склонностей спасеніе толики людій зависи — заиста, Сафіро често кадъ тако самъ станемъ мыслиши и за будущее размышлявати, деста пути отъ
страха

страха престисе морамъ — сирота Персіо помислимъ у себи, ты цвешашъ подъ Владѣніемъ Фредна како годъ еданъ цвѣтъ подъ рукомъ шрудолюбивогъ вершоградара — а садъ швое благодѣшело сунце заходи, а три изходе на место едногъ, али кадъ само ова три не бы разорили дѣло Первогъ: ербо они буду приобрѣшенно цѣло на части разграбити, несогласны измеѣю себе быти, ово покваренно семе свудъ по целой Персіи разсыпати, пакъ на место плода нїовогъ усева, люде косити.

Сафїра. И ты мыслишь на ужасне вещи!

Сїгарь. Заиста Сафїро, кровь же шеѣи а вапра свирѣпшвовати, докле годъ ова проклеша зависъ у сердцы овы браѣя узсвирѣпшвуе.

Сафїра. Зато дай ми швою помоѣь, мы будемо искусиши, што смо у соспоянїю учиниши.

Сїгарь. Ево Сафїро, я мою главу жершвуемъ на ово благо намѣренїе — обаче може быти не само ова моя глава, него и Хиладу други не буду у благо соспоянїе привести сурово сердце Таура и швогъ Салма, кои гордостъ, упорство и злобу прошивъ нїовогъ Ошца Фредна носе — нїово непримирно памязлобїе — и нїово пожеланїе Величества — пакъ после будуще Владѣнїе, кое е само за разумногъ, любвешполногъ и человѣколюбногъ Иррегеса опредѣлено — О Сафїро! я у обумиранїе падамъ, заисто іоште напредъ видимъ невозможность нашегъ доброгъ предпрїятїя.

Сафїра. То е истина, ако Иррегесъ како наймладшїй сынъ на престолъ ступи —

Сїгарь. Пакъ заръ не заслужуе ли онъ? Принцезо, само кажи правду — онъ, кой е
шако

тако добрый ; тако благій и любвеполный , пакъ іошть тако правдолюбивый и благоразумный отъ наравы . —

Сафіра. ЕСТЬ истина, онъ е отъ саме наравы за Цара надъ свимъ сердцамъ опредѣленъ.

Сігарь. Мене увеселява твоя похвала Сафіро —

Сафіра. Садъ дакле да идемо далъ къ нашемъ предмету — допусти само мени ово велико дѣло изводити ; а я ѣу гледати, да побѣдимъ ову гордость — обаче и за мое сердце морамъ при нѣму рачунъ наѣи, разумешъ ли ме ?

Сігарь. Не разумемъ.

Сафіра. Я ѣу іошть мало ближе спусти, люби ли Иррегесъ свою жену Лунару ?

Сігарь. Како годъ свою душу —

Сафіра. Бога ши каква е она ? я ю іощь са свимъ не познаемъ — я ню держимъ за едну такву жену, коя се у цѣломъ разуму слаба шварь именовани може, коя бы безъ защищенія свогъ мужа увела, како годъ цвешъ безъ воде; она е како я видимъ, едня слаба, презренна любвежелаема шварь, коя великому Свету тако мало ползе приноси, како годъ дешешу позлаѣена играчка — ешь, воистинну она е само една дечина играчка.

Сігарь. Веруй ми Сафіро, и шакова шварь полезна е великому свету — кадъ великій Човекъ како што е Иррегесъ подъ бременомъ попеченія подлегне свакомъ правду издавати — кадъ тежина невезанногъ весла, съ коимъ онъ имъ кормани, учинимусе досадна и несносима — несносима Сафіро, чрезъ кое неволъ и несносимости често многіи люди пошпану несреѣны; онда ова блага жена ово негодование отъ нѣга отврати, и нѣгово сердце о-
петъ

нѣтъ благо и мило къ щедролюбію приведе: — а напрошивъ кадъ бы горда жена была, коя бы за Величествомъ и Славомъ шежила, дакле у ономъ часу, кадъ бы нѣговъ духъ ослабіо, она не бы га знала оживити и веселогъ учинити, него бы га почела изъ гордости грысти, да бы се морао разума лишити —

Сафіра. Сігаре, мы треба найпре швомъ Иррегесу да дадемо Величество, пакъ онда мора неприятна неугодна Лунара да опилази — са свимъ да опилази —

Сігарь. Я се ужасавамъ — Сафіро — Сафіро куда ты мене наводишь?

Сафіра. Не веруешь ли ты, да жена, коя чрезъ духъ и раздраженіе любви возбудиши може, швогъ Иррегеса къ чемугодъ хоѣешь приволети, кадъ она само нѣгово сердце еданъ пупъ задобые? — Зарь ты уздышешь — сверху ове нѣгове слабости? Мой Сігаре не мысли ты шо тако, едно любвераздражительно сердце принадлежи добрымъ свойствамъ чловѣческимъ — ешь веруй ми, да една таква жена може такоѣерь сурово сердце и самогъ Салма приклонити — и кадъ бы дакле една таква жена была, коя бы найпре сва три горда брата мирна и спокойна учинила, после любовію швогъ Иррегеса заслепила, пакъ іошпъ пампи добро, кадъ бы доста духа и храбрости имала, нѣга чрезъ оваковы ласкашелстви возвеличавати.

Сігарь. Ешь — Сафіро — пакъ таква бы ты жена была? ты? пакъ шта хоѣешь ты мени съ овимъ да изяснишь?

Сафіра. Зарь не бы я могла къ сердцу швогъ Иррегеса доѣи, кадъ бы само хощела — да Лунара — да она опиде подъ церну землю? — О Сігаре! како га я неисказанно любимъ —

Сігарь. Ахъ спрашно и ужасно — Жено — Жено, самъ грѣхъ нїе цєрнїи опъ швогъ сердца — Боже всесилный! — али како смєшь шы таквє рєчи на швоя изговориши усша? — заиспа, я се опъ мене самогъ спрашимъ, кадъ помыслимъ, да се мени таква спрашна предложенїя представляю, моего прїятеля издаши, и нѣгову жену убиши — Ей Сафіро — не были я быо жена у овой причини, заиспа не бы се стыдію на теби мое ужасно учиниши опмашенїє — иди — опъ садъ у будуще не иди ми предъ очи, пакъ отвраши швою прєпешоужасну мысль опъ тебе — и не мысли, да ћєшь швое безчеловѣчїє ко концу привєспи — знай да ћє Сігарь у зашопце за тобомъ вребати — хей, да Свѣшъ швоя намѣренїя —

Сафіра. Безумный Човече — зарь немамъ ли я швою кляшву?

Сігарь. Есть шы си ми ю лукаво опузєла — пакъ зарь морамъ ли я шамо ћюпати, гди щаспїє могъ прїятеля о концу виси — али знай, я ћю самъ, како сєнка около ны бєвати, и прєћє него што шы крозъ мое перси къ ныма доћєшь — хоћє шумъ, вика и ларма швомъ безумїю и беззаконїю прєпятшвовати. (оде)

Сафіра. Безстыдный Човекъ — опешъ зато не спрашисє Сафіра, шы їоштъ ниси сєє изгубила — него само што сє распра мало продужила, а шы си опешъ ради шога любовышнїи постао — Иррегєсъ! — о Иррегєсъ! Какавъ пламень любовный гори у персима мойма за тобомъ — яхъ! зашто ме є Салмо у варошь довео, гди самъ га я видиши морала, тебе душо моя, кой садъ сєє часпице сердца моего

могъ любовію исполнявшъ — сирота Сафі-
ро — кудъ опходе швоя пожеланія отъ те-
бе — ты си садъ како еданъ тихій пошокъ,
кой тверде плашине и шанце раздире и руши
— Ахъ Боже! Любовь мене укрѣпиши буде,
како што чрезъ зраке солнечне расплѣнный
снегъ попоку крѣпость дае, да онъ надиће
и разліе. . . . Салмо, Тауръ, Сігаръ, Лунара
и Вещество, кои моему любвеболеспному серд-
цу тако жао чине, како Свѣплость едномъ,
кой болестъ очію терпи — хоѣу ихъ све у-
ничпожити, пакъ опонудъ у помрачину
корачиши, докле ми годъ Іррегесъ на свешъ
не изыће — или спани, ако онъ — онъ самъ
— — — мене не бы возлюбіо? него бы ме
возненавидіо — — презрео? — — О Боже!
куда ми мысль моя иде — — о! онда, онда
— онъ — — — на место свію прочіи — —

Сафіра. Салмо.

*Салмо спули унутра, седне печално на ед-
ну столицу, пакъ поднимисе на руку.*

Салмо. (са самимъ собомъ разговарасе)
Не — не — я кажемъ, то е невозможно, да я
нещасіе целогъ Свеша предамномъ гледамъ,
то дакле быши не може — онъ, беззаконный,
да свою ногу на моя леѣя мешне? (скочи)
Громъ и пакао, преће ѣю га овомъ рукомъ
угушиши — (иде яростно тамо и овамо) Ла-
скашелный Бездѣльникъ — како се онъ возвы-
шаваши зна надъ старіомъ браѣомъ; — надъ
швои старыи сыновы — ты слабосердечный
Опче — заръ швоя старость съ швоима очи-
ма есть швое сердце слепо учинило? — или
се есть цело, — цело къ нѣму обратило?

и

и шпа остае намъ? — Пагуба, уничиженіе и поруганіе! — Хей! бре овомъ песницомъ дошле бы га у чело ударао, и овима рукама дошле косполомю, докле му годъ не бы церна душа нѣгова крозъ шкрипляюће зубе изышла.

Сафѣра. (у себи) Есть, и я ѣу шо добрый Салмо, ако онъ на мою спрану не доће — зато садъ морамъ ярость измеѣю браће болма да разжежемъ, ербо чрезъ шо я добѣямъ, ако бы на оной спрани и изгубила шпо; а добьемъ ли я шамо, шо моя заслуга есть кодъ нѣга веѣа, ако га онъ нѣгове ве-сма яросшне браће ослободимъ. — (къ Салму) Зашто си у шако великомъ смущенію и бо-ренію Салмо?

Салмо. Како не бы было? ахъ самъ швой погледъ пера ми кровь хитро по жилама мои-ма — шы имашъ высокій духъ, кой жели, и иште высоке вещи — о како я любимъ ово швое Величества и Славе пожелаемо сердце! оно соопвѣтствуюе са свимъ моему — шы знашь, да е мой Ошацъ превладанъ шерешомъ свое старосши, жезлъ Царства выше держати, кога е нѣгова рука веѣъ отъ шolikoгъ ду-гогъ времена держала — онъ дакле има два сы-на, на коихъ плѣѣа може онъ ово бремя на-ложиши — еданъ само отъ ны може Госпо-даръ, а другій нѣму подчинѣнъ быши — ако бы на Таура нѣгово жребіе пало — шо я бы онда осеѣаю мою велику погибель, я бы му ненавистникъ быо и завидю бы му до гроба могъ, обаче у моіой Самоѣи, опетъ бы ме мирна задержавоа — зато кому бы другомъ принадлежала Круна? него мени, Перворож-денному, на когъ плещма ово бремя свободно оппочивати може, когъ погледъ садъ веѣъ

све Дворяне трепешаши чини — овде дакле зваше мой Отацъ мене и мога брата Таура къ себи, онъ хоће тако се каже Круну у руке одному отъ нѣговы сынова предаши — мы смо дакле дошли — о Сафіро съ каквомъ сердечномъ радостію хоћю тебе при овомъ извѣстію къ моима загрлиши персима, зашто самъ и тебе овамо довео, да ми умножишь радость чрезъ Дворске Славе и Великолѣпія — зашто мени се види, да ћю я быши будущій Царь. —

Сафіра. Пакъ садъ, ели већъ Фредный опредѣлю?

Салмо. Ніе, іоштъ ніе опредѣлю, него сутра опредѣлиши буде — обаче я пакъ осећамъ са свимъ меру мой жесточайши соболѣзнованія — я самъ нѣкимъ начиномъ дошао до сердца нѣговы Совѣтника, нашао самъ ихъ све согласне, нашао самъ ихъ све наклонѣне, не къ Тауру — не къ мени —

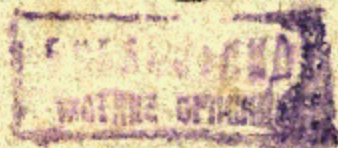
Сафіра. Него?

Салмо. Къ Иррегесу — увы мени! да е ово скверно име на моя успа изышло — име овогъ ненавидимогъ неединокровногъ брата — обаче ако то тако буде, Сафіро, ако то тако велимъ буде, онда нећю сѣду главу могъ Отца поштадити, него ћю союзъ опшертнуши, кой мене за овогъ незаконногъ брата везанна держи.

Сафіра. И буду тебе сви они хулиши, кои тебе познаю, а не буду ослепѣни безуміемъ Фредна швое достоинство увидиши! ни пошто супруже мой! онда я сама не будемъ прешаши теби съ мечемъ швою честь гониши, и свако на свешу средство употребити, овогъ безбожногъ разбойника нашему Ве-

В

личе-

личеству покорити — него хоће ли и Таурѣ нашегѣ предпріятія соучастникѣ быти?

Салмо. То онѣ хоће и мора га возненавидити, зарѣ ни смо ли мы браѣя! и неморалисе кровь, коя у жилама нашима ври, прошивѣ ове уметнуше вѣтве нашегѣ корена возбудишесе?

Сафіра. Иррегесѣ есть вашѣ неединокровный братѣ — то самѣ я слушала често, обаче я целу ту історію не знамѣ —

Салмо. О то е една безумна історія, двогубо безумна сверху случая, кой се догодио — я заиста садѣ могу се на ондашню проклету Фредна слабостѣ люпити, кадѣ самѣ происхожденіе шреклестогѣ Иррегеса разумѣти могао.

Еданѣ пунѣ, кадѣ е Царѣ Туранскій, онда бывшій нашѣ Непрїятель, нашу Персію съ воинствомѣ напао, мы то естѣ, я и Таурѣ были смо онда слаба неяка дечица, зато морао е самѣ Фредный прошивѣ Непрїятеля съ воинствомѣ иѣи, онѣ обаче овде нїе было среѣный — за то кадѣ е онѣ одну нѣгову башалия, на коей особити надежду имадыше, изгубіо и башѣ тако изгубіо, да све Регименте Фредна разгнате и разсуге бяху — онѣ самѣ за не пасти у непрїятелске руке, бацы съ главе свою Міпру, пакѣ метну проспу чалму, после наметну на себе одну халину, и побеже самѣ безѣ Пратїоца свои, ербо ты веѣшь знашь, да пошочиѣи редко одной изсушенной доходе рѣки — доста да онѣ избеже щасшно и сакрысе у одну мрачну шуму — была е весма страшна наступила ноѣь, тако приповедаше онѣ намѣ често, по коей онѣ блудяше коекудѣ, ни едно магновеніе ока нїе было у тиши-

шини, боеґисе да не палне у непріятелске руке — найпосле опази онѣ одну Свѣшлость у шуми по далеко — онѣ похити шамо, моляше за прибѣжище, и старый домаґинѣ ове мале колебе пріими га кѣ себи, обаче овай шумный жигель имадыше одну весма лепу кѣерь, коя нѣномѣ красомѣ бѣгашеля Фредна знадыше любовію до смерти плѣниши — на крапко: ову ноґѣ постависе основаніе живошу Іррегеса — супра дань, кадѣ е онѣ изѣ обятія Мірце пошао, откріе іой онѣ свой чинѣ и достоинство — она на то уплашисе, пакѣ му рече: да онѣ отѣ нѣногѣ Ошца, кой му е шако весма наклонѣнѣ быо, бояшисе има.

Сафіра. Несумнѣнно шай жигель морао е быши подданникѣ Краля Туранскогѣ?

Салмо. Есть, сладка Мірца оде доле кѣ своему Ошцу пакѣ опетѣ шаки доґе на прагѣ бледа отѣ страха и трепеша, ербо нѣнѣ Ошца бѣше Фредна познао, и веґѣ колеби бѣше сѣ непріятелскимѣ воинствомѣ обколѣна — што е дакле далѣ слѣдовало? на то абіе доґоше Солдаши, пакѣ га ухваґена опведоше. Еднако издалека слѣдоваше за нимѣ Мірца; коя све улагивашесе около едногѣ поглавара Офіцыра — на границы абіе бацыше несреґногѣ Фредна у шавницу — овде доґе кѣ нѣму хитра Мірца како Ангелѣ сѣ неба, она шу промени свое халине сѣ нимѣ, вручи себе судбини своіой и опмащенію непріятеля; а Фредный побеже непознаемо ноґомѣ — среґно онѣ преґе преко толико опасности и бѣди опетѣ кѣ своима на прагѣ. —

Сафіра. А Мірца?

Салмо. Бѣше после Фредна перво основашелно дѣло — непріятеля вооружанномѣ

рукомъ паки напасши — онъ доѣе найпосле на место, гди е она сужна шужила у тавницы, пакъ избави ю щастно изъ вапре и руку непріятелски. У великой бѣди живяше она шу, ербо непріятели очекиваху само порожденъ нѣногъ дашета, пакъ после да ю горкой смерти безчеловѣчно предаду. — Обаче башъ онай данъ кадъ е Фредный ню освободію, роди она погъ Иррегеса.

Сафѣра. Даше Любви.

Салмо. О ты проклешый часу, у коемъ се зачео нашъ непріятель, Фредна любовь къ нѣговой машери, кою е онъ после на престолъ воздвигао, ешь га тако ослепила была, да онъ овогъ нашегъ главнѣйшегъ непріятеля и после нѣне смерти обдержаваша нѣесе поспыдію.

Сафѣра. Пакъ зарь могли сте за шoliko дуго време погъ нарушителя вашегъ Величества терпипи?

Салмо. А шша бы смо радили?

Сафѣра. Хоѣете ли да васъ една жена научи? иди Салмо — иди къ швомъ брапу — пакъ пышай га — и ако ты нѣга тако наѣшъ, како шшо швое жели сердце, шо онда пріимифете и мене у Содружество ваше — Человѣческе силе, и женска лукавства не бы су зарь могли едногъ Иррегеса уничпожити?

Салмо. (загерли ю) Жено, нама крѣпость фали зашо: мы ѣемо къ швомъ коваршву и лукавшву прибѣгнуши.

ВЕРТЬ У ПАЛАТИ.

Есть вечеръ, месяцъ светли бледо крозъ
высока древа доле, на около свудъ царствуе
шоржештвенна шишина, на одномъ отъ месеца
сіяемомъ и дрессы обколѣномъ меспу видисе
Споллѣ Любве. Тауръ у своіой халини за-
віенѣ наклоніосе на подножіе сполла.

Любве, божештвенна любве, какво спасе-
ніе уливашь ты у сердце швогъ любимца — ты
га преливашь швоимъ веселіемъ шако благо, како
швои зрацы, прелюбезный месече — швой взоръ
причинява пушыню, а швое дыханіе есть мое
спасеніе — мужъ на спрани любезне жене свое,
есть едно спасеніе — обаче ахъ ты прелща-
емо Существо, зашто делишь ты швое даре
шако почно, како што дели слепа среѣя, швоя
сестра? — О ты, коя шoliko хіляда убо-
жайше рабе и неволнике кѣ Благополучнѣй-
шимъ возводишь, немой ни отъ мене швое
милоспиво опшрапиши око! я опмешаемый
ощушавамъ различна увеселенія естества;
я, кой едно сердце пуно радости у персима
моима носимъ — а никаква надежда кѣ Солю-
бови приближитисе може — — — О Лунаро —
блага Лунаро! како то име шако силно у серд-
цу моему дѣйшвуе — како бы ме оно
цѣло оживиши могло — изгублѣнна Лунаро
— О то — то е мое вѣчно мученіе — пакъ
гди е избавленіе изъ овогъ мученія? (клекне
на колена) чрезъ тебе Любве, есть, само
чрезъ тебе — услыши вопль мой преблаго
Существо, зарь нисамъ ли и я една одуше-
вленна шварь естества? — дай, о дай ми
Лунару, и онда си ми мое величайше спасе-
ніе дало — или зарь да до конца у мученію и
муки

муки живимъ неудоволствованна Любве? или да никадъ — никадъ щастанъ не будемъ? — Хей Лунаро, кадъ бы си ты видила, како месецъ на мои суза огледасе — на мои суза за побомъ — Обаче ако бы мене оцацъ Фредны и овако съ нѣговы Дворяни видіо? или Салмо — или Иррегесъ — Хей! (скочи горе) ако бы я чрезъ каквогъ нечаяногъ нашествія внезапно у моемъ посртаню нападенъ быо? пакъ напредъ или острагъ, или наоколо каковъ дѣволскій поругашелный подсмѣхъ появіосе? Ахъ! я не будемъ выше на ову мысль и опоменуписе! — — (иде немирно шамо и овамо) ако ме Иррегесъ види — онай — онай нарушитель моегъ щастія! —

Салмо. (ступи напредъ) Зарь ты говоришь о нашемъ брату?

Тауръ. Хей Салмо, ты овде? зарь ты на мене вребашь?

Салмо. Я самъ само чуо швое последнѣ речи — него самъ те пражіо, Тауре, а будући да я тебе налазимъ и башъ самогъ налазимъ, зашо неѣу те дошле оставити, докле ми годъ твою скорбну и мучиму не открьешь тайну — што е теби драгій брате мой? кажи ми твою скорбь, мы смо овде самыи.

Тауръ. Што, зарь хоѣе ово драго име отъ мене похищено да буде? наша сердца согласиласусе веѣь отъ нашегъ дѣтинства — Равенство чувствителностію и судьбиномъ естѣ ихъ нераздѣлима едно съ другимъ учинило — само што мене садъ гони судьбина съ тежкимъ біеніемъ сердца — молимъ те драгій брате Салмо, остави ме. —

Салмо. Заиста ты си мени са свимъ неизвещенъ — Тауре — я самъ преѣе имао цѣло

цѣло твое сердце — да нѣ Фредный безумне склонности кѣ —

Тауръ. Да то нѣ, я се заклинѣмъ моимъ непремѣняемомъ любовію кѣ теби — али юшпѣ еданъ пушѣ молимъ те остави ме на миру — О! блистаніе Круне не мучи мое сердце тако препенуужасно — я то блистаніе не почитуемъ, ако бы га какво немирно сердце опѣ мене и опузело — башѣ и на швоїй глави гледаюћи га моима собственными очима, не бы ши завидію.

Салмо. Обаче на глави треѣгѣ? зашто уздышешѣ? може быши да име Иррегееѣ тебе смущава?

Тауръ. Брате, има юшпѣ едно име; кое мое сердце горкимъ мученіемъ и печалю наполнява.

Салмо. Но, дакле пусти га веѣ еданъ пушѣ на швоя уста.

Тауръ. Ахѣ зарѣ последний пушѣ? то я нишо не могу, зашто свагда буду на овай предметѣ мое скорби мыслиши, — него име Лунара быѣе мое последнѣ издыханіе.

Салмо. Лунара! Лунара?

Тауръ. Ты имашъ мою шайну, Брате, за главу нашегѣ Опца, ако бы шко годѣ другій кромѣ насѣ ово дознао! али башѣ не бранимъ; можешъ то казати и целомъ Свету, ербо онѣ ѣе и безѣ того скоро дознаши, како нещаспанѣ Таурѣ хоѣе быши

Салмо. А еси ли шы заиста? — чрезѣ нѣ?

Тауръ. Пышай пушника, кой е у песковишу пусшыню заблудію, изѣ кое онѣ выше наполѣ изыѣи не може, и препенна смерть нѣго-

нѣгово изсушено и измучено напада тѣло,
пышай того, ели онѣ несчастанѣ?

Салмо. Дакле ты любишь Лунару, хмѣ
какавѣ случай, пакѣ зарѣ немашь ли никакве
надежде?

Таурѣ. Тако мало како жертви прино-
шаемо ягнѣ, кое подѣ руку нашегѣ Священника
доѣе.

Салмо. То е жалостно! а еси ли ты
дакле съ Лунаромѣ говорию?

Таурѣ. Есамъ — но никаква надежда —
никаква мысль къ надежде — она прилюбиласе
къ нѣномѣ Иррегесу тако швердо, како годѣ
я къ моему несчастію!

Салмо. Добро, ако е свакій пунѣ теби
до садѣ быо суешанѣ — остае ти юшше
еданѣ, швою Любовь достигнуши.

Таурѣ. А кой?

Салмо. Онай шайно насиліе — естѣ
Браше, оно е само, кое насѣ къ нашему на-
мѣренію привести буде, и насѣ отѣ шакове
ненавидиме швари освободиши. О! ако се
само найпре допусти овомѣ Иррегесу Круна
носиши, онда буде тебе нѣгова жена гордостно
хулиши — онда ѣе онѣ насѣ изѣ нѣвогѣ
Двора испераши, и онда теби выше не изо-
сшае, него на ню мыслиши и Благополучногѣ
возненавидиши — него само онда може швоя
Лунара быши, кадѣ Иррегесѣ погине — Тауре!
ты, кой си до садѣ тако храбрственный быо,
а садѣ си безсилный — опузми отѣ овогѣ на-
шегѣ непріятеля силу нѣгову, кой швомѣ
сердцу толику задае пугу, спани овомѣ Без-
законнику ногомѣ за врагѣ, кой намѣ обои-
цамѣ у свакомѣ нашемѣ намѣренію препят-
ствія чиниши буде — пакѣ после — теби свака
ти-

пишина и миръ нарушишисе не буде, а по остави ты самомъ мени ово дѣло къ концу приводиши.

Та урѣ. Я бы се воиспинну согласіо съ тобомъ, кадъ не бы мыслію, да е онъ нашъ братъ? —

Салмо. Една тварь, кою еданъ случай намъ на пущь избаціо есть, воиспинну тако е неспособна, како зерно праха, кое намъ вешаръ у око тѣра — дакле наполъ съ такимъ незаконнымъ братомъ, наполъ изъ нашегъ благородногъ рода и племена, кому принадлежу само люди чести и славе достойны — О! дай Боже, да му данась последний пушъ месяцъ тѣме осіе!

Та урѣ. ЕСТЬ, и я га возненавидимъ, и хоѣу га башъ искорениши, а то ꙗко ме приволѣши Любовь Лунаре,

Салмо. Она е една жена, една терска на вешру — овде веѣкъ не могу те совѣшовати, каковымъ ласкашелствомъ ты после нѣне Любве сопричастникъ учинишисе будешъ — али мыслимъ, да ꙗко моя Сафіра овде болъ знаши испословати?

Та урѣ. Заръ ты мене хоѣешь овде и твоіой жени да издашь?

Салмо. Она нѣ башъ проста жена, естество есть ніой даровало силу храбре люде за собомъ водиши, а будуѣи да она таково дарованіе у себи содержи, тако пріимиѣмо и ню у содружество наше — она нѣнымъ хитроуміемъ може намъ овде весьма спомоществовати — елъ Брате, три такова пріятеля како што смо мы, можемо Фредна свако предпріятіе нарушиши и унищожити?

Та урѣ

Тауръ. Нека буде — я се теби Брате предаемъ — я самъ са свимъ задоволянъ. Ахъ Брате, кадъ бы само Лунару придобю, макаръ бы и на престолъ Фредна сео, а ты бы си ю къ мени привео, то онда бы доле съ престола сишао и теби рекао — Брате! — спуни ты на место мое, а мени дай Лунару и какавъ градъ. —

Салмо. Юште едно, имашъ ли ты вѣрне служишелъ — кои бы ѣютали, како рыбе у води?

Тауръ. Имамъ.

Салмо. Но дакле пусти намъ страшне облаке у едно сперати и небу нѣгово сянне опшпергнути. (они оду)

Иррегесъ, и Сігаръ шуле унушра.

Иррегесъ. Зашто ты мой дражайшій осеѣяшъ таквый страхъ?

Сігаръ. Како да бы човекъ за сваку вещь, коя е предъ нимъ и около нѣга узрокъ морао даши. Обаче то писе заклинѣмъ Брате мой, да я осеѣямъ у мени еданъ шрепетъ, еданъ ужасъ, кои чини цѣлымъ моимъ шѣломъ шрестисе, како кой къ мени иде, когъ е лице подозрительно, шаки му бежимъ съ пуша, како што са спрагъ моя собственна сенка на светлый зыдъ пада, шако я напрагъ опскачемъ

Иррегесъ. Воистинну брате, я се ужасавамъ, а то е первый пушъ, да я тебе шочно искусиши не могу — шша имашъ ты на швомъ сердцу?

Сігаръ. Еданъ шрепетъ, кой ме како олово пришеже — О мой Иррегесу, садъ су
заиста

заиста опасна времена , у свакомъ углу вреба грѣхъ на свой грабежъ , добродѣшель напаси , како спрашний Лавъ у нашей пустыни , воистинну садъ еданъ добродѣшелный скоро на целомъ свешу не буде шаково мало место наѣи , гди бы се отъ свои неприяшеля зашворити могао .

Иррегесъ . За име Божіе , ты мене ужасавашъ — кадъ шакове беседе изъ уста твои произылазу , то дакле нещасіе мора близу кодъ насъ быти . — (загри га) Друзе и Брате , какову буру гледи твое око — и како ю могу отъ тебе отвратиши ?

Сігарь . (о себи) Тежко мени , да я како сопричастникъ овогъ грѣха , не могу моему другу открити беззаконіе , кое е целогъ свеша найужасніе . (гласно) Иррегесу іоште еданъ путъ , за име наше искренне любви , немой отъ мене выше изискивати , я теби не могу ништа казати .

Иррегесъ . Чудный човече — шта захтевашъ ты дакле отъ мене ?

Сігарь . Тебе чувати — тебе храниши и моіомъ крѣпостію защищавати те — Брате веруй ми , за насъ люде свако магновеніе ока есть опасно , кое намъ нещасіе причинити може , и премъ да га я моимъ ушма изговорити не могу , О ! али е опешъ моя дужность за тобомъ шочно позоршвовати .

Иррегесъ . А шта ѣю дакле да радимъ . ?

Сігарь . Ослонисе на мене — іошпъ еданъ путъ я ѣю бодршвовати за тобомъ , пусти мене на пущу Любве свагда твоимъ спутникомъ быти — не иди тако выше самъ къ твоіой Лунари — твой прияшель не преба

ба твое сладке часе да нарушава, обаче ниши пуштай и твою Лунару саму безъ охранителя — овде у пустой Верша хранини спаваши, упромъ кадъ ты отъ нѣ опилашишъ а нишко нѣ тамо, кой бы спаваюћю само прошивъ найманѣгъ непріятеля браню, него само нѣке обумирашелне и спаваюће жене — то выше да ниси радю — ербо шкоће стояши добаръ за свакій случай? ако се шкогодъ теби приближи — немой му веровати, како што си до садъ радю — не веруй, да свако чесно лице содержи у себи шакоћерь и чесно сердце. —

Иррегесъ. Сігарь, шта радишь ты отъ мене? зарь хоћешъ ты мое сердце съ недосповѣрностію и шрепетомъ да напунишь? — иди — ты сновидче и изспавай твое черно мечпаніе, отерай шу твою шавну маглу отъ себе, коя се Богъ зна чрезъ шта около твогъ обухватила сердца, пакъ буди опешъ мой дражайшій паче свію Любезнѣйшій Сігарь — зашто да се я плашимъ, кадъ я ништа предъ собомъ не видимъ, отъ шта бы страхъ каковъ имати могао? пакъ зашто, кадъ ты шпогодъ знашь, зашто держишь покрывенну шайну, и неопкрыешъ твомъ другу и пріятелю? — Што то были мора?

Сігарь. О Боже, како мене мучу ша твоя попреканія!

Иррегесъ. Не — прости ми Любезниче мой, намѣреніе мое нѣ было тако зло, како могу были мое речи: (загри га) како бы могао тебе твой Иррегесъ тако мучити? — пакъ зашто се ты и за мою Лунару шако страшишь? знашь ли ты, како е то ужасно за предметъ старатисе морати, кой се

люби и милуе? О како неописанно я ню любимъ — дакле пусти ме съ миромъ пущь любви мое слѣдоваши — ово есу и безъ того мои единыи часи, у коима я мене са свимъ блаженомъ чувству како човекъ предаемъ — заиста, ако бы се моя основателна правила юшѣ тако опмѣнна и чинила, я се выше не радуемъ человекомъ быши, кадъ бы я чувствителнымъ сердцемъ моіой убогой браѣи милоспыню давао, или мене у обаятія Любве предавао. —

Сігарь. (напрасно) Како? Зарь ты не чувствуешъ опасность?

Іррегесъ. Боже, како само еданъ знакъ опасности тебе ужасава! Човече! — опешъ я нею се съ тобомъ препираши, зарь си ты заключеніе моего Отца заборавіо — зарь се не буде еданъ отъ мое немирне браѣе за нѣговогъ наслѣдника наименоваши — а другіи —

Сігарь. О ова обадва брата держесе тако твердо еданъ съ другимъ како Магнетъ за гвожѣе!

Іррегесъ. Я ихъ не любимъ, обаче ниши имъ хою ниши желимъ на погибель быши — есть, я бы ихъ воистинну любіо, кадъ они не бы су често мое сердце отъ ніовогоъ отвращавали.

Сігарь. Они къ теби нигда обратише не буду. — ербо они знаду, што о теби Фредный мысли.

Іррегесъ. Ахъ зашто мора та нѣжна любовь моего дражайшегъ родителя, да мене предметомъ брашке зависти чини?

Сігарь. Та зависть воистинну скоро у пламень гореѣій преобратише буде, како на швоіой глави царска Круна сіятисе буде.

Ірре-

Іррегесъ. Онда увы моіой бѣдной Персіи — подмешнуосе нисамъ доброхошству моегъ Отца, ешь, я самъ се самъ съ нѣговы Совѣши тако согласію, да онъ и ны изъ избранія не исключи, да и они могу чрезъ жребія быши — пакъ ако бы на мене ово жребіе и пало — О Сігарь, мене бы ово манѣ гордогъ учинило, него ли Круна Фредна.

Сігарь. Пакъ ако на тебе и не бы жребіе пало, а шы си и тако достоянѣ шогъ Величества, зашто не? —

Іррегесъ. Онда не бы еданѣ знакъ у момъ лицу найманю часпицу печали показао — шoliko бы свагда мени Фредный милости поклонію, за умѣрено живиши моѣи — пакъ после мою Лунару и тебе — што бы ми выше фалило? — Хе! (чуесе крозъ опдалѣнну верта собу гласѣ Цішаре) шо е она — мое щастіе — мое све — прости ми Брате, ако я тебе садѣ ніой вручимъ. (загри га)

Сігарь. (обухваши га къ персима своимъ) Ублажавай съ увеселеніемъ швое щастіе — любезный брате мой.

Іррегесъ. Здравствуй Сігару мой (оде у верша храмину)

Сігарь. (гледаюѣи га) Среѣный, кой безпечално шамо хиши, гди га нещастіе са сви страна обашыре — али Сігарь немой пакъ завидиши швомъ пріятелю и буди нѣговъ охранитель — Ешь Іррегесъ, я шо хоѣю и быши, я ѣю радити за тебе и даніомъ и ноѣомъ, и преко мене найперво нека бы дошли нѣговы непріятели къ нѣму.

С В И Т Ъ З О Р Н Ы Й.

Спаваѣя Соба Лунаре.

Лунара, Иррегесѣ.

Иррегесѣ. Сунце исходи изѣ восточны гора, и она восходяща блистанія показую мени отѣ тебе разспаписе, моя Блага — ты знашь, да мой Опацѣ мене очекива.

Лунара. Я бы желила, да бы Сунцу заповедиши могла, да оно свое блистающе зраке юште у мору задержи. —

Иррегесѣ. Благодаримѣ тебе на шаковой жели — о Лунаро, како я тебе ради швое Любви милуемѣ! —

Лунара. Чрезѣ того ты мене срамотишѣ, зарѣ ты треба да благодаришѣ за щасшїе оно, кое си ты мени даровао? не дашѣ ли ты мени спасенїе чрезѣ швое любвеполно сердце, а я пакѣ приобщавамѣ мене са свимѣ кѣ швоїой любви, зашто ты моему сердцу найвеѣе благодѣянїе еси — о! —

Иррегесѣ. Зашто уздышешѣ Лунаро? што е то? то е было уздысанѣ печално!

Лунара. (умиляваюѣисе около нѣга)
Што бы мени фалило мое дражайше Благо, кадѣ си ты кодѣ мене?

Иррегесѣ. Али кадѣ я отѣ тебе опидемѣ?

Лунара. Онда, онда самѣ тако печална, да све около мене пусто видисе, и мое сердце жедни за швоимѣ взоромѣ како цвешѣ за пишемѣ изѣ руке Верпоградара. — Я осеѣямѣ нѣкїй пущѣ едно шакво мучимо неспокойство.

Иррегесъ. Зарь и ты што непогодно о-сеѣяшь? што вамъ е, ты и мой Сігарь, да и онъ мене шако брани? и нѣшто у сумни есть? —

Лунара. Спрашный Хранишель — за нашу любовь мой Иррегесу, што е говоріо онъ?

Иррегесъ. Спрашне вещи — о одномъ нещасію, кое онъ и самъ не зна — Непогодна мечпанія, любезна моя — само гледай, како и ты ужасно гледишь?

Лунара. За Бога, мени е шако тяжело како одной машери, коіой хоѣе дете да умре — обаче ово буде скоро преиши; може быши, да е еданъ крашакъ санъ, кой мое члене крѣпи, и я мою преѣяшню веселость получиши будемъ.

Иррегесъ. То бы всесилный Богъ дао — воиспинну Лунаро, шако осшавлямъ я тебе весма тяжело. —

Лунара. Ніе ли истина, мой любезный — ты ѣешь се опетъ врашиши?

Иррегесъ. На крыли Любве — измеѣю того буди ми на миру моя Лунаро, я ѣу ти могъ Сігара послаши.

Лунара. Немой, я ѣю спавати, и онда ѣемисе о момъ Иррегесу саняши, како се онъ пригиба, и нѣжно люби ми уста, и ако я чрезъ то пробудимсе, шо шай санъ быѣе вѣрояшный.

Иррегесъ. Ты си Жено Ангелъ, — и мое найвеѣе Благополучіе; здравспвуй — почивай мирно и здраво. —

Лунара. А ты помысли на мене.

Иррегесъ. То я и хоѣю, докле самъ годъ живъ. (они загрлесе нѣжно и Иррегесъ опиде:)

Л у н а р а.

Съ каковымъ Блаженствомъ избылуе мене Судбина чрезъ любве овогъ Човека — О я ѣю се нѣга тако крѣпко держати, како лоза чокѡша — пакъ опетъ, зашто е мое сердце данась тако скорбно? мени нѣе другоячѣе, него канда бы ми опасность свакий часъ предъ очи изилазила — то е санъ Лунаро, гди опасность прѣши. — иди сну — онъ ѣе се изгубити — (она легне на нѣну постелю) Садъ неѣесе овде тако тихо и благо ошпочивати — дойди изображеніе моего Иррегеса, обнови ми сва моя чувсшва — покажи ми швой любвеполюый видъ — и ули крѣпость у сердце мое — (она хоѣе да заспи, пакъ опетъ почне) Ахъ! каковъ прѣпетъ опетъ све крозъ мое жиле пролази — мени се чини, како да я какавъ гласъ чуемъ: (она устане пакъ иде къ вертанскимъ врашма) али опетъ е тако мирно овуда — первый Свистъ — како годъ роса тако изобилно по листвию разширесе — а овай волноспный ютпенный воздухъ — но шы бы си юшпъ оспаши могао мой Иррегесу Слушай! — шпа се то хладно по мои леѣи протпыре то мора быти, да е хладный ютпенный воздухъ — свудъ на около есть све тако тихо — уединенно — о ходи пакъ сну, и списни ми мое очи. (она легне на свою постелю пакъ найпосле и заспа, а около нѣ царствуе тишина — една подуга ошпочивательная)

Крозъ шуморицу провучесе полагано една Ушвора у мершвачкой халини обучена, отвори врата, пакъ сшули унушра:

Ха — она спава — садъ управо къ нїой, пакъ да се убіе — (гледа около себе шрепетно) мене башъ нишко не види, а и не познае ме башъ нишко у овой мершвачкой халини; тако хитро, колико е мегуће — зашто е казала Сафіра — садъ дакле треба бодрости имати — (извади ножъ пакъ ступи спаваюћей мало ближе) ако се она пробуди, пакъ помоћъ узвиче, и я се открьемъ, то неће добро быти — Ха! али и я се весьма страшимъ — пакъ како она раздражително овде лежи — где — ако ты ню садъ не убіешь — Ху! како юшрений хладный воздухъ и шрепетъ показуе ми се по шѢлу хладный — — — садъ дакле само еданъ ударацъ — Хей! не шушли ли тамо штогодъ?

Друга Ушвора, шакожеръ у мершвачкой халини обвіена, увучесе крозъ друга врата, Перва усстрашисе.

Перва Ушвора. Ахъ за волю Божію, то е нѢкій Вампиръ — како ми коса расти, гди ѣю се сакрыти?

Друга Ушвора. Шта я видимъ тамо у помрчини? одну Ушвору како я обученну? — я имамъ халину за усстрашити оногъ, кой предъ мене изыће, а я се самъ страшимъ и дркћемъ — я Дунару морамъ да усстрашимъ, заповедіо ми Тауръ, и кадъ она изъ куће побегне, онъ ће се онда овде наѣи, како нѢнъ освободитель, пакъ ће ю са собомъ опвессти — али кокова е шо тамо Ушвора

швора, коя шако недвижимо напрошивъ мене
стой? —

Перва Ушвора. Я отъ страха не
могу выше съ места — ако ли опетъ Лу-
нару не убиемъ, изгубиѣю мою главу — да-
кле брже тамо —

Друга Ушвора. Она се приближава
къ Лунари — хоѣе да ю сохрани — шко си ты?

Перва Ушвора. А шко си ты?

Друга Ушвора. Я хоѣю Лунару са
собомъ да водимъ.

Перва Ушвора. А я ю хоѣю да уби-
емъ — дакле далъ отъ нѣне постелъ.

Друга Ушвора. Ако ты неѣешь оп-
давде — шо бойсе могъ ножа.

Перва Ушвора. А ты опетъ бойсе
могъ.

Друга Ушвора. Ха проклета душо,
хоѣешь ли ты имати шолько храбрости?

Лунара. (чрезъ вике пробудисе, пакъ
скочи горе и здраво виче) Всемогущій Боже,
што е то?

*Врата отворусе, а Сігарь съ голомъ са-
блѣомъ дошрчи унушра.*

Сігарь. Шта е то? Хей! — не стра-
шисе Лунаро, я самъ Сігарь твой избави-
тель; безъ прага вы проклетыи кровопійце
Звѣри, и благодарите моему презрѣнію, да
васъ опдавде безъ казни оппущамъ. (Ушворе
побегну) Блага Лунаро не спрашисе, докле
годъ Сігарь живи, свака ѣе опасность отъ
тебе далеко бивати.

Лунара. (наслонисе на нѣга) О Сі-
гару, како самъ отъ страха ослабила —

пусти ме, да се на тебе наслонимъ — я
самъ весма слаба.

Сігарь. Буди на миру моя предрага —
ова мала опасность естъ прошла, а я
заклинѣмсе теби мойомъ честію, я ѣу на
свакій твой коракаль бодрствовати — заи-
ста ово ѣе Сігара найлюбезніе дѣло опса-
да быти — сваку маглу отъ Дунарине душе
отгнаши, и никаково магновеніе ока не про-
пустиши, кое твоимъ и Іррегеса щастію благо-
поспѣшествовати буде.

Дунара. Ахъ! пакъ зарь ты шо можешъ?

Сігарь. Мое сердце естъ садъ пуно прі-
ятелске любви. Ходи, Блага, на воздухъ
красногъ юпра, взоръ побуждателногъ Е-
спества буде наша разблажити сердца: (оп-
веде ю)

Х Р А М Ъ У П А Л А Т И.

*Крозъ споллове проницава тиха зрака на-
стулающегъ юпра, коя уничтожава Свишъ зор-
ный. На одномъ маломъ олшару видисе изда-
лека Святой огонь горящій. Царь Фредный на
намешпены яспуцы доле наслонѣнъ слава — на
около свудъ царствуе тишина.*

Фредный. (пробудисе) Ахъ! шо е было
еданъ санъ! — Благо мени, да нїе далъ слѣдо-
вао — — — Боже мой! како е мене овай санъ
мучію, могъ Любимца растергоше оне —
— — обаче я самъ заспао унутри у храму
на свешомъ меспу — — Боже мой и Отче
мой! хоѣе ли дакле овай санъ какво пред-
знаменованіе имати? (клекне на своя колена)
— Ты вѣчно Существо — Боже — Отче! не
допу-

допусти моему старому сердцу толико печали имати, сохрани мой Домъ отъ толикогъ великогъ несчастія, ако твоя Божественна премудрость не бы за нужно опредѣлила. (обрише си нѣке сузе са свогъ лица и съ возвышенымъ рукама говори) Я имамъ едно велико дѣло предамномъ, ты исхождаемо Солнце, кое садъ къ мени доходишь, швой свѣплыми зрацы не буду выше на мою увѣнчану падати главу. — Я хоѣю садъ, будуѣи да овай перепѣ мене тяжело пришеже, ово бремя на ячу поставиши главу — обаче на кою? како получавамъ я нѣгову премудрость у дублину человѣчески сердца доѣи, — за видиши у коему сердцу Благополучіе, Благословѣ и Спасеніе за многе Міліоне мос деце лежи — или у коему Свирѣпость, Несчастіе и Беззаконіе сакривенно стои? — сама швоя Всевышняя Сила може мене овде у моемъ дѣлу благословиши. — дакле управи мой взоръ, кудъ онъ треба да гледи, и постави ты име оно у уста моя, кое ѣе Спасеніе мои Народа быти (онъ представи се къ молишви, Астрофілъ ступи унутра, онъ стаде предъ Фредна, пакъ тихо рече)

Астрофілъ. Любвеполный Старче! садъ онъ молисе за спасеніе нѣговы Народа — Чести достойный Царю — ешь, за любовь Божию, шо е спаза наибольшегъ Цара — О шо е блаженно и свето Отацъ толико много Міліона быти, ты се заиста како правый Отацъ овде показуешь; кадъ ты еданъ пушъ добрый Фредный предъ всеобщаго Судіе пресполь изыѣешь, и сви Міліони швой людій около тебе, кои су подъ швоимъ управленіемъ были, — О! овде заи-

ста

ста неће ни еданъ быти, кои ће имати што годъ противо тебе казати. — — — Владѣтелю Персіе, мой предрагій Фредный!

Фредный. (исправисе горе) Еси ли што Астрофіле — благо мени, да я опешъ отъ тебе швогъ потребуемъ совѣша!

Астрофілъ. Многочествуемый Царю! заиста теби таковъ свагда стои на швоіой службы.

Фредный. Мой Астрофіле, какво бреме лежи на мени!

Астрофілъ. Сыла Всевышняго найдешъ на тебе, и ты швою главу паки возвысити будешъ како Цвѣшъ, когъ солнце осіява и вечерня роса прохлаждава. —

Фредный. Ахъ, друже мой, али ако мени садъ Божество Нещастіе предблаговѣши?

Астрофілъ. Отъ шакового Всесилный да тебе и швое Любезнике сохрани!

Фредный. Есть, честный священниче, овогъ юпра бяху моя внутреняя чрезъ едно сновидѣніе возмущенна — ты знашь, я самъ цѣлу ову ноѣ у храму провео, за получиши крѣпость чрезъ молитве добро избраніе за спасеніе цѣле Персіе отъ Бога испросити. Предъ зору заспаосамъ, ербо мои состави шѣлесны были су ослабили, а и мой духъ ошягощенъ — ахъ! онда на мене нападе едно ужасно сновидѣніе; я самъ се видіо на едномъ пространномъ — — полю, ушпруѣенъ лего на еданъ камень, за ошпочинути, кадъ самъ покрай мене видіо одну Змію у травы играти, найпре устрашимсе, обаче Змія баше лепа, и не показываше ни найманъ у себи еда, зато шно самъ ю выше гледао, было самъ пищиа — есть, я самъ се за крашко у
ню

ню тако залюбію, да самъ се доле сагнуо, и хопео самъ ю на перси свое метнути; веѣь самъ ю имао у руцѣ, и поче іой златно нѣно тѣло миловати, алѣ ешо ти доѣоше іоште две Зміе — оне су были такоѣерѣ лесе како годъ и она, обаче нѣшто злбно виѣяшесе у нювыма очима, кое се мени веѣь недопадоше, но кромѣ свега того, нисамъ се ни нима хопео шпогодъ показати неугоданѣ; кадѣ су ове дакле видиле, да самъ я перву тако мило кѣ мои-ма притиснуо персима, шаки почеше свижа-ти, савіятисе, едѣ просипати и горе кѣ мени дизаписе — моя Любимица растависе опѣ мене, пакѣ опиде кѣ нима доле, мило-вашесе около ны, пакѣ поче тражити на-чинѣ ны ублажити, обаче оне скочише на ню, пакѣ ю на комаде распергнуше. — Боже, како самъ се я уплашію! шаки самъ после ове две свирѣпе ногама изгазію, пакѣ пробудисе ви-каюѣи изѣ свегѣ гласа.

Астрофілѣ. То е страшный и зна-менія достойный санѣ. — Ахѣ Боже, какву си ты судьбину Персіи опредѣлію! — Обаче мой Фредный не треба зашо прошивосло-виши; шта смо мы, за моѣи прошивѣ Бо-жіегѣ опредѣленія ропшати? Ты сѣ твоіомѣ Круномѣ, а я сѣ Жершвоприношеніемѣ? — мы смо еданѣ Прахѣ — — Буди утѣшенѣ Фред-ный — іошиѣ може све добро быши — обаче да се ты опѣ твогѣ тежкогѣ бремена осво-бодишь, и твое сердце выше не утѣснявашь, ако бы твое избраніе на погибель твогѣ Царства произышло, іако послушай мене, пакѣ слѣдуй моему совѣту.

Фредный. Я се на тебе осланямѣ, мой старый пріятелю!

Астро-

Астрофілъ. Я самъ пао на лице при Божественномъ огню у храму кодъ святогъ жертвеника у време полночи, пакъ въздыханія и молитве исхождаху изъ устъ моихъ, а сузе изъ очю — шамо бяше, како да бы Божественно Вещество вливало у мое сердце мысли: Фредный не буде возможанъ благополучно избрати Наслѣдника, ербо онъ юште са свимъ не зна сердца свои сынова, зашто пусти Браћю саму да свакій свое жребіе рѣши.

Фредный. О Боже, неѣду ли они мечемъ пасши?

Астрофілъ. Неѣду — зашто не треба ты овде одному већю любовь него ли другому да покажешъ. — Нювъ разумъ и сердце мораю се скоро явственно показати тако, како судьбина, кою они нювомъ Народу предуготовиши буду. — Сазовы твое Князе и твое сынове заедно, а я ѣу у среду мећю ны ступиши, а ѣу нима живописанія представити — свакій некъ избере по склонности своихъ страстей, и кой дакле выше по желанію Благородны Князева избрати буде, шай ѣе быши твогъ Царства Наслѣдникъ.

Фредный. Ты си мое сердце тако разблажіо, како Балсамъ нѣку распалѣнну рану — Богъ да те награди за ово утѣшеніе — што си ты мене тако тихогъ у овомъ тежкомъ часу учиніо. — Ходи дакле да идемо къ Совокупленію.

Астрофілъ. Ты си твогъ Иррегеса овде назначіо; онъ мора дакле скоро овде быти — я идемъ измећю шогъ предуготовиши Нуждая. — Скоро мой предрагій Царю хоѣемо се паки видити.

Фредный. (загряга) Мое сердце быће кодъ тебе. (Аспрофилъ оде) Я самъ укрепляю съ Балсамомъ предобре надежде.

Фредный, после Иррегесъ и Манухарь.

Иррегесъ. (къ ногама Фредна) Твой Благословъ, любвеполный Отче!

Манухарь. (шакоферь) И мени, почишанія достойнѣшій Дѣду!

Фредный. Богъ Всеблагій да благослови васъ съ Добрымъ тако, како Божественно солнце нашу землю (они устану) Добро сте ми дошли!

Иррегесъ. Какъ заръ си целу ноѣ овде у Храму провео?

Фредный. Смертныи за свое смертне не може много сотворили.

Манухарь, Обаче твоя крѣпость —

Фредный. Не треба, да се утрудимъ кадъ къ спасенію мого Народа служи. — Есть — мой любезный — я самъ молю за крѣпость, едного измею васъ Браће за Наслѣдника моего царства избрати. — Ахъ Иррегесъ, кадъ не бы само избраніе Едного, сердца другихъ возарило! —

Манухарь. Како неправедно и казни достойно бы было, кадъ бы се Едно отъ Ваше деце, Вамъ како своему Отцу непокорно показало!

Иррегесъ. О Боже! нишпа на свету не бы ми усерднѣе и милѣе было, како миръ измею насъ!

Фредный. Ты си мой возлюбленный сынъ — мой Иррегесъ!

Иррегесъ. Не тако, Отче — заръ ни смо ли мы сви шрое твоя деца? и не мораю ли теби сва шри любима быти? зашто дакле

дакле ты едномъ швомъ сыну первенство предъ другима швоима даешь?

Фредный. Зашто ты си благій и добрый — а они сѹ упорныи и суровы.

Иррегесъ. Будући да естество не изображава едно сердце како друго; зашто и ты Опче немой ихъ за образование естества укоравати. Немой, ербо су и они добрыи и любвеполны — заиспа, до садъ е сама моя кривица была, да су они своя сердца ошъ мене отврашили, ербо я ихъ нисамъ могао знати, на мою задобиши страну. О я хоѳю све упошребити, да мени мою браѳю, а теби све швое сынове опетъ обратимъ.

Фредный. (подигне обе руке горе) О погледай Боже доле на ово добро сердце, и на мою радость!

Манухаръ. И дай ми, да будемъ тако добаръ, како и мой Отацъ!

Иррегесъ. Ходи предрагій Фредный, Князи очекиваю на тебе.

Фредный. Я ѳу се на мою добру дечицу наслонити, знамъ, да они не буду сверху моего бремена уздысати. (Иррегесъ и Манухаръ воду старогъ Опца изъ храма)

ЦАРСКА ОТВОРЕННА СААЛА.

Сви Велможи Персійскогъ Царства есусе у великомъ украшенію совокулили, измежду коихъ и Сігаръ находисе — наоколо есу Царске Гвардіе — а при подножію Престола есу у злашо обучены рабы. Салмо и Тауръ стое недалеко ошъ Престола. Изванъ Царске Палате есу се сви Народи Хилядама совокулили.

Сал-

Салмо. Тауре, гди бы су Фреднѣй и Иррегесѣ толико дуго заоспали?

Таурѣ. Безѣ сумнѣнїя ласкатель быѣе кодѣ нѣга, кой чрезѣ свои лажливы речи буде сердце Старогѣ на свою спрану задобыти. Али тако ми Бога, я допустити не будемѣ, да наше цѣло будущее щасїе само отѣ безумнозѣ избранїя Фредна зависити буде.

Еданѣ отѣ Велможа. Покѣ шкоѣе дакле другїй свогѣ Наслѣдника опредѣлити, него нашѣ Славе и Чеснїи достоянѣ Царь? Заиспа Тауре, я се дивимѣ, како ты можешѣ избранїе твогѣ мудрогѣ и любвеполногѣ Отца безумно именовати.

Другїй Онѣ ѣе заиспа по Правды ради. Какѣ коме бы си ты хощео дакле о Прїнцу, ову власть предаши?

Салмо. Избранїю совокупленны Велможа. Они су найболѣ у соспоанїю измежду насѣ браѣе ово расправити, нїова мнѣнїя опредѣлити и на кога еыше гласова падну, тому принадлежаще Право дати; ербо Фредна сердце отѣ предувѣрника може слепо поспати, и отѣ Перворожденногѣ Право опузети.

Треѣїй. Ты имашѣ Право Прїнцу Салмо, то га самѣ мнѣнїя и самѣ.

Таурѣ. Ха! ешо Царь!

Салмо. Видишь ли Иррегеса и Манухара покрай нѣга, како се около нѣга ласкаю; како веѣь они нѣгову шверду речь у свомѣ джепу имаю. Али шако ми Бога овде неѣе быти Добра!

Таурѣ. Есть брате; онда нека отѣ насѣ Фреднѣй и Князи шрепѣю. Брате при погледу овогѣ Иррегеса чисто ме мершвый зной крозѣ кожу пробїя.

Сїгарь.

Сігарь. (на другой страни колѣ Велможа) Како чести достойно, како любвеполно иде нашъ Царь къ великому дѣлу, самъ свою власть у руке нѣгове деце предати — гледайте само како нѣжно сыновски нѣга Принцы Иррегесъ и Манухарь подупираю, ербога е Спарца Свѣтѣ нѣговы очію оставію.

Едны Велможи. За Бога како е по возбудително и красно гледаши. — Благословенъ буди нашъ щедрый и милоспивый Царь !

Сви. Благословенъ буди нашъ щедрый и милоспивый Царь ! да живи во вѣки, ербо Царь треба да во вѣки живи. (*)

Фредный ло басаманы веѣь полесе на престолѣ; онѣ шамо горе ошлочине за нѣколико минушы, после подижесе горе преко свои раба, и говори, обаче весма шихо — наоколо царствуе шишина.

Фредный. Любезныи Князи, Велможи и Сыновы мои, конецъ нашегѣ совокупленія опсшавлямъ Вамъ, будући да мени Спарцу мною говориши досадно естѣ: зато я само садѣ на крашко соупверждавамъ ваше учинѣно предложеніе. Я самъ садѣ при краю моего гроба, зато достойно и праведно естѣ, да я съ моего степена и престола, на коемъ самъ до садѣ седію, доле сиѣемъ. — Моя земля изискуе Управшеля, кои са силомъ душевномъ и пѣлесномъ ню владиши буде, и ове силе есу се кодъ мене са свимъ угасиле. Мое пѣло жели себе къ шишини предати, а
мой

(*) Обычно поздравленіе кодъ Персіана, кадѣ своего Цара поздравляю.

мой духъ, кой може быти скоро къ правед-
нѣишему Судіи отходити буде, упражнява-
се веѣ выше са земныма вещма, коима онѣ
ради слабости тѣлесне ближе прешао есть,
него ли съ дѣлами свѣта, коя му садѣ не
выше тако живошно видишисе могу. — Я
се садѣ разспавлямѣ отѣ васѣ, любезныи
мои, мы смо насѣ много година познавали, а
будуѣи да ништа непрешанному шраию под-
вержено есть, тако равно есть садѣ и
време нашегѣ разлученія. Иощѣ не разлу-
чавамсе на вѣки отѣ васѣ, докле ме годѣ
Всесилный не позове; обаче изѣ ваше среди-
не изспупамѣ, у блажену самоѣину — губите
ли вы мене обаче тако радо, овде се су-
мнямѣ, но да вы мене шежо губите, то же-
ли мое сердце, ербо и вашѣ взорѣ мени се
на вашемѣ лицу указуе, да о овомѣ увѣ-
ренѣ быши могу.

*Онѣ дакле садѣ мало прешаде — за оплочи-
нуши — пакѣ поче далѣ.*

Обаче преѣ него што се я отѣ васѣ
удалимѣ, имамѣ іощѣ две важне вещи, отѣ
коихѣ една шичесе мене, а друга васѣ. По-
мыслише само, я полагаемѣ мое дневно дѣло
доле, обаче желимѣ ово тихимѣ учиниши
сердцемѣ; я самѣ быо много лѣта Судія
ваши дѣла, а садѣ у овомѣ магновенію ока,
будите и вы сви мои Судіе, пакѣ будите
остры и праведны, я васѣ зашо молимѣ —
и немойте изѣ любви, спраха и ласканія да
чинише — Помыслише, да я садѣ не сто-
имѣ на Престоу, него на одномѣ высо-
комѣ месту, откудѣ сва моя дѣла увиди-
шисе могу; зашо я стоимѣ предѣ вами на
суду

суду — кои е измежду васъ неправедно отъ мене судимъ быо, шай нека ступи напредъ, пакъ нека се са мноумъ испыша.

Сви кюте.

Ели каковъ, кои кеме обпужити? Немойте ласкашелствовати зашто, да я еданъ човекъ, како какавъ другій безъ хуленія о-сшаемъ?

Нѣкїи Велможи. Ако бы си ты прошивъ насъ остро и поступао, шо е чинила швоя Правда и Доброта намъ паки такову о-стропу и заборавети. Мы друго ништа о теби не знамо, него да си ты непрестанно нашъ добрый нашъ добрѣйшій Отецъ быо.

Сви, Есть нашъ добрый, нашъ добрѣйшій Отецъ!

Выше ныхъ. Мы бы смо желили теби юшпъ живомъ нашимъ швою крѣпость купиши.

Юшпъ выше ныхъ. Оспани — оспани юшпъ кодъ насъ — мы тебе сви любимо!

Фредный. (обрише си сузе и говори съ воздвигнутымъ горе рукама) Каково воззваніе за едногъ Цара, кои се отъ свогъ народа разлучава. Ова разлишїя ваши сердца, ове сузе, кое я шакокеръ свудъ за мене проливати видимъ, узимамаъ све са собомъ, и оне за мене говориши буду. — Садъ пустиште насъ къ моіой послѣдной дужности ступити — пустиште насъ едногъ Владѣтеля за васъ избираши, и молити Бога, да онъ наша сердца къ праведнѣйшему избранію согласи. (онъ спустисе на престолъ доле — Князи окренусе лицемъ на востокъ, держу руке предъ лицемъ своимъ пакъ молесе Богу)

Фредный. Мои Любезны, вы спсе задово-
льны, да еданъ отъ мои сынова мой пре-
шолъ наслѣди?

Сви. О есмо! есмо!

Фредный. Али кой? како можемо раз-
рѣшиши на кога найправіе жребіе да падне? Да
бы ми какву неправду учинили, и да я у будуще
за мое царство отеческо попеченіе носимъ. —
Сва Три не могу владати, ербо моя Великомож-
на Персія (до садъ могу ю іюштѣ моіомъ и-
меновати) раздѣлила бысе — раздробила бысе
— отъ свое Величине ошпала — чрезъ раз-
дѣленне силе, не бы никадѣ была оно, што
бы она са совокупленными силама быши мо-
гла — я пакъ радъ самъ нѣну величину воз-
высиши, а не чрезъ безумне любви кѣ моіой
децы ню разорити, и са свимъ уничтожити.
Я морамъ дакле садъ едногъ отъ троице
наименовати: опетъ мени самомъ како Отцу
было бы ово избраніе тежко; зашо за не у-
потребиши овде никакве Любве и ласкашел-
ства кѣ сыновомъ моимъ, оставлямъ да-
кле одну половину овогъ бремена на васъ о
Князи и Велможи — а другу половину на васъ
саме мои сыновы. Чрезъ вдохновенія Божіегъ
пріимію самъ едно средство, гди вы самы у
едномъ магновенію ока предъ свима нами ваше
сердце отворити и показати будете, и ка-
кова будуща судьбина Персію очекивати има.
Благо ономъ, когъ избраніе наиболше изявише
— и кои тако избраши буде, да нѣга Князи
и Велможи единогласно како свогъ Государа
припознати буду — неѣю васъ выше дужно-
сти едногъ Цара учити, отворите дакле
свободно ваша сердца и чувствованія кѣ до-
бродѣтели. — Ты честпидостойный Священ-
ниче,

ниче, любезный старый Астрофиле, ступи съ швоима Живописаніама на среду, представи ихъ предъ Лица Князей и Велможъ, а вы Юноши, разгледайте ихъ точно, по судѣла Царева овде представита, какво дѣло вашемъ сердцу найдостойніе узвидисе, по дайте вашемъ согласію, а вы Князи дайте ваше согласіе ономъ, кой е найболѣ изабрао.

Фредный посадисе доле на свой престолѣ. Сви Велможи скупесе около Астрофила, кому найближе стою при Принца, а онѣ мешне на еданѣ стелень едно Живописаніе — све е у великой шипни.

Астрофилѣ. Гледайте овде о Принцы, Князи и Велможи ово изображеніе едногѣ великогѣ Цара по среды упражненія свое Царство іоште съ веѣомъ Власпію умножили — онѣ стои овде при началу свогѣ воинства — гледайте ово Величештво на нѣговомъ лицу, ово Величештво на нѣговомъ царствующемъ погледу, како онѣ одномъ рукомъ по шoliko хиляда люди управля, гди е нѣгова воля и нѣгово око пуно радости шрене, пакѣ на хиляде и пакѣ хиляде люди погледи, шамо веѣь Вооружаны спопе нѣговогѣ коня слѣдую, пакѣ изѣ ніовы лица пожеланіе видисе, за нѣга живопѣ ніовѣ жертвовати. Тамо попереко есть една варошь, опѣ нѣговогѣ воинства устремаѣна — видисе великій ужасный градѣ, кой нѣговѣ войническій бѣгѣ задержава; обаче ниши прошивостани може нѣговой хробрости; веѣь отворасе градска капія и Старешине града ступаю на полѣ, за предаши му на ніовы колени Градске ключеве.

Тамо

Тамо наполю видисе една башамліа, у коіой онъ чудо Храбрости чини, а нѣговы войницы воде у ланцы Цареве за нымъ, отъ коихъ е онъ Землѣ поопимао, и около коихъ Борцы веселимъ лицемъ пою пѣснь побѣдную. Избирайте дакле, чіе е сердце овомъ Величеству едногъ Побѣдителя склонѣнно.

Нѣкіи Велможи. За волю Божію да красногъ Живописанія!

Салмо. (спути напредъ) Есть, моя радость — о какво е прекрасно изображеніе, и тако здраво къ моему сердцу склонѣнно. — Што може веће и славніе быти, него еданъ Царь когъ когъ нога другіи Царевы зароблѣны лежу, пакъ кой свою Власть и свое Царство на полъ Света разширити може? Я при овомъ остаемъ.

Астрофілъ. Добро, Салмо, дакле уступи садъ на страну, пакъ пусти твоіой браћи избирати. Гледайте, овде е едно друго изображеніе, оно е еданъ Царь у Миру. Гледайте съ каковымъ неописаннымъ великолѣпиемъ седи онъ на своемъ златномъ Престолю; нѣговы народи не познаю шегошу рата: све лежи и цвѣта у миру — онъ се савъ предае чувствованію нѣговогъ щасливогъ состоянія. Гледайте, како на нѣговомъ лицу веселость указуесе, и весело осмѣюесе на предмете, кое около нѣга видусе, како нѣгово цело шѣло едва видисе изъ богатоукрашены халина, кое га обштыру и безцѣннымъ драгимъ каменѣмъ украшенне есу; Благовонна уханія міришу около нѣга — подъ нѣгову ногу лежу богатооблечены раби и знаменишыи люди, кои му Бисеръ и драгоцѣнне приносе даре у име благодарности за миръ, кой по нѣговой земли цар-

ствуе , и нїову шерговину на миру водити могу. — Ассурійске дѣвице лепе како благо-дѣшелно Солнце, стою около нѣга, и само нѣговѣ погледѣ избира ону, кою чрезѣ нѣго-вогѣ полюбца щасну учинити хоѣе. — Гле-дайте, овде видисе доле у вароши како На-родѣ накиѣнѣ по сокацы и мѣстама иде. — Тамо играчи играю, а Свирачи свираю. — Ов-де стою Посланицы Царевы и бацаю пу-нима рукама новце по веселомѣ Народу — ербо сви живу безѣ утѣсненія у безпечалной шишини и миру —

Таурѣ. Стани Астрофїле, ты си намѣ веѣь доста красоту овогѣ Величества опи-сао, ты и швой живописецѣ еште ваше дѣло точно учинили — пакѣ тко не бы се моемѣ согласію приобщїо? Рать, завладѣніе, кое си ты Салмо изабрао, есу за землю по-читаема — обаче мирѣ приноси шерговину, Художества, прїятность и украшеніе у ве-ликомѣ приращенію, и привлачи сердца на место кѣ свирѣпству, кѣ благимѣ чувство-ванїямѣ, коя намѣ нашѣ животѣ прїятанѣ и весео чине. Я избирамѣ дакле само мою суд-бину за мирѣ и слѣдство благополучне ши-шине. —

*Велможи есу у молчанїю. Астрофїлѣ метне
изображеніе на стрину, пакѣ узме треѣе.*

Астрофїлѣ. Садѣ Иррегесѣ, и шеби не фали никаквогѣ избранїя — и ако шеби о-во изображение не бы было по твоїой воли, то знай, да ты ниси принужденѣ нѣга из-бирати но да я іоштѣ друго средство имамѣ, швомѣ сердцу избяраніе поволно учинити. Гледай овде една варошь сѣ однимѣ приста-
ни-

нищемъ — овде се веѣь ноѣь представля; но ништа манѣь зато опетѣь могу се предме-ти распознаши. — Овде на пристанищу стои еданѣь Свѣшпильникѣь Фенѣрь, за мимоплаваю-ѣимѣь кораблѣмѣь базопасно приѣѣгашелно показати место. Свакій приближающійсе чу-жеспранный быва овде у базопасно приста-нище госполоубно приимлѣнѣь; обаче кромѣь шога держу Вооружаны, како ты овде ви-дишь, острѣйшій налогѣь и заповѣдь. На бре-гу морскомѣь видусе хеспаны различиты шер-говаца, коихѣь дѣла овде цвешаю. Они сами лежу у безпечальной тишины, ербо Царскіи спражары овде носу острый позорѣь. Овде е едно градско зданіе, скоро полакѣь совершено ради вароши, да бы се она отѣь какве страш-не опасности отбраниши могла. Овде у о-вой вароши видисе вапра едногѣь Оружіеко-вашеля, когѣь посленицы іоште касно ра-де, да бы чрезѣь шрудолоубіе отбстоятелства ніовогѣь Господара поболшаши могли, кой ша-коѣерѣь съ еднымѣь числомѣь оружія у Цар-скій Оружный домѣь иде. Не видусе у це-лой вароши никакова расположенія кѣь дѣйств-вительномѣь рашу, него самомѣь миру, и никако-вы другіи войницы не видусе, него само овьи, кой овудѣь ходе, и за всеобщу базопасность бодрствую. А шамо е прекрасна иллуміни-раша Царска Паллата, предѣь ніомѣь виду-се неописанне красоте многе вещи и мно-жесиво Трабанта и раба. Крозь прозорѣь ви-дусе како мале сѣьнке играюѣе у Царской са-ли. — Овде при основанію овогѣь градскогѣь зданія лежи еданѣь надничарѣь, кой е свою но-гу ранію: боль и шуга познаюмусе на лицу, и едва има на себи нѣьшто мало издрапани ха-

лина да бы покрито свое шѣло. Покрай нѣга стои еданъ Човекъ у халини завѣенъ, на очиму набѣена чалма, едномъ рукомъ дае сирому маху одну кесу новаца, а другомъ брище сузе са свогъ лица. Чрезъ овогъ движенія разстависе нѣгова халина, и онда познадесе, да е Царь. —

Иррегесъ. Всемогущій Боже, како великій мора быти таковъ Човекъ, и како среѣно Царство естъ нѣгово!

Фредный. И Персія такоѣеръ быѣе среѣна, ербо ты Иррегесъ быѣешъ нѣнъ Владѣшель.

Велможи. Иррегесъ! Иррегесъ! Благословенъ буди, о какво щасно избраніе!

Салмо и Тауръ. (устремесе къ престолу) За волю Божию Опче Фредный, зашто ты наймлаѣему сыну преимущество даешъ ?

Фредный. Не даемъ, него разумномъ а не безразсудномъ. Знайте, да ниши онай чини свое Царство благополучно, кои чрезъ завладѣніе хиляде дюдѣ убія, ниши пакъ онай, кой чрезъ небреженіе свой народъ слабъ, разошанъ и развращенъ чини и къ погибели га приводи. Како мудро обвезую Иррегеса Промясль, Трудолюбіе, Красота Любве, и Чувствително человѣческо сердце.

Салмо. Али за Бога —

Тауръ. Спани до способногъ времена, мы смо се овде и выше согласили.

Фредный. Ты Салмо получиѣешъ Предѣль западній: а ты Тауре Державу Магаревъ къ востоку. А вы драга моя браѣо и приятели, припознайте могъ Иррегеса за Государа Персіе, Месопотаміе и Ассуріе!

Сви вичу: да здравствуетъ Иррегесъ, нашъ Царь и Государь. Салмо и Тауръ изгубе-се у тешноши.

Фредный. Ходи къ сердцу моему Иррегесу, и буди ми мое утѣшеніе и радость!

Иррегесъ. Како могу говорити — Отче — Отче, мой языкъ — мое сердце — О оно е тако пуно, да бы се све на сузе разлило. — (падне предъ нѣгове ноге) Не, Отче, дакле ны уздышешь, О кадъ бы само могао и после мене — догле остай ты нашъ Государь — я не могу то шерпити, одну Власть на себе пріимити, съ којомъ ты іошпъ управляти можешь. — Отче, услыши моя прошенія!

Фредный. (наклонисе надъ нѣга, пакъ мешне свою руку на нѣгову главу) Я благо-силямъ тебе моимъ Опеческимъ Благословомъ, и Богъ да услыши мой гласъ! и теби Щастіе и миръ даруе. Есть Иррегесъ ты ѣшъ господствовати, ты ѣшъ имаши твогъ старогъ Отца при себи, и съ радостію нѣгове последнѣ дне наградити.

Иррегесъ. Ахъ, како може мое сердце сва толика почерпавати Благополучія!

Сігарь. Овде Брате мой есу сердца, коя съ тобомъ твоя Благополучія делиши буду. (онъ пусти Лунару съ нѣнимъ дешетомъ напредъ. Иррегесъ падне у нѣна обаятія) Пріими отъ мене бремя, Лунаро я самъ опятощенъ преизлишномъ радостію!

Малый Надиръ. Отче, Отче, а што е теби? (онъ обухваписе около нѣга:)

Сігарь. (на погледъ Фредна подиже деше, пакъ му га даде:)

Фредный. Полюби ме мой любимый унуче,

че, опоменисе овогъ часа, пакъ буди тако благороданъ како швой Опацъ, да и онъ овако благополучанъ быти може, како што самъ я садъ.

Надиръ. Есть любезный Опче, по я хоѣю, я ѣу быти шако великій и шако добаръ како мой опацъ и мой братъ Манухарь. (Манухарь падне на колена предъ Фредна, кой му приписне руку)

Фредный. Ходите сыновы, водите ме на полъ, мое е сердце пуно — я самъ веѣь спаръ за ово спасеніе шако на еданъ пупъ снеси моѣи —

Фредный. Наслонисе на свое раде и прашимъ опъ Сігара, Лунаре и Надира удалисе; а Князи и Велможи слѣдую имъ нѣжно съ чувствительными сердцама. Иррегесъ и Манухарь остану опспрагу. Иррегесъ стане предъ изображение свое, пакъ говори:

Иррегесъ. Дозволи, да те іоштъ еданъ пупъ разгледимъ велико живописно изображение едногъ Цара — како дубоко дѣйствуешь ты у момъ сердцу, како жарко разжижешсе ты у персима моима швоему честному слѣдовати примеру. — Гледай овде Манухаре ово ангелско изображение, како ово невидимо около Божества обходи, пакъ непознаномъ рукомъ милоспыню раздае. — — Докле су у Паллаши были Велможи Князи и Господлюбцы при музѣки и игри веселишсе, опиде самъ Царъ на распутіе пакъ отвори свое сердце и свою руку къ сожаленію за свое подданнике — О Манухаре, Манухаре! какво е сердце морао живописецъ имати, кои е шаковъ примѣръ къ совершенству привео?

Манухарь. Зашто уздышешъ мой драхай

жайшій Отче — заиста, у овомъ магновенію ока не могу швоя чувствованія изяснити, овде, гди швое цело сердце отъ радости оживлявасе, видимъ садъ одну тавность на лицу швомъ, коя се све выше и выше разшируе, и чуюсе швоя скорбна въздыханія — али тако ми Бога, я знамъ, она нису въздыханія едногъ радоспю побѣдимогъ сердца.

Іррегесъ. (наслонисе на нѣга) Мой Манухаре — я скоро мене самогъ выше не познаемъ — я самъ знао, ербо самъ башъ у оно магновеніе ока, у коемъ самъ се назвао Владѣтелѣмъ Персіе, есамъ у обятія моего Отца пао; зашто скорбно предчувствованіе нападе на мене, и мысль могъ сердца смути, ербо тако ми се чиняше, да у мени духъ каковый говори: ты неѣшь тако дуго Круну носити, како што е ню швой Отацъ носіо. — Мой сыне, мени се предсказуе, да ова Круна неѣ моіой главы тежка быти, зашто она ню не буде задуго притискивати.

Манухарь. Шша ѣешь ты съ токовыма печалныма предспавленіяма отче мой, развесели швое сердце, отбацы та швоя печална мечпанія отъ тебе, — видишь, како тебе свакій люби — свакій се радуе теби, я бы самъ самъ морао о правды Судбине двоумити, кадъ бы она одногъ тако любимогъ Отца изъ обятія нѣгове деце отергнула.

Іррегесъ. Не хули сыне мой волю Судбине, ако самъ я и добаръ и отъ свію любимъ, зашто дакле да я отъ могъ опредѣленія отбѣгавамъ, кадъ и найкрасніи цвѣтъ башчованъ отергне изъ обятія нѣговы сродны.

Манухарь. Ахъ за волю Божію, што бы шо могло быти, да ти садъ у данашній
дань

дань смертна мечтанія тако у мысль швою долазу!

Іррегесъ. Ништа, мой Манухаре, я заиста самъ не знамъ ова предчувствованія изясниши, коя се мени тако предсказую, и ове ми се чини, да я не будемъ ни одну годину како Царь преживиши!

Манухаръ. О Боже! — (падне му на перси) О Отче! баремъ немой швоіой Дунары ова швоя ужасна предчувствованія казати! —

Іррегесъ. Нећю мой любезный сыне! то я нећю, али теби хоћю ихъ казати, предъ овымъ изображеніемъ хоћю ти ихъ казати — после мое смерти, то я знамъ, Манухаре, не буде ова надежда швое сердце повредиши — моћиће ова моя Круна на швоіой оппочивати главы — опоменисе зато свагда данашнегъ дана — немой теби никадъ ово изображеніе изъ душе швое избрисати — О кадъ бы си ты после шакавъ быо, каквогъ я самъ теби желимъ да будешъ — ешь, и да мени и теби ова велика добродѣтель Благодѣнія у сердцу укоренѣна остане, то узети будемъ ово изображеніе отъ Астрофіла, пакъ ћемо га мешнути у нашу славаћу собу — на противъ наше постелѣ, да свакогъ ютра, свакогъ первогъ взора намъ вообразимо и опоменемосе, зашто Круна покрай насъ находисе.

Манухаръ. Ха, гледай Отче, швоя Братѣя долазе! —

Іррегесъ. О Боже, садъ су опетъ на ново нѣова сердца отъ мене опвратили!

Манухаръ. Пусти нека иду гордыи и упорныи — я ихъ већь не могу любити.

Іррегесъ. Манухаре, Манухаре — не може ли зарь твое сердце на немощи чело-вѣческе заборавиши?

Салмо и Тауръ стуле унутра.

Іррегесъ. Когъ тражите, Любезна моя Браћо?

Тауръ. Цара Персїйскогъ.

Салмо. Есть, али ты морашь іоште казати когъ Цара, ербо и Іррегесъ садъ таковъ зовесе, премъ да нѣгово теме Круна Фреднуса іоштъ ніе пришегнула.

Манухаръ. Што іоштъ у одномъ близу дошедшемъ мінуту случитисе буде?

Іррегесъ. Зато, дайте ми какво друго име, кое е мени изъ ваши уста прїятніе; ако самъ я и Царь, опешъ зато неѣю надъ вами быти, дакле зовите ме вашимъ Бра-томъ.

Салмо. О Боже, шко бы све люде, кои еданъ отъ другогъ происходе, Браћомъ звао, то онда бы се мы найпосле съ целымъ Све-томъ побрашили.

Іррегесъ. Зарь мы немамо дакле едногъ Отца?

Салмо. Я опоменяемсе шакоѣерь, да мой Отацъ чрезъ премѣненія случая нѣкій пущъ у Царской Палати, а нѣкій опешъ пущъ и у селянской колеби есть свой конакъ имао. —

Іррегесъ За Бога, Салмо, ово попреканіе мучи мое сердце!

Тауръ. Зашто бы те оно мучило, што мы случаю грѣхъ прїобщавамо.

Іррегесъ. Мое возвышеніе мучи васъ— али опомнитисе да вы не моему шуду, него вашимъ собственомъ избиранію благодарити имате.

Салмо. Пришвораватисе ніе наше — во-
 истинну, ово избираніе Цара, было е преко
 начина чудно, и весма острожно произведен-
 но — Зналесу се наше страсти, зато пра-
 жилесусе пріятныма изображеніяма засле-
 пиши — опмамисмосе у падежъ, да бы гра-
 бежъ за тебе остао — было е грабежъ, когъ
 е млаћій братъ отъ старіегъ отео — и

Манухарь. За волю Божію, већъ выше
 не могу шерпиши — али Опче, како можешъ
 овде равнодушанъ быти?

Иррегесъ. (къ Манухару) Зарь то ни-
 су моя Браћя, коя то говоре? зато требо-
 вало бы јоштъ выше упорствомъ запалиши
 братско сердце? — не, — него треба моя
 любовь къ нима да умали ніову зависть. И-
 ди Манухаре, ты бы си мое намѣреніе
 швоіомъ вапромъ уничтожіо — а я ћю садъ
 тако близу къ сердцамъ мое Браће спупиши,
 докле ихъ задобіемъ — него ты иди — я ћю
 садъ таки за побомъ доћи.

Манухарь. Опче айдемо брже, да не-
 чекаю на насъ, (у себи) я имъ не веруемъ,
 я ћю у прикрайку осташи. (иде крозъ Гал-
 лерию, пакъ после сакрыесе за еданъ столпъ).

Салмо. Шта пражишь ты отъ насъ?
 наше сердце? оно ћешъ ты башъ тако мало
 добити, колико ћешъ у состоянію быти ва-
 пру съ водомъ согласити. Зарь не споишь
 ли ты намъ свагда на пушу, отъ кадъ си се
 годъ родіо? Твое рождество е было већъ не-
 щастіе наше матере, коя чрезъ Фредна Люб-
 ве къ швоіой матери, свагда е была ненави-
 дима — она е ову зависть усадила већъ у
 наша млада сердца, прошивъ тебе воевати,

и мы смо имали у зрелы лѣта много узрока, на теби далѣ ову зависть извершивати.

Таурѣ. Есть, она е садѣ найвыше возрастла у нама — ты си отвратио отѣ насѣ доброхотство нашегѣ Отца; ты си намѣ наше щастіе опузео. Фредный изліяо е на тебе самѣ свой опеческій Благословѣ, а за насѣ нѣ никаквогѣ оставіо.

Иррегесѣ. Ахѣ за Бога, та и на вами оппочива Благословѣ нашегѣ Отца! вы ми чините попреканія за оне вещи, за кое вамѣ нисамѣ я узрокѣ — нисамѣ ли я васѣ свакій часѣ посѣщавао — за придобити ваша сердца чрезѣ любви? и нисамѣ ли я вамѣ безчисленно мою указывао кропость? а вы мене садѣ зато награждавате горчайшими попреканіями — о! ублажайшесе — обратише сердца ваша, и да живимо у соединенію; помыслише при томѣ на спасеніе Державе, гледайте молимѣ васѣ. —

Салмо. Напрагѣ сѣ томѣ рукомѣ — она не треба да се косне наше — напрагѣ сѣ тимѣ взоромѣ, кой се равно у наша водворава сердца — она су шверда прошивѣ твогѣ лукавства — знай, да смо мы зато овде дошли, да теби наше непремирно опмашеніе предвозвѣстимо.

Иррегесѣ. О вы немирныи! шта желите отѣ мене? ваша су сердца каменна — и церна кровь пече по ваши жила — зарѣ вы мени предвозвѣстваете ваше опмашеніе? садѣ дакле ходите, опмаспитесе на мени, пакѣ дайте такоѣерѣ и вашему Отцу смертоносно удареніе.

Салмо. Ха! ты безумный, зарѣ ты мыслишь, да е намѣ презреніе Фредна прошивѣ насѣ

насъ непознато, и зарь же те нѣгова сила
мѣ храниши?

Иррегесъ. Храниши? мене? — шкоже
мене отъ мое браће храниши? — какве речи
говорите вы? — зарь вы мени прешите —
Ха! — шко сте вы? — и шта самъ я вамъ?

Салмо. Нашъ Непрїяшель, а мы швои
опмасшители!

*(Обоица разставу свое халине, кое су и-
мали на себи пакъ изваду свое ножеве)*

Иррегесъ. (скочи напрагъ, пакъ извади
свой мечъ) Хей вы Братоубійце! (онъ уха-
ши Таура за десну руку своіомъ левомъ).

Манухаръ (пришерча у одномъ магнове-
нїю ока шамо, пакъ нападне саспрагъ на Сал-
ма, бацы га доле на землю, пакъ испергне
отъ нѣга ножъ) Несреѣный и безбожный Чо-
вече!

Иррегесъ. О вы свирѣпыи, какво е ва-
ше сердце, кое толика беззаконїя содержи у
себи — не лежи ли дакле каква капъ Человѣ-
чества у вами? есте ли вы Тугри?

Тауръ (осрамеѣенъ держи свою руку на
лицу и говори) Ты си отъ насъ нашу ра-
дость опузео!

Иррегесъ. Пакъ зашо хощео си ми жи-
вотъ опузети? — Ты прїятный братае,
отъ тебе имамъ іоштъ надежду исправленїя;
обаче о Салму веѣ сумнямъ — Хей! я чуемъ
много топопанъ — заиста спража, коя на на-
шу ларму долази — идите — идите пакъ уз-
мите посрамленїе са собомъ, срамъ да васъ
буде, вашемъ брату животъ опузети же-
лиши — и гди е могуће — обаче кайшесе без-
законїя вашегъ — поправлайтесе — я самъ веѣ
све заборавїю. (Салмо бацы еданъ разбойни-
ческїй

ческій погледъ на Манухара — а Тауръ извучесе срамотно съ нимъ наполъ).

Манухаръ. Какавъ страхъ!

Иррегесъ. Никакавъ, Сыне мой — онъ подигаосе само у нѳовой распалънной яроспи, нѳово братско сердце опетъ не бы имъ допустило ово беззаконіе учиниши. Боже мой, што могу они запо, да е нѳыма Естеснво сурова сердца дало, мы ны запо преба выше да сожалуемо, него да ихъ возненавидимо. — (онъ и Манухаръ оду)

Сафѳра. (возбужденна и распалънна ступи мало после наполъ, она се види у жестокомъ кипѳнїю керви) Я самъ га видила, о како самъ га видила! зашто ты мое сердце тако жестоко у мени куцашь? зашто чинишь овой моїой мучишелной немирности место? зашто си швогъ Любимца видило? зашто си ты кодъ оногъ близу было, кому бы се ты са свимъ приволело и придало? — Буди садъ на миру, ово шосршанъ есть прошло, ова надежда естъ отъ тебе ошергласе — о Боже, колико у овомъ опредѳленномъ часу на мени лежаше — мое цѳло будуще щастїе — я самъ га видила, я самъ съ нимъ говорила — я самъ му учинила мучиме немирности примѳчати, а и шежке шайне, кое су шежко у мени лежаше — онъ слушаше доста; како самъ я о мойма говорила спрашма — една безумна срамота задержа мене найпре, тако свободно съ нимъ говориши, како самъ хотела — я га пусти найпосле дублѳ у внушренность могъ сердца — и нѳговы образы почеше цѳрвениши, и нѳговъ взоръ укоченно гледаше, една суза пустисе съ могъ образа доле, а онъ се окрену, пакъ побеже —

О Боже, како ми е было? онъ ме отбѣгнуо, кадъ самъ я плакала; еспь, Сафіра, веѣ се совершила швоя Лювовь, а то ѣе мени смершь принети — іошпъ она выси само о едномъ шанкомъ концу, я самъ послала мого раба съ еднымъ писмомъ къ нѣму — о шы Лиспу Любве, укрѣпи га шако, како самъ я мени шрудъ дала, сва мол чувшва на тебе сбацыши — Хей — пакъ ако и ово неизыѣе по желанію момъ — хоѣю ли после мою любовь отврашиши? не — онда ѣю опасности на нѣга налагаши, хоѣю га подъ нашу власть подложиси пакъ како избавишелница къ нѣму явитисе; баремъ неблагодаранъ быти не може Іррегесъ — Ха, (рабъ доѣе) Садъ? еси ли му говоріо? — о шы Среѣный, я веѣ чипамъ у швоима очима, да си шы сладко дыханіе нѣговы уста осетіо — шпа е говоріо, каковъ е быо? говори — кажи —

Рабъ. Онъ узедє берзо писмо, пакъ га прочиша, нѣговы члени шѣлесны почешесе шресши, а лице шавниши — онъ написа — и онда посла онъ теби свой отговоръ —

Сафіра. Дай га овамо дай га — Ха! мое собствєнно писмо? пакъ овде на краю нѣколико речи: *Сафіро, я садъ познаемъ швое казни достойно сердце, и я не могу ништа чиниши — него тебе како Човекъ сожалѣвати, а како Салмову жену презираши!* — Ха! вѣчна погибель да падне на нѣгову главу — онъ мене презираши? — Ошмащеніе, ошмащеніе буди нѣму, я ѣу се нѣму макаръ не живила осветиши — (къ рабу) бежи неволный — бежи — и ако шы мою срамошу открьєшь — хоѣете она коштовати главе. (рабъ побегне — а Сафіра яростно отиде на другу спрану)

СОБА У ПАЛАТИ.

Салмо и Таурѣ съ лунима чашама седе
ходѣ едногѣ астала.

Салмо. Буди брате на миру, и непушай
ова помраченія умна на швое лице, ова неиспол-
нѣна наша надежда, не треба наша намѣренія
конечно да уничшожи.

Таурѣ. Я се срамошимѣ самѣ отѣ себе
— кадѣ помыслимѣ, како самѣ шамо стояо, и
како е мершвыи зной по момѣ челу было ско-
чио — а онѣ — нѣгово Великодушіе — нѣго-
ва щедрота — ахѣ я бы волю умреши, него
што самѣ то смиреніе доживіо.

Салмо. То е истина, ово е было едно
позорище за насѣ — кое никадѣ нисамѣ мы-
слио, да ѣу га у живошу момѣ видиши.

Таурѣ. То е пакѣ швоя кривица была
— у едно време, кадѣ е цела Палата люди
была, гди е све около нѣга мишило, како
около Любимца среѣе, у то магновеніе ока—

Салмо. Моя ярость онда была е без-
предѣлна —

Таурѣ. Како е безумно швое намѣре-
ніе — престани отѣ швогѣ намѣренія — гледай,
колико се и мое сердце на нѣга возгордило,
али олетѣ зашо ужасавазе, кадѣ помысли на
Брашоубійство — то е едно ужасно намѣре-
ніе, и оваи грѣхѣ буде на нами лежати ша-
ко тежакѣ како земля, зашо равно и наша
кровь за нѣга теѣи мора, и на небо вопіяши.

Салмо, Я се ужасавамѣ швоимѣ речма
— Брате Тауре, или ты шай ниси? гди е
швоя храбрость, и каквомѣ жаокомѣ треба
да швое заспано пробудишь сердце?

Таурѣ

Тауръ. Никаковомъ, я отступамъ у мале предѣле мое землѣ — тамо будемъ мое дне у самоѣи преживиши.

Салмо. О памешногъ опредѣленія — ты, кой си се на радость родію, избирашь уничижаемый самоѣный живошъ? — заръ хоѣшь у шамномъ месту да чамишь — и како паукъ само на Комарце вребашъ? — Тауре гди е швоя слава — Князи бы тебе изсмеяли, а потомцы не бы знали, де е было кадгодъ какавъ Тауръ — него само пусти нѣга овде у Славы, Велелѣпію и Щастію быти, пусти нѣму сву нѣгову радость — и нѣгову Лунару —

Тауръ. О Брате! како ты тяжело самномъ поступаешь — ты пражишь мое сердце съ двема вещма мучиши, коима самъ я нѣгда тако привезанъ было — *Слава за Потомке — и она — и она —*

Салмо. Есть Брате — и ради нѣ ты треба нѣга вѣчно да возненавидишь!

Тауръ. Ако бы то и не радію? зашпо му я не желимъ смерть, то бы га я опетъ возненавидію — О, али кадъ само на Лунару помыслимъ, онда двогубо осеѣамъ, како га возненавидимъ. —

Салмо. Ходи дакле да се куцнемо съ чашама — я самъ тебе веѣъ за изгублѣногъ держаю — али садъ выше не буду двоумиши о моіой побѣди.

Тауръ. (скочи горе) Шта хоѣшь ты отъ мене? не, то я неѣю радиши, нѣгову кровь на себе примиши, и нѣга убиши — мое сердце —

Салмо. О онѣнїе достоянѣ такове любве!

Тауръ. Любве? Бѣдный Човече!

Сал-

Салмо. Слепче залюблѣнный — зарѣ не можешь ли ты юшѣ Дунаре взорѣ да разумешь? иди — ты хоѣшь мене да преваришь; зарѣ твое око нѣ примѣшило, шшо е швой бѣдный братѣ и выше ныхѣ тако вразумително есу мошрили? сѣ каквомѣ скорбию гледаше она на изображеице, кое е Астрофилѣ представіо, шшо е немирность и возбужденія показывало; а како доѣе цервенило на нѣно лице, кадѣ си ты напредѣ изышао и болѣ избирание него ли я избрао, и тебе любомирногѣ Цара еси назвао? Каквымѣ проицателнымѣ взоромѣ она на тебе свагда гледаше, пакѣ кадѣ Иррегесѣ за Цара проглашенѣ быше, како она почесе шрести, и едва Сігара кѣ престолу слѣдовати могаше, пакѣ зарѣ нѣ спражила способѣ и у оной шѣсности за тобомѣ гледати?

Таурѣ. Есть то самѣ примѣшю, премѣ да самѣ то мени све другояче представляо — нѣна немирность при моемѣ добромѣ избранію — Опшманѣ шастія Иррегеса —

Салмо. А взоры за нами? Залюблѣнный слѣпче! шшо е то све было, него неисполнена надежда? шшо показываху они взоры; него кудѣ идете вы, а мене оставляете?

Таурѣ. О Небо! кадѣ бы то све тако было!

Салмо. Тако е то, али ты и то неѣшь да припознашь, шшо су и самы Дворяни шапушали.

Таурѣ. О ели то истина Брате мой?

Салмо. Есть, обаче и то е вѣрояшно, да прѣ приобрѣшенію едне такве жене, никакѣ вѣ спава ица Човекѣ не треба да буде —

иѣна прелестна красота и услажденіе, кое е по цѣломъ иѣномъ шѣлу изліянно, ово люб-веподателно сердце и иѣиѣ возвышенный духъ, ово Тауре, не дасе само отъ себе, но мс-расе задобиши — дѣла опредѣляваю по-первѣ тогъ чловѣка, когъ една шакова жена любиши има — онъ мора за нѣомъ страдаши и показати, да онъ у опасностемъ не бу-де слабомощанъ — една шакова жена чини удоволствіе свомъ мужу чрезъ любве — и — о Тауре, како сладостно могло бы то све за тебе быти, кадъ быси ты само доста хра-брости имао — расмыслисе само, да ова пре-красна Лунара допле швоя неѣе никадъ быти, докле голь не бы си преко многи бѣда пре-шао, и башъ испомъ Брапу не бы си о погибели морао мыслиши.

Тауръ. (ухвати га за руку) Салмо— Салмо, я самъ швой —

Салмо. На свакомъ пушу?

Тауръ. О Браше! куда не бы насъ ед-на жена привела?

Сафіра стули унутра.

Сафіра. Никудъ далеко мой любезный Тауре, иначе не бы сте вы шако дангуби-ли, кадъ бы сте ову вещь развидили.

Салмо. (на страни) Ха, она садъ дае иѣговомъ мегкомъ сердцу последний ударъ.

Тауръ. А шша да радимо, Сафіра?

Сафіра. Пословаши, кадъ ролла на васъ доѣе; ербо играчъ кадъ свою роллу у Ком-медіи добро не изйгра, онда му се сви люди подсмеляваю, а наипосле бацаюсе за нымъ и каменѣмъ. — Та есте ли вы люди? Вы? овде седише и напїяшесе, и остаеше не-бриге, ако бы башъ и само Небо на васъ пало.

пало. Хей, слушайте — слушайте само, како се ваше низверженіе велегласно по граду виче — Ха, ха, ха, ала сте вы башъ великіи люди!

Салмо. Жено, съ твоимъ Ѓяволскимъ смеянѣмъ, шта ћешъ ты? хоћемо ли мы сами успати, пакъ съ нашими чешыри рукама све хиляде люди пошући, кои садъ по сокацы вичу?

Сафїра. Не, али три главе не треба да остану безъ дѣла; но вы шако пюћи вашу паметь, а достиженїя ваши намѣренїя есу већъ кодъ васъ — красныи люди!

Тауръ. Каква буна!

Сафїра. (свуче Салма силомъ са сполце) Самномъ ты Човече безъ силе. (опведе обоицу на прозоръ) Ево гледайте наполъ на сокакъ, како се спискава и посрѣе — безчисленно множество люди и скопова едно измећю другогъ — и велегласно шамо и овамо велика радостна вичу восклицанїя.

Тауръ. То е ужасно множество люди!

Сафїра. А то е све ради Иррегеса. Оба че по све чини шолико, колико една капъ воде прошивъ едне рѣке. — Ха, ха, ха, а едва могу веровати, да вы обадва съ вашима садашныма Царствама могли бы спе ову капъ уничижити?

Салмо. Тауре, осећашъ ли ты силу, кок у речи ове жене лежи? мене чистю мертвыи зной пробїя.

Сафїра. Слушайте, како чине буну музїкална орудїя, измећю конхъ и Народа гласъ чуесе. (Народъ виче по сокацы) *Благословенъ буди Владѣтель Иррегесъ!*

Сафіра. Хей, шпа они то вичу? Люди, шпо они то вичу?

Салмо. (лупаюћи ногомъ) Громъ да васъ све потуче. О и я бы съ нима викао, и юшше веѣма него ли сви они; мой бы ихъ гласъ тако устрашио, да бы онай съ нѣговогъ Тріумфа доле спропощаосе.

Тауръ. Садъ иде походъ — гледайте само множество коня, Гардиста и служителя — звекаюћи оружія — ахъ неописанна краса. —

Салмо. Ахъ увы мени бѣдномъ, Музікамисе чини!, како да е каква смерина.

Сафіра. (убриса си одну сузу) Ахъ, она бы нами радостниѣ свирала?

Тауръ. Онъ иде — онъ иде!

Салмо. Не, шо я выше не могу издержати.

Сафіра. Остани Салмо, овай взоръ мора наша крѣпипи сердца — гледай само, рабы вуку Тріумфъ — како благовонное уханіе около нѣга палисе — ха, а онъ, Величество — осмеиванъ на нѣговомъ лицу.

Салмо. О проклешо осмеиванъ! и како се шо све около нѣга списло и радуес°, — а онъ видисе горе! (ударисе по челу) О ты враже! морашь ли ты и мене видити, да самъ и я свидѣтель швогъ Тріумфа быо?

Сафіра. (у себи) Тако ми Любве Иррегесу, я пакъ морамъ начинъ гледаши, да швое задобіемъ сердце.

Салмо. Обаче шо мора другоячіе быши, макаръ бы се целый Светъ превратио.

Тауръ. Мы не можемо прошивъ нѣга нишпа учинити; мы едва смо една капъ, напрошивъ нѣгове рѣке.

Салмо. Есть, я мыслимъ, кадъ бы Фредный дознао, шо бы онъ насъ онда све голе свукао, за учиниши само нѣговомъ Любимцу задоволено.

Сафіра. Люди, ако вы садъ чрезъ гоненія судьбине ваше и едномъ поточиѣю приличествуете, преко кога свако дете прескочити може; зарь шо опетъ не бы могло другоячѣ быти? Могу кише изъ облака нападаши, после наводниши потокъ, кой може шако сильный быти, како една рѣка — послушайте само мой совѣтъ, и ако е онъ и едне жене, немойте га презрети.

Салмо. Твой совѣтъ Сафіро есть разуманъ.

Тауръ. А мы люди непоспимыи къ лукавству, онъ намъ се за садъ види нужданъ.

Сафіра. Како вамъ е сердце, има ли у нѣму юшпъ каква искра храбрости?

Салмо. Има, мы смо воду наши очю на жарь брашинске любви излили.

Сафіра. Можете ли му предъ очи изыти, и нѣговима ласкашелныма одолети речма?

Тауръ. Мы га возненавидимо, пакъ зарь шо не доста?

Сафіра. Дакле добро, садъ преба юшпъ ову нѣтъ да идемо одавде; мыслимъ, да намъ се не буде никакво препятствіе къ нашемъ пушу представиши. Да идемо дакле къ нашемъ швердомъ граду, пакъ шамо ѣмо и мы нѣга одмаиши.

Тауръ. Нѣга? Иррегеса? а мы?

Сафіра. Чрезъ лукавства и крѣпости — мы смога — хей! после! —

Салмо. Изъ мои рука, не буде шай чиставъ съ кожомъ изыти.

Тауръ.

Тауръ. Пакъ шкоће насъ отъ опмаспипелне руке Фредна освободити, кой насъ шако безчисленно съ нѣговымъ народомъ напасти буде, како песакъ морскій.

Сафиръ. Една шакоћерь равна сила — не знате ли вы люди, да всеобщее побужденіе нашегъ дѣла, естъ у состоянію често хероическа учинити дѣла? — Знайте шо побужденіе естъ любовь, а ніой ніе ништа невозможно — онаће быти намъ у помоћи Фредна уничтожити, а шо ће быти, кадъ се полакъ Персіе возмути — естъ — я ћю само радость могъ сердца насыщавати, сердце могъ депета не буду пошпадити; моя Хелма мора ми овде спомоществовати — она е неописанно лепа — она е духа и разума високогъ, обаче нѣно сердце неће любовь да позна — зато я ћю шо сердце дошле привіяти и мучити, докле ми се годъ не покори. Може быти благопоспѣшествовати ми буде мое перво, искушеніе, — Фауръ, Принцъ отъ Турана, кой исто тако стыдливъ, како лепъ и можный што е, нека буде мой зетъ. — Башъ овогъ магновенія ока опишао е еданъ вовѣренный отъ мене съ портретомъ Хелме у Туранъ — оно ће нѣгово возбудиши сердце, и нѣга за нашомъ довести рукомъ. Кадъ мы већъ Фаура придобіемо, онда спои намъ една сила на заповѣди, отъ кое ће се скоро цѣла Періса преспи.

Салмо. Жено, твой духъ естъ за высоке вещи сотворенъ!

Тауръ. Я се дивимъ теби Сафіро — и премъ да ћю се я чрезъ шогъ съ Непріяшли Персійскагъ Царства соединити, и смерт-
ну

ну кашигу на мене бацши, шо опешъ опъ шебе не опсшупамъ.

Сафіра. Садъ, треба да узмемо маскару пріятелства на нашъ образъ; ништа да не фалимо, ако Иррегесъ после ове Помпе и спужи на престолъ — ходиште, дайте ми руке, и да се завѣримо на вѣки. (они сви прое ухватесе за руке).

Салмо. Опъ овогъ часа неѣю быти на миру, докле годъ мое опмащеніе не совершимъ.

Тауръ. А и я ѣю све мое силе къ тому употребити.

Сафіра. (узме чашу) Пійте за Среѣю нашегъ щасногъ предпріятія. (кадъ су веѣ пили, узде Салмо чашу)

Салмо. У овой чаши хоѣю мыслиши, лежи наше браполюбіе, дакле наполъ съ нимъ у прахъ. (изліе вѣно на землю)

Сафіра. Садъ дакле ходиште пріятели къ пришворству. (сви оду)

Г Р А Д Ъ Ф О Р А.

Сафіре Соба.

Сафіра и Хелма.

Хелма. Зашто драга мамице гледимъ опъ нѣкогъ времена печаль и смущение на швомъ лицу? безъ да я узрокъ тому знати могу?

Сафіра. Моя кѣрице, еданъ црвь гризе ми мое сердце, кой дошле престаша не буде, дакле га годъ не изгризе.

Хелма. Пакъ узрокъ овогъ зла да не зна швоя кѣи, кою шы шако нѣжно милуешъ?

и да она не може дознаши, какова спрасшь сердце нѣне матери возмущава?

Сафіра. (у себи) Ахъ душо моя, по я не могу, ниши теби смемъ казаши мое спрасши за Иррегесомъ, оне мораю само у овима персима зашворенне остати — ово те ме іошпъ може быши и ко гробу привести.

Хелма. Ты уздышешь, и видишь ми се, како да се сама умомъ твоимъ боришь; я видимъ сузе у твоима очима. О, ако си ты икадъ Хелму миловала, ніой кадгодъ свое благоушробіе указивала, а по си ты ніой безъ сумнѣнія и чинила — тако дай се намолити, пакъ кажи узрокъ печали твое. Заръ маши сама мора да дели нещастіе безъ нѣне миле кѣри? и сама ово тежко бремя да подноси? — Любезна материце, ако е могуће, тако бацы на мене повећю половину, пакъ ублажи твое сердце.

Сафіра. (у себи) То е она окренута, какогодъ што я хоћю. (гласно) Дешенце, шта иштешь ты отъ мене? ты пролазишь съ молбомъ твоимъ крозъ мое сердце, кое ты знашь, да теби не може пропивостати — како бы добро было, кадъ бы оно садъ слабіе было, теби Нещастіе не казаши, кое се нашегъ дома шиче. Ахъ, кадъ бы было могуће ово Нещастіе отъ насъ отвратиши.

Хелма. Мати, я се пресемъ, я не знамъ што ты говоришь — какво Нещастіе за нашъ домъ? Ты живишь, мой Отацъ живи — какво веће Нещастіе може на нашъ доћи домъ?

Сафіра. Ахъ моя мила Хелма, заръ ты ништа не губишь? Наше цело щастіе есть пропало. Я познаемъ твое сердце и твой
духъ

духъ, колико обадвое за Величествомъ тежу, толико я садъ морамъ твое сердце да увредимъ — наше цело Величество есть испроверглось.

Хелма. Есть матери, то е нѣшто, што мене ужаснути може, кадъ вы само обое не бы снѣ кодъ мене были. О ты знашъ, како я тебе и могъ Отца Салма любимъ. Заиста, я мыслимъ, да у ономъ магновенію ока, у коемъ бы могъ родилела изгубила, и мое бы сердце ножемъ прободла.

Сафіра. Кѣри, я се чудимъ, заръ тако лагко узимашь ты изгубленіе нашегъ Величества?

Хелма. Не, Мати моя, то я не чинимъ, мене бы оно кравы коштовало суза — обаче само мое сердце хошела самъ предъ побомъ оправдати, да я ништа важніе на свѣту не могу изгубити, него ли васъ. Заръ е дакле свакій пущъ нашегъ Величества сасвимъ за насъ изгублѣнъ? Заръ су нашъ духъ и наша храбрость у нама заспали, да мы насъ выше помощи не можемо? Да упопрѣбимо дакле нашу силу и храбрость.

Сафіра. Како ѣшь ты еданъ камень съ пути опваляти, кой е сто пути веѣй, него ли што си ты?

Хелма. То я бы гледала около нѣга обити.

Сафіра. Али кадъ бы и то невозможно было? кадъ бы съ обадве стране высоке камене пеѣине были, измежду коихъ онъ бы лежао?

Хелма. Хе, онда — онда бы на пути остла, свакогъ бы долазеѣгъ Путника съ молбомъ и претніомъ кодъ мене дошла
задер-

задержавала, докле годъ прилично число ныхъ не бы совокупила, и са совокупленными силами, не бы онай неудобный камень съ пуша ошваляла.

Сафіра. Ты говоришь по момъ сердцу кѣри моя: само ниси се размыслила, какво е чудно множество ошъ они, кои су камень за зашвориши пупъ посшавили, дакле за проши-восшави овомъ ужасномъ множеству, какво се ошъ хоѣе іошъ ужаснѣе число, за ошъ гнаши оно перво, пакъ онда шопрвъ къ дѣлу доѣи — и ошкъудъ ѣе се добиши тако велико число? — мы немамо прѣшеля, немамо крѣпости, чести, достоинства — за насъ е садъ скрышо место опредѣленно, а уничиженіе къ нашемъ жребію дошло.

Хелма. Маши, я не бы мене саму пожалила, на вашу помоѣ жершвовати.

Сафіра. (хипро) Ты можешь намъ помоѣи моя мила кѣри!

Хелма. Како? чрезъ шпа? макаръ бы ме и живота коштовало, я га заиста неѣю за васъ пожалиши.

Сафіра. Не, — тако далеко неѣе доѣи любезна моя: чрезъ сладкогъ союза моѣи ѣешъ шы намъ помоѣи. Уничтожи швою мужеску ненависть, пакъ ошвори швое сердце къ Любви.

Хелма. О за име Божіе. Маши, шо я не могу.

Сафіра. Діете, помысли само колико мы за шобомъ гинемо.

Хелма. О шо е едно бремя, кое ѣе ме уморити. Любезна маши! шо я не могу — шы познаешъ мой духъ, онъ може само свободанъ и рѣшимъ быши — онъ ѣе у возмуще-

ніе дойти — и ланцы буду га сѣ неподноси-
мымъ бременомъ скопчати. О мали! дакле
морала бы мою предрагу изгубити свободу, и
мене воли едногъ Човѣка подвергнути.

Сафіра. Бузумна кѣри — заповѣдати —
владати хоѣшь ты — Рѣчь Повелишель пу-
сти швомъ мужу, а ты буди нѣгова обла-
дашелница и заповѣдашель.

Хелма. Ахъ не могу мамце, не могу
ни пошто. Сама рѣчь швой Повелишель
пришиснула бы ме кѣ черной земли. Сама
мысль: воля швогъ мужа, мора быти и швоя
— Ты морашь швою судьбину сѣ нимъ дели-
ти — и кудъ годъ ты сѣ нимъ идешь, сва-
гда же се онъ швой Господарь зваши. О
маши, маши! то же мени смерть принеси.

Сафіра. Стерпѣніе, мое деле, тыѣшь
іошшѣ другоячѣ говорити; али може быти
да е поздно за щастіе швой родишеля. Али
нека буде, случай може намъ іоште и другій
пушь показати, чрезъ добре и благодарел-
не люде.

Хелма. (поче плакати) Ахъ како сви-
рѣпо посшупашь ты сѣ моимъ сердцемъ.

Сафіра. Не моя мила — я желимъ
швомъ сердцу нѣгову тишину шако, како
ты намъ и нашей скорби; и да видишь, ка-
ко я тебе весма мало удвелявамъ, то да-
емъ теби равнодушно за изгражденіе швой
суза еданъ даръ, когъ е мени Тауръ кадъ е
опишао быо у градъ по извѣстие, за тебе
послао. Овай Човекъ видисе красногъ лица,
а и рода мора быти великогъ. Али шпо
насъ печали нѣгово щастіе и крѣпость.
(даде іой Портре Фаѳура Принца отъ Ту-
рана)

Хелма.

Хелма. (гледи удивително на Портре — бледностъ попаде ѳой нѣно лице) Каквѣй обликъ? ели то Човекъ, мамце? Ово точно согласіе у изображенію — за Бога, то е вѣсма лепъ Човекъ.

Сафѣра. Ты га можешъ задержати у себе, Хелма — зашто и каменъ унаоколо есу шакоѣерь отъ цѣне.

Хелма. Я ты благодаримъ за овай даръ — али и изображеніе има цѣну; ербо оно показуе, како совершенно Естество свсе твари строити може! Заиста Мамце, я не могу се овогъ лица доста да на гледимъ.

Сафѣра. Ты дакле можешъ га гледаши. (Салмо ступи унушра)

Салмо. Дакле, како ти е моя драга?

Сафѣра. (окомъ на нѣга) Ходи самномъ у вершъ, супруже мой, да се ублажавамо съ веселостію воздуха. Хелма, мы ѣмо тебе чекаши. (обое одоше)

Хелма Я ѣу садъ за вама доѣи, докле покроемъ мою главу. (оде у одну малу собу)

ШУМНЫЙ ПРЕДѢЛЪ ИЗВАНЪ БАЛГА.

Указуесе ютро. Чуесе издалека вика Ловаца. Иррегесъ и Сігарь съ лагкими вооружаны стрѣлама, ступе на срдеу.

Иррегесъ. Зашто брате мой, данась не ѣешь нимало отъ мене да отступишь? Оно есть, да е мени драго, да я тебе не престанно кодъ мене видимъ, обаче опетъ мисе нѣшто чудно види, да ты често дивячину пропусѣяшь, а устопце замномъ идешь?

Сігарь. То я знамъ любезный мой, зашто мене данась мое тяжкосердіе, моя печаль

чаль опетъ у нѣну шыгошу низвергава. Да се я никакве опасности не страшимъ, што ты добро знашь; обаче тебе ради чини мене свакій шумъ внимателногъ, и боимсе при найманіой сенки каквогъ нещастія.

Іррегесъ. Брате буди онай, што си веѣь еданъ пунъ быо и не спрашисе: ты не можешъ веровати, како е ономъ тежко, кой покрай себе свогъ пріяшеля има, комъ на лицу страхъ и печаль избражены видусе, и когъ речи само несреѣю предказую.

Сігаръ. Нека буде, ако тые мое содружество теби іоште данасъ и быти на досаду, мене шыѣешь скоро, а може быти іоштъ и данасъ отъ себе изгубиши.

Іррегесъ. (загри га) Брате, заръ я шо хоѣю? немой опетъ зато моя намѣренія не познаши — я самъ само желію тебе развеселиши, и мени е самомъ жао, кадъ тебе у томъ ужасномъ спраху кодъ мене видимъ, гди се башъ ништа не показуе, што бы мени какву опасность прешило.

Сігаръ. О Друзе и Брате! заръ си ты на опшмащеніе швое браѣе заборавіо?

Іррегесъ. Нисамъ, алъ я теби управо кажемъ, да се я заиста много отъ ны спрашиши морамъ; али што они могу мени овде учиниши, овде у среды мои вовѣренныи?

Сігаръ. Ахъ, злоба находи свакій доступъ опшворенъ, ако на то доѣе, ніовъ едъ на добросердечке блювати. Есть, садъ су тако покваренна времена, да пріяшель пріяшелю не сме веровати, и братъ брапа жели убиши. Ты знашь, сѣ каквомъ у сердцу яростію есу швоя браѣя отъ насъ опшшла, ка-

ко су на тебе спрашно гледали, кадъ си се ты на престолъ покое, съ пунима очима горкогъ яда, и после едва су до полъ торжественногъ благоденствія достояли, него абіе опидоше отъ лица Фредна, а измеѣю тогъ времена све се теби преша, — а она Сафіра, она зміоглавна женщина — ахъ Иррегесъ што е выше пагубно и вредително, него една жена, кое сердце опмашченіемъ, гордостію и казни достойною Любовію гори, и кадъ се она чрезъ любви поруганна види, ша она горопадна куга, не може выше бѣди произвести, него една шаква женшуринна што учинили може, ако бы нѣна сила нѣной свирѣпой воли и опказала.

Иррегесъ. Сафіре сила есть ограниченна —

Сігарь. Заръ за моѣи кѣ теби доѣи? О Брате! Брате! Куда иде Сафіре лукавство? — Една непогода нивлачисе надъ нами! Богъ зна какоѣ она преѣи. — Тауръ веѣъ нѣе у своемъ двору, онъ те дае, како се сказуе по овомъ предѣлу видиши. Салмо води вооружане у Фору. А многочисленны посланицы отходе у Туранъ, ахъ! и како лако могу се овы неприятели наше землѣ кѣ нашей возбудиши погибели! но са свимъ шымъ, докле годъ они съ насиліемъ прошивъ насъ свирѣпствую, морамо мы кѣ новомъ насилію проши-востояши, а новомъ лукавству —

Иррегесъ. Треба спражити начинъ уклонишисе, шо е истина Брате! шы си мене више внимателна учинію, него што самъ бую, за кое я теби сердечно благодаримъ: есть, я ѣю све употребити, што годъ у моѣи крѣпости стои, за мое, и мое землѣ спасеніе

ніе попеченіе имати. Али садѣ треба мало да растерамо ову маглу съ нашегѣ лица, да будемо свешлогѣ образа, да увеселеніе лова радостнымѣ почерпавамо сердцемѣ! іюшпѣ опасностѣ ніе тако наблизу.

Сігарь. Чесло тамо у купипи вреба змїя, гди пушникѣ нинайманѣ не мысли на угризеніе нѣно, обаче я се данасѣ весма много боимѣ, зашто? не знамѣ, али ты знашь, да самѣ я тебе весма много ошговарао ошѣ данашнѣгѣ лова.

Іррегесѣ. Ты си башѣ данасѣ чуданѣ мой Сігару, и смушно ютро у твомѣ дѣйсшгусе сердцу. Оно е насѣ на ловѣ позвало. Ходи, Сігарь ходи самномѣ, и буди ми весео! Хей гледай, тамо е една дивячина, коя крозѣ шумадію пролази, айдемо за ніомѣ Сігарь, айдемо!

Іррегесѣ избацы стрѣлу на шерчаюћю дивячину. Сігарь иде за нымѣ. Предѣлѣ остане нѣко време празанѣ.

Таурѣ съ маскарѣмѣ на лицу, обученѣ у панцірѣ, крозѣ малу шумадію, съ друге справне доке съ однимѣ числомѣ Вооружины напредѣ.

Таурѣ. Станише вы овде мирно мои люди, да нашѣ шумѣ вишко не осеши, мы ніе могуће, да смо пушѣ заишли и нашѣ ловѣ зайсша неће намѣ побећи. — Разделишесе овде редомѣ, и сакрышесе у густу шумадію! али тако да ћупише како годѣ црна земля, пакѣ имайше на мене добро позорѣ! како васѣ зовнемѣ, таки да сте ми у помоћи, али чувайшесе за живу главу, нѣга ни найманѣ раниши, а кой около нѣга буде

буде, тогъ таки изсецыте, пакъ после айде са среѣно ухищенымъ ловомъ!

Вооружани раздѣлесе по предѣлу коекудѣ.

Та урѣ. Пакъ садѣ, ты о Божество опмашенія, садѣ даруй ми крѣпость, мое дѣло среѣно ко концу привести! даруй ми силу, тогъ браша у мой дворѣ отвуѣи, и представи момѣ сердцу, како да бы се оно ради овогъ могъ дѣла ублажавало. О кадѣ само помыслимъ на Лунару, то онда могао бы га подѣ мойма ногама крвава гледаши. Ха! нѣшто шушти, — О Всемогуще опмашеніе! онѣ е, онѣ е!

Онѣ сакрыесе; после нѣко мало време, доѣоше Иррегесѣ и Сігарь.

Иррегесѣ. За Бога, Сігарь, ты си мене съ твоюмъ печалію са свимъ маловолна учинію. Я выше немамъ радости ловиши; я морамъ иѣи кѣ момѣ двору. Нѣшто ми на еданѣ пущѣ доѣе шежко, и тако ми се мое сердце разжало; да овай предѣлѣ ништа друго не чинимисе, него еданѣ гробѣ,

Сігарь. О Боже! кадѣ бы те само за овай пущѣ кодѣ швое миле Лунаре довести могао! Зарѣ ниси ништа примѣтію, мени се чиняше, како да самѣ Вооружане крозѣ шумадію видію пролазиши?

Иррегесѣ. Нисамъ, заиста браше, ако то ние едно дѣйствително увѣщаніе предѣ Нещастіемъ, то морамосе мы отѣ наше скорби срамотиши. Ходи, ходи! я выше овде не могу обещати.

Сігарь. (загри га) Полюби ме браше! и дай ми швое братско цѣлованіе.

Ирре-

Іррегесъ. (притисну га къ себи и полюби га) Дакле садъ айдемо изъ овогъ ружногъ предѣла! —

Сігарь. Всемогущій Боже! (одна стрела удари га саспрагъ у шѣло, онъ паде доле)

Іррегесъ. О Боже, што е то?

Сігарь. Мой последній часъ. Боже! швой умираюћій Братъ заклинѣ тебе.

Іррегесъ. О Небо! ша ты си крвавъ. —

Сігарь. Бежи! и мысли на швою жену и децу.

Іррегесъ. (бацы на себе свою халину, побегне нѣколико коракли, вратисе опетъ наспрагъ, и паде кодъ Сігара) Не, мене Естество проклеси буде, ако я тебе овде тако жалосшиногъ оставимъ лежати. — Боже, Сігару, ша ты умирешъ! Хей! Люди и Брато! помозите! помозите!

Тауръ изыђе наполь.

Тауръ. За кога вичешъ помозите? овай овде никакве помоћи не пошребуе, а за тебе юштъ манѣ.

Іррегесъ. Убійцо, шреклешый Убійцо, отъ мое хѣшь руке умрети! (бацысе за нымъ стреломъ, Тауръ варне шѣломъ наспрагъ, скине Ларфу доле и говори) Познаешъ ли ме?

Іррегесъ. (уплашенъ) Е! ты, ты! мой братъ, Убійца си ты пакъ, шша пражишь ты отъ мене?

Тауръ. Мое шчасіе, кое си ми опузео, мою надежду, мое цѣло благополучіе.

Іррегесъ. Пакъ шо иштешъ ты отъ мене? Тауре, я нисамъ отъ тебе ништа опузео. —

Тауръ. О тако ми Наба, све, све!

Иррегесъ. Иди! ты си ошъ Салма было мой болій Братъ, и не тако злонравный, а садъ у овомъ дѣлу видимъ цѣло твое черно сердце.

Тауръ. Видишь, зависть насъ обоице прошивъ тебе воюе. Ты си мой! Косненіе естъ доста опасно; зато, мои вѣрны, исполните мою заповѣдь!

Вооружаны наладну на нѣга са сви страна.

Иррегесъ. Всеблагій Боже! у какве самъ руке дошао, О вы безсрамне убійце!

Воружаны стуле нерѣшимо наспрагъ.

Тауръ. Твой животъ Иррегесу, нѣ ни у каквой опасности.

Иррегесъ. (бацы свое оружіе доле) Я се нимало не спрашимъ. Я идемъ съ вама, и представиѣю мене дерзновенно предъ вами; ербо само мое сердце примѣшило е ваша црна баззакона дѣла. О Тауре, може быти, да те мое присушствіе кодъ васъ іошшъ многа добра учиниши: али овде гледай овде, ты свирѣпый! овде морамъ іошшъ моіой жалости свободно печеніе допустити. (паде на шѣло Сігара) О Брате! О Добротвору мой, увы мени за тобомъ. (опиде съ Вооружаны)

ГАЛЛЕРІА У ЦАРСКОЙ ПАЛАТИ.

Есть вечеръ, месяцъ сѣе, а у долулеже-земъ граду царствуе велика тишина. Фредный на рабе наслонѣнъ, изводисе изъ свое собе, за нымъ слѣдуе Астрофѣль.

Фредный. Водите ме овамо, на Божественный свободный воздухъ! Ахъ како ми

е тежко у шесныма собама! я се надамъ, да те ми овде лагше быши.

Аспрофїлъ. Ты мораць се ободриши старый Владѣшелю, и бремя твое учиниши лагше, кое твой врагъ тако тежко припи- скава.

Фредный. Сыне мой, любезный мой Сыне — Хей! зашто, о Месецу! свеплишь тако шавно на мене доле? ахъ ты сяешь на мое сузе, кое изъ очю едногъ старца тако горко испичу. Иди, ты си еданъ Лицемѣръ! преѣе, кадъ самъ се услаждавао на швомъ благомъ сїянію, сирѣчь кадъ е радость сверху мое деце у овыма персима лежала, о онда си свеплю мени пресвепло доле; а садъ си тако шаванъ, а -и швой печальный взоръ указуесе тако црношаванъ, какогодъ изображеніе моего сердца. — Я старый человекъ, радость бы имао сверху мое деце; а гди су дакле ша деца? два су се отъ мене отвращила; они подобны видусе одномъ плоду, кой на добромъ ошпочива древу, а извнутри е цервливъ и изеденъ — обаче последний, наиболїи, ахъ мой Иррегесъ, гди си ты? свеплишь ли о шы месецу садъ шакоѣръ и на нѣгове сузе, или вопїя нѣгова кровь къ теби? — Ха! кровь, Аспрофїле, ели то можно быши?

Аспрофїлъ. Ты весма оскорблявашь твое сердце. Не дай никаквомъ печалномъ воображенію мѣста, кое само изъ црногъ мечтанія происходи, ниши чрезъ шпрананїя и лѣша твое утомленно сердце са свимъ ослаблай.

Фредный. Ахъ, есу ли дакле моя собственна деца сожаленіе о момъ сердцу имала?

Астрофілъ. Хоће іоштѣ са свимѣ добро быши: ты морашь се баремѣ шымѣ тѣшиши, попечителный Отче!

Фредный. Отче? есть, то самъ быо; обаче я самъ мою дѣцу изгубіо. Гледай ме само, Астрофіле! я самъ се еданѣ пушѣ гордіо съ мои сыновы, я самъ се свѣшліо съ ніовыма Качесвама, а садѣ су ме они гологѣ свукли; садѣ они, кое самъ я любіо, есу мое сердце съ бѣшенствомѣ раздерали, кое не бы су ни Тігри у моима пуспыняма по учинили. (плаче) То су моя деца учинила. О мой драгій Астрофіле, ты не веруешь, како мене моя совѣсть спраши, и дае ми разумеш, да е то истина права. — Брате, я те съ воздвигнушымѣ рукама молимѣ, кажи да ніе, ниши да е истина, не-го кажи да су просты разбойницы были, кажи само, да ни су Иррегеса Браѣя, ниши да су мои сыновы были.

Астрофілъ. Ахѣ, кадѣ бы те чимѣ шымѣ утѣшиши могао! (у себя) Ако бы су и безбожни свидѣтели овогѣ позорища были, опешѣ ніово сердце морало бы се окамениши, и они бы себи морали собственыма песницама шеме разбиши. Драгій Фредный, ходи у твою собу! овай ноѣный хладный воздухѣ хоће теби —

Фредный. Онѣ чини мени добро, онѣ у мени чисто гори, како да бы самъ имао жеравицу на момѣ сердцу.

Астрофілъ. Гледай ево такоѣерь ед-ногѣ опѣ твои сына, Манухарь. Добрый юноше, ходи! помози ми Отца твогѣ тѣшиши! —

Манухарь. (кой е дошао, рече у себи)
Ахъ! а гди е мое ушѣшеніе? (къ Фредны)
Добрый любвеполный Отче! —

Фредный. Пусти се видиши, Манухаре! а зашто су твое шрепавице тако црвене?

Манухарь. Ахъ дивный Боже, мой бѣдный Отецъ!

Фредный. Мой сироман сынъ! — —
Гледай Манухаре, тако морамо садъ Небо съ нашимъ возмушпи плачемъ. — Како се види садъ плачевно у моѳой Паллаши!

Манухарь. У одной соби ядикуе Лунара, пакъ виче велегласно плакаюѳи за нѣнимъ супругомъ, по нѣномъ лицу, и целомъ шѣлу разшерласе смертна бледность — и съ каковымъ плачевнымъ воздыханіемъ припискива младогъ Надіра къ своиман персима, и виче: Чадо мое, ты си швогъ Отца изгубіо! а дете плакаше съ ніомъ заедно, зашто е сузе свое матерере видило — —

Фредный. (удари руку о руку, пакъ покры свое лице; старый Астрофілъ уздыше ясно)

Манухарь. У другой соби лежи Сігарь, и мучисе на смерти — нѣгова мука — нѣгово крваво шѣло, и страхъ Лѣкара, кои великодушногъ желе опетъ къ живошу да приведу — я нисамъ се могао выше обдержати — я самъ похишю овамо, а опетъ и овде видимъ едногъ спарогъ немошногъ Отца, когъ благо сердце о изгубленію при своя сына скорби, пакъ шта ѳю да кажемъ? — мой подпоръ, моя надежда — мой Отацъ! — — заръ шо бы су могла браѳя учиниши? О вы безчувственне швари — како могу на

ед-

едномъ стеблу една добра, а две едовите израспиши гране? — доле съ нима! сасецы ихъ съ швогъ сердца — они су свирѣпи звѣри. —

Фредный. Младый Човече — ты юшпѣ ниси быо ошцѣ — то е доста за оправданіе швое, зарѣ е то шако — лагко свое дешо отъ сердца отвергнуши? Не, Манухаре! они су швердо прираспи, а шакоѣерь и найхерѣявие дешо не можесе изъ корена сердчногъ исчупаши — ербо свагда заоспае рана, коя при печалныма воспоминаніама шежко боли.

Манухарь. Дакле добро, а хоѣе ли рука опмашенія ѣюшапи? Пакъ хоѣешь ли ты швомъ сыну при овомъ свирѣпшву мучишесе допуспиши?

Фредный. О Боже! зарѣ неѣеду ли се они опоменуши, да е и онъ нювѣ Братѣ?

Манухарь. Опче, дозволи ми мое шеплѣише прошеніе, а ѣу се вооружапи мужественно; а ѣу мое сердце шако пришвориши, да ѣу моѣи злодѣемъ у очи погледапи, безъ плашишесе отъ ны; никакву силу за нашу кровь пошпадапи неѣю, него ѣю пузипи како змїя за своимъ грабежемъ, и шако ѣу до шавнице доѣи, у коіой су они бѣдногъ могъ Опца сакрыли: после хоѣю нѣговѣ зашворь обипи, хоѣю га изъ нювы ногшю испертнути, овамо га довести, и о Боже! (удари радостно руку о руку) Каково блаженшво и радость улиши будемъ у сердца наша печална.

Фредный. О ты многорѣчивый Юноше! какова впечатлѣнія исписую швое сердце,

це, може быти прескочи́ешь ты предпріятіе у швоемъ намѣренію.

Манухарь. Не ослаблявай мою надежду и мою храбрость! перва мора последню обдержати. Я ощущавамъ, и една внутреня сила каже ми, да ꙗю я ово намѣреніе ко концу привести. Есть, Опче! пусти мене ко избавленію швогъ сына! храбростію самъ обдаренъ: чрезъ мое великодушно дѣло имамъ мужество: Крѣпость даѣе ми Всевышній, а ты, Опче, дай ми швой Благословѣ! (клекне доле)

Фредный. Ахъ Боже! зарь хо́ешь да и тебе изгубимъ?

Манухарь. Не, я ꙗю ши паки принеши ушѣшеніе и радость.

Астрофѣлъ. Нѣгово дѣло есть блатородно; Промысль буде на нѣгове стопе бодрствовати. —

Фредный. (положи свое руке, на нѣгову главу) Садъ дакле узми мой Благословѣ са собомъ! не бойсе никакве опасности, и немой съ швоимъ храбродушіемъ пасши. О сыне, опоменисе, кадъ ты у дворѣ Разбойника спупишь, ты си онда у пропасть дошао, гди Саламандре Звѣры и Скорпіе легусе, гди ты самъ не можешь швой мачъ прошивъ чудовища употребити, него гледай те сохрани швое сердце опъ яда и дыханія смертоносногъ. И сыне! сыне! немой онегкосердечити, докле те швой разумъ носи, обаче немой быти ни свирѣпъ! Кадъ се Благословѣ едногъ Отца издае, то онда ꙗешь быти благополучанъ: мое молитве буду свакій швой коракаль слѣдовати. Ахъ Манухаре; я бы было конечно безъ деце —

али

али не, мени се предсказуе, я видимъ іоштъ у шеби Владѣтеля Персіе. —

Манухарь. Какова привидѣнія, коя мене раздражаваю Круна надъ Царствомъ могъ Опца)

Фредный. Ахъ, како скоро све променисе, а и мой Иррегесъ може шако невидимо грабежъ смерти быти, како годъ Еленъ што опъ стране Ловца падне.

Манухарь. То бы мое сердце онда распуклосе.

Фредный. Садъ, сыне, мысли на твоей пущь! иди хипро али оспрожно, не пущи момъ изображеню предъ твое очи доѣи, ниши пущай моя увѣщанія изъ твоего сердца.

Манухарь. Во вѣки Опче, хоѣю на тебе мыслиши. (Фредный загрли га, Манухарь полюби му топлосердечно нѣгову руку, Фредный дадесе отвести. Манухарь иде съ нымъ до врата, после бацы іоштъ еданъ прискорбный погледъ на Мецеуъ, пакъ опиде на другу страну)

СААЛА У ФОРИ.

Салмо. Сафіра.

Сафіра. Како што ти я кажемъ, Салмо, она нѣга любви.

Салмо. Жено, како ти е было по можно? ты си морала шайну хипроумія употребити. Едно сердце како мое Хелме, коя е любовь возненавидила како смерть, и она садъ шако напрасно да се залюби? Едно само Порпре да любви?

Сафіра. Я сама нѣой описала наше состояніе, колико сама годъ могла болма: а бу-

будући да самъ я нѣнѣ духъ добро познавала, тако довела самъ га съ однимъ взоромъ на изгубленіе нашегъ Величества; после пустила самъ одну зрацицу надежде блистати, да іошпѣ нїе са свимъ изгублѣнно, и я самъ видила, како нѣнѣ духъ за овомъ радовашесе надеждомъ; я самъ знала нѣну преизлишну любовь къ теби, я додирнусе нѣногъ сердца, и показа іой, да ово само ошѣ нѣ зависи, тебе, мене и ню среѣномъ учиниши; после подигла самъ заистѣ противъ наши непрїятеля, и даде іой наипосле моя намѣренїя чрезъ нѣне любви примѣтити. Она се прошивила, сбаче само како едно дете, когъ еданъ ячїи дерки. Портре, лепогъ Фаура, кое самъ іой дала, безъ да самъ казала шко е, чиняше у нїй примѣчаема дѣйствїя, она беше печална, после замыслѣнна; я види сузе у нѣима очима и безпокойство у нѣномъ сердцѣ, кое толико силнїе беше, колико самъ годъ выше говорила о Щастїю любви и тебе често у присутствїю нѣномъ нѣжно гѣрила.

Салмо. Дакле я имамъ мїой кѣри за швое до садъ нѣжности благодарити.

Сафїра. Ослави садъ цалу на страну. —

Салмо. Заиста Сафїро, пы си една волшебница; пы знашь сердце чеовѣческо тако за рукомъ довести, да оно теби ни пошто прошивостати не може.

Сафїра. (на страни) Жалость, што имамъ печална искусства отъ ррегеса стране.

Салмо. Есть воистинну кадъ се я само размыслимъ, како хитро пы нашу Хелму при-

придобыла еси, то едва бы могао за вѣрояшно держати.

Сафіра. Ты можешь тебе о томъ увѣриши, я сама іой показала одну спаваѣю собу, гди сама ню крозъ една пошайна врата вребала, и видиши могла, хоѣешь ли ты мени слѣдоваши? она іоштѣ спава, обаче нѣно пробуденѣ може намъ може бити свидѣшество мои речій быти.

Салмо. Я ѣю тебе сердечно слѣдоваши, али ми найпре кажи, да ниси ли ты што годъ съ дѣтинскомъ любовію сердце мое кѣри напунила, іоя изчезнути мора, како саиѣ, а нѣно сердце распастисе, ты знашь, како безпредѣлно перва любовь у одномъ шаковомъ сердцу быти мора.

Сафіра. Сафіра не чини безумно. Фаеура сердце естъ наше; Портре Хелме естъ шакоѣерь и нѣгово побѣдило сердце, и мое речи по момѣ опсланику есу нѣгову любовь на жестокій распалиле пожарѣ. Равно и данась сама добыла извѣстіе, да онѣ веѣ е на пушу и иде кѣ нама.

Салмо. (загри ю нѣжно) О ты славно Жено! Воистинну Сафіро швою главу мора Персійска украсиши Круна, и я неѣю преѣ оппочинуши, докле годъ тебе на овай высочайшій не водвигнемъ степенъ.

Сафіра. Ходи самномъ кѣ соби Хелме, преѣ него што се она пробуди.

Салмо. І ѣу се швомъ хипроумію чудиши.

Они опидуу одну собицу, изѣ кое крозъ една пошайна врата у Хелме собу гледу. Она се башѣ онда и пробуди :

Хелма. Ахъ заръ выше немамъ пихе и лагке ноѣи? како жестоко пара непрестанно мене мое внушренѣ мученіе, самъ онъ у сну изылази ми на очи. Хей! а шко е шо онай, кой мене тако непрестанно мучи? познаемъ ли га? могу ли казати, овай е? не, — — — О шо е страшно мученіе! — Ты свирѣпый, шпа самъ я теби учинила, да ты съ таквымъ паранѣмъ мое мирно и свободно нападашь сердце? Ахъ швое Поршре есть мени шишину могъ сердца опузело. (иде смущенно горе и доле) Пакъ шо е дакле, е дакле, шо е любовь, отъ кое самъ я бежала, како отъ могъ найужаснѣгъ непріятеля? садъ има она тебе у своіой власти — бѣдно сердце — садъ она тебе мучи и шако, докле се годъ ты не покоришь, и выше противоборишисе не узможешъ! — — — Хелмо! Хелмо! — — — гди е дакле садъ швоя гордостъ, швоя свобода, швое превелико желаніе за безпредѣльномъ свободомъ? ахъ! овде она погаженна лежу. Любве! . . . свирѣпа любве! . . . како ова речъ мени тако вашрено пролази крозъ мое сердце, пакъ опетъ едно сладостно ошущеніе напругъ изостае, кое се на шиху скорбъ премѣнява. — Ахъ я самъ са свимъ бѣдна нещастна! (иѣнѣ взоръ паде на Поршре) Тебе, тебе хоѣу изъ могъ изчупати сердца, — — али я не могу дознаши, како овай взоръ тако люшо крозъ мене пролази, ты люше окове даешъ момъ гордомъ сердцу . . . о дай ми ушѣху! прохлажденіе овой моіой вапри, коя у нѣжныма персима моима гори — ешъ я тебе вѣчно любити морамъ, не бранимъ, хоѣю увенуши у собственномъ

пожару могъ! сердца, и тебе само съ оне
спране овогъ света наћи.

Салмо и Сафіра стуле унутра.

Салмо. Не! по ты нећешь моя кћери.

Хелма. (поче изъ свегъ гласа викати)
О Отче мой! О Маши моя! — Маши сакры
ме! (падне лицемъ на Сафірине перси)

Сафіра. Буди на миру, кћеры моя! мы
све знамо; мы ћемо теби помоћи швою
скорбь сносиши, пакъ хоћемо шакоћерь и
нѣга имаши.

Салмо. Есть, шакоћерь и ты мое де-
те, еси чрезъ швое любви найвећю шя-
гошу могъ сердца опузела.

Хелма. Ахъ како мое лице при овомъ
нечаянномъ нашествію гори. —

Салмо. Буди на миру, мила моя: швой
Любовникъ есть швое любви достоянъ: онъ
се зове Фаѳуръ и есть Принцъ отъ Турана.

Хелма. О Боже! (она падне на колена)
О Отче! имай о мени сожаленіе!

Салмо. Есть драго дете мое, онъ те-
бе милуе, онъ е већъ на пушу и иде къ на-
ма.

Хелма. Маши! Маши! (она са свимъ
падне. Сафіра отнесе ю на нѣну постелю)

Сафіра. Ово извѣстіе было е хитро за
нѣно сердце. Иди, Салмо, остави насъ саме. —

Салмо. Хе! каква буна? (шерчи къ про-
зору) То е Тауръ и Вооружаны съ нимъ.
Ахъ ніе ли оно и Иррегесъ? доле у саали
чекаћю на васъ жене, я чувспвуемъ наше
велико щасіе! (оде берзо)

СОБА.

Иррегесѣ на прозору седи, има едно длето у руцы и изрезива едно портре, онѣ мешну длето на спрану, пакѣ поднимисе замышлѣно на руху.

Само ово мое любопышно упражненіе, не приноси ми никакве чувствителне радости, како е скорбно отѣ свое Любезне разстатисе; воиспинну я самъ овде како у едномѣ гробу — обаче за целый светѣ мертвѣ. Самѣ Тавничарѣ, кои ми пригоси препишаніе, естѣ мой единый другѣ. — Кадѣ се я размыслимѣ. — — — Боже мой! како се отѣ крашкогѣ времена све самномѣ променило, — шо у мои млаѣти лѣта не бы се надао, што бы у будуще отѣ мене было. — Ахѣ Опче, Жено, и дечице моя! гди спше, да никакво благодѣтельно ушѣшеніе отѣ васѣ кѣ момѣ не долази сердцу? оно бы се распопило, кадѣ бы садѣ подѣ рукомѣ горкости увенуло. — (погледи на свой посао) Ово смертно лице овде, кое самъ резао, естѣ садѣ скоро болѣ отѣ могѣ — ха! гледай овде каква начертанія и шаре есамъ у моіой изобразіо мысли? я самъ хощео едногѣ свирѣпогѣ изобразиши човека — и шо — шосу шаре личне Салмове. (баѣы Портре на землю) Безѣ прага сѣ нымѣ, и сѣ еднымѣ паковымѣ злымѣ образомѣ! (иде разярено горе и доле) О моя Лунаро! — какво е горко наше жребіе! я бы самъ могао мене избавиши, кадѣ бы самъ Круни отказао, — — Бѣдный Таурѣ морао е башѣ тамо сердце свое жертвовати, гди никакво друго выше ніе за нѣга осшало. Я га сожалуемѣ, бѣдный братѣ:

я бы самъ му све радостно опростию; обаче само, да ми се нѣ сердца моего коснуо. Ахъ, овде скорби оно. То су часи за мене: овде сердце мое терпи са свимъ страсть, коя е на мене напала, и оно тѣра горке сузе на мое очи, и естъ ми тако прискорбно, да бы за свакогъ бѣдногъ овогъ Света плакати морало. — А чрезъ кога самъ я тако бѣдный постао, чрезъ кога? — чрезъ мою браћу — я самъ нещаспанъ, убогъ, отъ Дунаре оптергнушъ, — ово е Салмо учинио; О зато и проклиньмъ я овогъ свирѣпогъ и гнусногъ брата.

После нѣко мало време стане онъ предъ Салмовымъ баченымъ Портретомъ, пакъ га гледи.

Овде лежи онъ у праху, своевольный гордый Салмо, и како обумираемо! шы мени чинишь много, колико годъ чиниши можешъ — шежко шеби, ако опмащеніе шебе зато посети! Обаче не бранимъ, даруй Боже, да га оно не мимоиће: зарь нѣ ти шо доста, да шевой Братъ проклинь? Но пакъ не треба да га я кунемъ, ербо е онъ само чрезъ несогласія ослеплѣнъ, и зато не бы га морао клеши. (возбужденъ на жалость: Нѣгова жена преварила га, онъ жели за свою децу Величество пражиши, онъ мысли, да га я тонимъ, пакъ зато не бы потребовало проклиняши га (паде у бригу) Ахъ, мой Брате, шы си пакъ мой: и за волю Божию, да га нисамъ проклиняо.

Чуесе шхрила брѣва съ поля: Иррегесъ дигне главу горе.

Дакле садъ опетъ ходи овамо къ мени каменна брашска главо, и просши ми, да самъ ше

те у хиприни отъ мене побацію, и про-
клео.

Онъ седе далъ за свой посао, когъ е бше
радіо, безъ примѣчанія на улазекѣгъ къ нѣму:
еданъ младъ Войникъ дође съ однимъ бокаломъ
воде, онъ мешну бокалъ доле, пакъ хоће да
иде, али на врати задержасе пакъ говори:

Не, я нећю ићи на прагъ. (онъ затвори
врата, пакъ ступи ближе) Иррегесъ! Онъ ме-
не ни мало не чуе, како се онъ завео у свой
посао, о добрый Боже! Како пакъ люди овомъ
добромъ човеку непришели быши могу? Ир-
регесъ! — хоћю ли шамо къ нѣму? — хо-
ћю ли? — О Боже! какво мученіе задержави
ме на прагъ. О Болъ е све, него ли нѣга жер-
твовати — нѣговъ взоръ ужасаве ме и при-
води ме къ плачу. (онъ ступи мало ближе) Ир-
регесъ! зарь ме ни мало не чуешь?

Иррегесъ разбудисе отъ свогъ глубокомыслія;
погледа около себе, скочи горе пакъ устремисе
на младика, после замыслѣнъ задержасе на прагъ;
наипосле ловыка съ разширенымъ рукама: Ма-
нухаре!

Манухаръ. (паде предъ нѣгове ноге) О
отче мой! (здраво плаче)

Иррегесъ. Любезный сыне! — ходи
ближе къ момъ сердцу! — Сыне! Сыне! —

Манухаръ. Буди на миру Любезный От-
че! може насъ шкогодъ опазити.

Иррегесъ. Ахъ, зарь бы се дакле От-
цу загрленъ свогъ дешета запретило?

Манухаръ. Ахъ Боже! прискорбна су
обстояшества. Я самъ овде само у пошай,
и служимъ како младый войникъ: я те мо-
рамъ

рамъ опетъ оставиши. (у себи) Я не могу ово выше издержати: — Пасиѣмо у подозрѣніе. Али я ѣю те опетъ скоро видиши. Я знамъ твогъ шавничара на нашу руку — задобыши: я носимъ теби утѣшеніе и избавленіе.

Іррегесъ. То е была една крапка радостъ, за шoliko дуго спраданіе.

Манухаръ. Ахъ шежко мени! то се мене шиче, да шы тако дуго спрадашь.

Іррегесъ. Тебе, Манухаре?

Манухаръ. О тако шы швое любви, пусти ме! я выше безъ опасности не могу ошати.

Іррегесъ. Како живи моя Лунара?

Манухаръ. У плачу и шуги.

Іррегесъ. А мой Ошцъ?

Манухаръ. Ахъ онъ веѣь давно чека на извѣстіе отъ мене (смущенно) Ошче! я морамъ иѣи: ошани измеѣю шогъ на миру. (онъ паде у нѣгова обяшя и плаче: Іррегесъ приписну га къ себи)

Іррегесъ. Сыне, не оставляй ме безъ освобожденія!

Манухаръ. Я ѣю умрети, ако те іошшь еданъ данъ оставимъ овде мучишисе. Здравствуй; здравствуй! (поѣе)

Іррегесъ. (скупил оба две руке) Ахъ іоштъ у среди бѣде налази Нещастный утѣшеніе!

Манухаръ. (остае неутѣшимъ изванъ враши наполю) О Боже! како самъ се строзіо, седамъ дана пуштіосаамъ га мучишисе, было самъ кодъ нѣга и около нѣга и нисамъ му спомоществовати могао. Манухаръ! шы си една неблагодарна шварь; ахъ како ми е скорб-

скорбно мое сердце, Отче! ако я тебе избавимъ, то губимъ другу страну мое среће, о Боже! зашто морамъ я ту Хелму да видимъ! (онъ држи руку на лицу, за обрисати себи сузе: Тавничарь дође)

Тавничарь. Но діете, што споишь ту? иди одапле! гле та ты плачешь. Стани я ту тебе научиши сожалителнымъ быши. (Иди шамо гди ти е место!)

Манухарь. (у себи) О Отче! О Хелма! што я морамъ за васъ терпиши! (оде жалостно)

Г А Л Л Е Р І А У Д В О Р У.

Есть ноѣ. Манухарь иде мятежно и плашливо горе и доле.

Ова шавна ноѣ есть тако трепетна и ужасна, како годъ внутреня могъ сердца. Манухаре, Манухаре! како си дубоко ты погруженъ; — швой бѣдный Ошцъ. О Боже! — докле годъ я живимъ, ово те свагда мучиши мое сердце. Седамъ дана, ахъ седамъ година ради нѣга было самъ овде, и бѣдный онъ мучашесе безъ утѣшенія. Ха! прежештока бура, како оглушава гласъ моего сердца! Каква сила задержава мене на прагъ, да не могу оплести ти у нѣгова обаятія? Ахъ Хелме взоръ. Садъ морамъ могъ Отца избавиши, а ню вечно изгубиши. — И онда будемъ у самой пущыни мою несчастну оплакивати любовь, и Бога за мою смерть молиши! Она задуго не долази, я самъ ю молю, да се овде наѣмо, и садъ мора мой языкъ онемиши. У овомъ часу будемъ мою Сенпенцію изъ нѣни лепы уста чуши. Али ако се я и овде обявимъ? шко

е шай хранишель, кой мене свагда отъ нѣ чува? — я га не познаемъ. Даніомъ не видимъ га, само кадъ ноѣомъ овудъ наоколо како изванъ памети обилазимъ, и на мое спраси уздышемъ, онда доѣ оно шрепешоужасно чудовище къ мени, пакъ успраши мою душу съ образомъ могъ Ошца. Онъ мене познае овде у непріятелскомъ двору, естъ онъ мене храни отъ Любви Хелме; онаѣ быши мое нещасіе и могъ Ошца говори онъ. О ты мерзскій Хранишелю, како ты можешъ Любовь Хелме Нещасіе именовати? Иди чудовище ношно! я неѣю никакой швоіой речи веровати. — Любовь Хелме? ово име има нѣшто шако сладостно у себи, ахъ! али има нѣшто и мучишелно: я знамъ она ѣ мене отбацыши, али я зато не бранимъ, я ѣю е пакъ любиши. — Цсѣ! еданъ шихій входъ. О Манухаре! она е! Како швои образи у вашири гору, и швое сердце куца!

Хелма у лагкима халинама съ разплешенымъ хосама приближисе.

Хелма. Гди е шай Човекъ, кой мене овде моли?

Манухаръ. (паде предъ нѣне ноге) Овде Любвеполна Хелма, овде проси онъ предъ швоима ногама опрощеніе за свое дерзновеніе.

Хелма. Успани горе, кажи ми шпа желишь ты отъ мене, ако е могуѣ шо хоѣу ты помоѣи.

Манухаръ. О кадъ бы си ты шо хотѣла! колико често веѣь о Хелма, шайно пролазіо самъ овуда! колико често шражіо самъ начинъ къ теби ближе доѣи, и никадъ не ми се шако благополучно догодило, него садъ:

я пузимъ само ноѣомъ овуда, и носимъ сердце свудъ самномъ, кое подъ бременомъ нѣговы спраданія стени.

Хелма. Я шебе сожалуемъ.

Манухарь. Я имамъ едногъ пріятеля, кой е мени шако близу, како годъ я шпо самъ самъ себи, и шай о Боже! шай е шако нещаспанъ а я ништа груго за нѣга не могу чиниши, него помоѣи кодъ швогъ соболѣзнованія просиши: може быши ты ѣешь му пружити твою щедрю руку помоѣи, и онъ ѣе онда паки оживиши, како еданъ поливенъ двешъ. — будуѣи да онъ садъ у дубокой мучисе жалоспи,

Хелма. Глсдай, садъ ніе ми могуѣе, да ти помогнемъ: него я ѣу шебе сутра чекаши кодъ мене; и онда стараѣюсе да Нещаспаномъ помогнемъ.

Манухарь. (у себи) О Боже! шо я неѣю. (печално) Естъ Хелма! али е онъ весма сиромаша.

Хелма. Я мыслимъ, да ѣе онъ моѣи до сутра чекаши?

Манухарь. Седамъ дана миліо самъ за шобомъ, и нисамъ могао съ шобомъ говориши, а садъ —

Хелма. Ты мене разжаливашъ, обаче —

Манухарь. (поче плакати) О Хелма, Хелма! (паде на колена пакъ обухвати іой ноге)

Хелма. Иди, ако насъ шкогодь смотри! (поче у ніой кровь кипити)

Манухарь. Тай Нещаспный есамъ я.

Хелма. Ты ? (приклонисе любвеполно къ нѣму доле) Ты ? сиромаше, а шпо е швое Нещаспіе ?

Манухарь. Есть тако твердо на о-
вомъ сердцу, да лежи како синий камень. Съ
каковымъ усердіемъ любимъ я ову руку, съ
каковымъ ощущеніемъ прикоснявамсе я само
краю швое халине, и каква скорбь гризе мое
печално сердце!

Хелма. Иди, Човече! шта желишь ты
отъ мене? —

Манухарь. Ахъ само одну капь изъ
сладчайше чаше надежде! Видишь, я се му-
чимъ по нестерпимомъ пожару, и само одно
дыханіе отъ тебе было бы ми мое любвеполно
услажденіе. Ахъ Хелма! хоѹ ли ти шу речъ
именованія, коя шако вапренно у момъ серд-
цу лежи? Я ѹю по свемъ свешу викаши: у
коима персима есть една подобна и една тако
безпредѣлна любовь?

Хелма. Любовь? ха! шо е дакле швое Не-
щасіе? овде да ти я помогнемъ? Безумный
Човече! како можешъ ты ову исказати спрасъ
и какво дерзновение мора у шеби царствовати!
познаешъ ли ты мой Санъ, а шко си ты?

Манухарь. Ахъ, садъ еданъ служи-
шель швогъ Опца!

Хелма. (шури га отъ себе) Безумный!
зарь не боишь ли се ты отъ моего уврежде-
ногъ Величества? иди, остави нашъ дворъ,
пакъ не проси онакову надежду, коя мое ли-
це безчести.

Манухарь. То я не могу Хелма, ако я
веѹ ради тебе овай образъ не пріимимъ, шо
задержажю га ради тебе до мое смерти. Я
самъ тако возвышенъ, како што се садъ ума-
ленъ чинимъ. Ахъ! како бы ти драгосердечно
открыо мое лице, кадъ не бы се найпре швое за-
висиши и могъ Нещастія бояо! Обаче нека бу-

де како е! я не могу безъ швое Любве выше живиши, ако бы ме и смерти кошповала, заиша нѣ убояшисе не будемъ Хелма, знай, я самъ Манухарь, Персіе будущій Владѣтель.

Хелма. (ступи ужасно напрагъ) Ты Манухарь? како можешь ты овуда ходиши, ты непріятель нашегъ двора?

Манухарь. Ахъ съ каквомъ вапреномъ любовію быо самъ овде близу тебе, каква страшна вапра преоблада моя внушренняя, ешь любезна Непрїятелице, иди садъ тамо, пакъ ме издай! дай ми свирѣпіе швогъ Ошца вмѣсто цѣне! пусти ме, нека ме вуку на смерть! я ѣу у моемъ последнемъ издыханію іошпѣ мою Любовь припознаши.

Хелма. (разжалѣна) Я сожалуемъ тебе, али знай, да оно сердце, кое ты теби желишь, не може те любити, али не може те ни возненавидити, и Хелма не буде тебе Нещасна учиниши. Ты си могъ Ошца непріятель, доспа, шребовало бы, да и я тебе возненавидимъ, али неѣю: швой Ошцацъ ешь кодъ насъ ухаѣенъ, и ты се морашъ за нѣгово спараши избавленіе. Али кромѣ того, иди, бежи изъ двора! што садъ Хелма зна, не буде хѣи Салмова знаши: обаче положи ми овде шѣлесну заклетву за живопѣ швогъ ошца и швою любовь, живопѣ мои любимы не жершвоваши! Закуни ми се, ако бы судьбина дозволила, да Салмо ошѣ тебе погине, да бы си сердце швое отворіо къ неутѣшимоѣ жалоспи!

Манухарь. Я ти се заклинѣмъ, о Хелма! ты имашъ сердце, кое е тако велико и добро, ахъ! а за мене изгублѣнно, гледай само! како мое сузе на твою руку каплю, о како безконечно бы быо щастанѣ чрезъ тебе!

Хел.

Хелма. Престани отъ шакве надежде!
я не могу момъ сердцу заповедаши.

Манухарь. Хелма! на концу овогъ но-
жа виси мой животъ.

Хелма. Ты не будешь швой животъ о-
кончаши, ако ме заиспа любишь.

Манухарь. Само еданъ милоспивый по-
гледъ, Хелма, само еданъ полюбацъ!

Хелма. Немирный, хоће ли онъ швое
страсти упишаши?

Манухарь. О Хелма! само еданъ по-
любацъ!

Хелма. За Бога, последний. (она га по-
люби, онъ е обухвати, а она после отшпергне-
се отъ нѣга) Манухарь, опоменисе швое за-
кleshве! (она побегне отъ нѣга).

Манухарь. Хелма, Хелма! (хоће за
нѣомъ съ разширеныма рукама, али безсилно
паде доле на землю).

*Една мала оплочивашелная: една преобу-
чена маскара провучесе крозъ еданъ шесанъ лу-
шикъ, за дуго остане она кодъ оглушеногъ мла-
диѣя, после она говори пришворнымъ гла-
сомъ.*

Онъ лежи у несвещици нѣгове любве,
башъ садъ, кадъ скоро нѣговы опредѣлены
часи удараши буду. То бы было грѣхъ, кадъ
бы га тако лежати оставіо. (дерма га здра-
во) Манухаре! Манухаре!

Манухарь. (скочи горе (Хей! шко ме
шо зове? (при видѣнію маскаре ступи на-
трагъ) Ты? шы? такоѣерь овде за мномъ?

Непознанный. Овде и свуда. Любве опи-
шый младиѣю, пробудисе изъ смершногъ сна
швое

твое душе, и постави твое жестоко сердце у шишину!

Манухарь. Тко си ты, да мене познаешь, и таквыи разговорь самномь водиши смешь?

Непознанный. Твой хранитель по опасныма заблужденіама, твоей пріятель, и хулитель твои дѣла.

Манухарь. Я тебе не познаемь, али тако ми могь живоша, ты выше неѣшь оть мене побегнути. Пріятель не сакрываеть оть Пріятеля, твое притворенно вещество ужа сава мене, и ако я овымь ножемь тебе наперамь, то ты морашь твою Ларфу доле скинути.

Непознанный. Несмотреный Юноше, лагше мало съ твоіомь беседомь, и помысли, да си ты у Фори; да едно слово, кое беззаконно уво узчуеть, може тебе подь власть непріятелску поставиши.

Манухарь. А шта бы имао овде, што выше изгубиши? Ахь! я самь веѣь чрезь изгубленіе Хелме све изгубію; я стоимь садь овде тако голь, како да мене іошть никадь ніе радость живоша одела. Самы мои самоѣны часи завиду мени, я нигди выше не могу на миру оспати, кромь да ты, мой Вреба-тель за мною идешь, али я тебе не могу веровати, зашто си ми не познашь, и ниши самь едно магновеніе ока сигурань, да не бы у руке одногь убійце или издашеля пао.

Непознанный. Я тью тебе одномь единитомь прошрести речю, повинуйсе пакь после жели тебе, ако ѣшь и смерть, или мучисе у твоёмь безчестномь бездѣлію — обаче овде се зове Иррегесь! —

Манухарь. (держи неустрашимо свою руку на лицу)

Непознанный. Юноше, како можешъ твогъ Отца заборавиши? Иди, сакрысе отъ очю целогъ Света, оне буду тебе хулиши, и саме лѣтописне Персїйске книге, кадъ они приключенія твогъ Отца напишу, не буду заборавиши казаши, да е онъ ухваѣнъ у Фори седю, и нѣму нѣговъ собствєнный сынъ за седамъ дана никакво избавленіе нїе дао, но скорбно мучишисе марао, коя сеншенція хоѣе іошпъ после нѣкогъ времена и на тебе самогъ пасши.

Манухарь. Боже мой! ты си спрашанъ, каква чуда ты на мени показуешь, ахъ! таква мрачна и спрашна, да бы волю у мой гробъ гледаши.

Непознанный. У гробъ твогъ Отца погледай, зашто се онъ веѣъ предъ нымъ отворіо; и после изчупай твое бѣдно сердце изъ ушробе твое, пакъ бацы га оной Нещасной Хелми, подай іой твою руку, и спани на тѣло умершаго Отца твоего.

Манухарь. Тамо то не буде никадъ доѣи! —

Непознанный. Али хоѣе доѣи веруй ми, и шо чрезъ тебе, о Юноше, гди е твой преѣяшный духъ, съ коимъ си се ты отъ скорогъ времена почео тако блисташи, кои се воздвигао преко Началнике Персіе, и кои до возвышенне степене престола возвысіосе естъ? а садъ е шо све ништа, ты си се садъ съ высопе низвергао: твое блистаніе естъ изчезнуло како сѣнка, а твоя Слава естъ како звона гласъ развєяна. (Манухарь плаче) Ахъ,

у'какавѣ несреѣный часѣ морао си шы шу Хелму видиши!

Манухарь. Ты ми чупашь мое сердце!

Непознанный (ухвати га за руку)
Младый Човече, и мое е сердце разчупанно.
Я самъ те любю, я те юшѣвѣ любимѣ, и со-
жалуемѣ твое Несчастіе.

Манухарь. Ты ме любишь? О дакле
пусти ми ша полюбиши успа, коя мене со-
жалую! пусти ми то сердце познаши, кое
погруженогѣ несчастногѣ юште милуе.

Непознанный. Повинуйсе! слѣдуй! О Ма-
нухаре. Свакій часѣ у овомѣ шреклетомѣ
обиталищу долази паденіе. Ова е ноѣ ужас-
на. Знай, да ѣю я шеби по швомѣ дѣлу су-
диши. Манухаре, знашь ли шы, што ѣе до-
шедшій часѣ са собомѣ донети? смерть
швогѣ Ошца.

Манухарь (ухвати га жестоко) Про-
клетый Човече, шта то кажешь?

Непознанный. Едно дѣло, кое су зли
люди заключили, а друго што опетѣ добры
неѣеду да предосшрегну.

Манухарь. Я осеѣямѣ твое речи, ка-
жи декле, што ѣю чиниши?

Непознанный. (напрасно) Стани, они
иду; сакрысе за овай слубѣ, и да ниси
речи проговорю, Ха! тако мрачно пролазе
они овудѣ како нюво дѣло што е.

*Обадва сакрїюсе. Салмо и Таурѣ доѣю у
Галлерїю; онисусе завили у халине, пахѣ у
страху пролазе.*

Салмо. Мы бы смо могли и Фенѣре
сѣ нама узети.

Таурѣ,

Тауръ. Немой, я не могу свѣплость
перпиши. Мое косе расту ми, и спужа про-
лази крозъ мою кровь.

Салмо. Не знамъ, зашто и на мене на-
паде една такава спужа?

Тауръ. Мени се чини, како да бы су
на овомъ месту наши измѣницы (шпіони)
были, или како да бы я Судію мои дѣла предъ
очима моима гледао. Ходи, Салмо! веѣь е
време да ми далъ идемо.

Салмо. Скоро ѣемо мы све прешерпи-
ши мораша.

Тауръ. До ухожденія у гробъ. (они се
изгубу у входу)

Манухарь и Непознанный спуге наложь.

Непознанный. Еси ли ихъ видіо?

Манухарь. Непрїятель нашегъ дома? —

Непознанный. Черно, како годъ ноѣь
по коіой они иде еспъ нїово сердцу. Мер-
зость нїовогъ дѣла ослаблява имъ нїове чле-
не. Садъ иду они шамо къ Братоубїтсїву:
подъ нїовы халина имаю свое ножеве сакры-
вейне, гледай Манухаре, такавъ е садъ свешъ:
допле могу злоба и зависть доѣи, да — —
редко допуцаю добродѣтели и невинности
надъ нїма побѣду обдержавати.

Манухарь. Човече, зашто ме держишь
тако яко за руку? Ппусти ме, или ѣу садъ
употребити насилїе. Я морамъ иѣи момъ
олцу: Нещастїе може ближе доѣи, него мы
што мыслимо.

Непознанный. Него шта мы мыслимо?
ша я теби кажемъ, — да они башъ садъ ша-
мо иду, да га убїю.

Манухарь. О ты проклетый злодѣю!
што кожешъ ты сердцу едногъ сына, а не-
ѣешъ

҃ешь га да пустишь? За име Божіе садъ ҃у те ножемъ пробоспи.

Непознанный. Послушай ме! При освобожденію твогъ Отца опетъ ҃емо се на-҃и, обаче у другомъ облику. За нѣгово освобожденіе има се попеченіе: Вооружаны мои есу у граду; само Вождъ фали имъ. Иди, и ако кокавъ Човекъ тебе на край Галлеріе додирне, пакъ те успыша: познаешь ли тогъ Човека, на кога я очекивамъ? Онда кажи: Манухарь! и онъ онда ҃еше къ твоима одвести. Омащеніе и Казнь! бы҃е вашъ Лозунгъ (знакъ) ово ҃е ши исто и онай човекъ казаши. Али за волю Божію, ако се опетъ твое сердце разжеже! — Я идемъ къ швомъ Отцу; и ако бы Убийце и найпре дошли, него ли шы, то они мораю най пре крозъ мое перси про҃и.

Манухарь. Не, шы ҃ешь мени даши ово дѣло.

Непознанный. Твоя мора быти яча: моіой мишицы фали іоштъ нѣна пре҃яшня крѣпость. Не закоснявайсе садъ выше! скоро ҃емо се опетъ видиши. (оде)

Манухарь (удари руку о руку) Точини еданъ Ту҃инъ, а сынъ остае неспособанъ. Дакле садъ айде, за приближитисе къ дѣлу овогъ Ту҃ина! (оде на другу страну)

ДРУГА ГАЛЛЕРІА У ГРАДУ.

Густа помрчина. Са҃іра .преобученна води Иррегеса за руку у Галлерію.

Иррегесъ. Я не҃ю далъ за тобомъ и҃и. Тко си шы, кои мене у великомъ препешу изъ мое себе водишь? по тако гуспомъ мрач-
номъ

номъ пушу? твои коракаль естѣ шако тихій,
како каквогъ злодѣя.

Сафіра. За Бога ꙗюти! зашто сама ед-
на речъ може насъ у несрећю низвергнути.

Іррегесъ. Пакъ отъ шта се мы има-
мо бояши?

Сафіра. Отъ свашта: ты отъ вѣчне
шавнице, а може быти после и смерши, а я
отъ навеће бѣде и мученія на Свету.

Іррегесъ. Ахъ, я не знамъ, да бы моя
браћя могли шако противъ мене немилосерд-
ни быти.

Сафіра. О Іррегесъ! ты имашь много
отъ ны бояшисе: твой животъ у нювыма
рукама нѣ сигуранъ; и ако се ты дѣйстви-
телно и освободишь, то ты никада тишине
имати не будешь. Сасецы ове едовите гране съ
твогъ сабла.

Іррегесъ. Безсрамный Човече, съ како-
выма предложеніяма мучишь ты мене, иди! А
будући да я теби за мое освобожденіе благо-
дариши имамъ, дакле зато ты мыслишь, мое
сердце къ твою лукавству привести, кое
може быти ты противъ Повелителя овогъ
града имашь? Иди! я ꙗу кромъ свега тога
како брашъ противъ мое заблужене браће
поступаши.

Сафіра. Мое намѣреніе естѣ само твое
Величество и утѣшеніе моего сердца, знай!
кони стою за насъ готовы! да те я съ о-
пасностію живота моего избавимъ, садъ
башъ ову ноћъ стои на точки твоя Сеншен-
ція, и сама сила Любве тебе изъ обаятія
смерши иштергава.

Іррегесъ. Ха! ты си Сафіра! садъ
самъ твой гласъ познаю.

Сафіра. Есть! и пвоя тебе любеѣа из-
бавишелница. Зарь іоштѣ хоѣешь момѣ серд-
цу пустиши, да отѣ пожара вапренногѣ из-
горе? неѣе ли те Благодарность кѣ мени
привести? — Како? ты окреѣеше отѣ
мене? За Бога Иррегесу! време е кратко:
твоя неблагодарность хоѣе мое страшно от-
машеніе а и смерть теби и твоимѣ искрен-
нымѣ нанети. О драгій мой! само еданѣ еди-
ный полюбацѣ, да се мое сердце кѣ швомѣ
приближи!

Иррегесѣ. Иди, пусти ме напрагѣ у
мою павницу! (онѣ се отшпергне отѣ нѣ, пакѣ
хоѣе да бежи, она га заустави, пакѣ испр-
гне свой ножѣ) Тако ми любве мое, садѣ ѣу
те пробости.

*Иррегесѣ отшмаса отѣ нѣ, Нелознанный при-
терчи.*

Непознанный. Хей! вашѣ Лозунгѣ?

Иррегесѣ. Избавленіе изѣ ногтю безза-
конія!

Непознанный. Ха! ово е Иррегесѣ! (у-
стремисе на Сафіру и бацы ю на землю;
пакѣ онда извади свой мечѣ)

Иррегесѣ. Добрый Човече! пусти Са-
фіру нѣной собспвенной казни, нека она живи.

Непознанный. (пусти ю)

Сафіра. (скочи горе и виче) И ако
бы ты на моима обаяшїама и лежао, то бы
те опетѣ зато рада уморити. (побегне)

Иррегесѣ. Тко е мой избавитель?

Непознанный. Твой прїатель. Садѣ не
закосявай выше, овде е еданѣ мечѣ, швой
Манухарѣ борисе веѣѣ на полю. Хишро кѣ
отмашенію!

Иррегесъ хоже да говори. Непознанный вуче га на полъ, они се ударе на множество войника.

Непознанный. Избавленіе и опмашеніе?
Вождь. Избавленіе и опмашеніе! (они се съ нима соедину)

Стража. Тко е то?

Непознанный. Твой Лозунгъ?

Стража. Вѣрность Салмова!

Непознанный. Уби га. (они изеѣку стражу и поѣю далѣ)

МРАЧНЫЙ ПОДРУМЪ.

На среди гори огонь: изображеніе Персійскогъ Божества, локрай огня спюю горе исправише жертвачке кости. Салмо и Тауръ держесе надъ огнемъ за руке; а у другой свакий держи по еданъ ножъ.

Тауръ. Али зашто си ме башъ на ово место морао довести?

Салмо. Зашто нисамъ друго безопасіе знао.

Тауръ. Ты имашь мою заклетву.

Салмо. Есть, кадъ си се мени на светомъ огню предъ изображеніемъ Божества заклео, зашто ти дакле даемъ полюбавъ союза. (они се полюбе) Запамти дакле доброй часъ, и помысли, да ты преже швой животъ жертвовати морашь, него ли свету нарушиши заклетву. Я зовемъ тебе іоштъ еданъ пущъ, ербо я не знамъ, зашто се на швомъ лицу бледность смертна указуе. Тако ти любострастныи опмашенія наши дѣла, тако ти любви къ Лунари; и тако ти сѣнке наше матере, кое кости овде исправлѣнне видишь, положи іоштъ еданъ пущъ швою руку

руку на умершу нѣну главу, обрати лице свое къ свящомъ огню и закуни мисе съ швоіомъ помощію!

Тауръ (положи свое руке на мертве кости) Я се вами заклинѣмъ, вы кости мое матере, кое чрезъ любве Фредна къ родителницы нѣговогъ Иррегеса есте се мяса свогъ лишиле! Слушайте ме вы Громоу стреле Яцейда! — сокрушите ме, ако мою нарушимъ кляшву.

Салмо. (загри га) Садъ си дакле шакавъ, каквогъ самъ те желіо имаши. Садъ да полюбимо наше ножеве, пакъ далъ къ нашемъ послу! (они полюбе ножеве)

Тауръ Ахъ мое се сердце смущава! како страшно подижесе бура!

Салмо. Она хоѣе хрипленіе умирающаго да развее, да га нишко опъ нѣговы захишишеля чупи не може!

Тауръ. Слушай ужасну буру!

Салмо. Твой страхъ чини ши свашта чупи! ходи берзо!

Тауръ. Салмо, іошпъ едно магновеніе ока. Хей! што е шо было? хладна Стужа преѣе ми преко образа.

Салмо. И мени. То е была сѣнка наше матере?

Тауръ За име Божіе! ходи изъ овогъ подрума.

Салмо. (узде га за руку) Ходи, ха! — Слушай — ларму! шо ніе никаква бура. —

Тауръ. То е наше опмашеніе!

Разставесе врата, и Манухаръ съ Вооружаши ушерчи увнуптра съ голымъ мачемъ.

Манухаръ. Рука опмашенія естъ дошла на вашу главу!

Сал.

Салмо. Проклето издашелство!

Салмо и Таурѣ изпергну ножеве, али вооружани наладну на Таура пакѣ свале га на землю. — Салмо яростно скочи на Манухара, овај бацы своју саблю, уступили нѣговомѣ ударцу, обухвати га около шѣла, пакѣ га бацы на землю, садѣ клекне му колени на перси пакѣ му испергне ножѣ изѣ руке.

Манухарѣ. Злодѣю и Беззакониче, швога е доста. Садѣ за то морашѣ цркнути! У оно магновеніе ока, кадѣ га е хощео пробоспи, пришрчу Иррегесѣ и Сігарѣ унутра.

Иррегесѣ. (паде у обаятія свогѣ сына) Шпани Манухаре, и немой убити могѣ брата.

Манухарѣ. (бацы ножѣ и паде предѣ свогѣ Отца) О любезнѣйшій Отче!

Вооружаны окую обадва брата у ланце.

Салмо. Тауре, буди постояный, и у найболѣ време помысли на швою заклетву!

Иррегесѣ. Ходише, мои любезны, мы морамо кѣ нашемѣ Отцу иѣи: шамо хоѣю вамѣ шопрвѣ за ваше избавленіе гледиши.

Онѣ иде, Вооружаны слѣдую га. — Манухарѣ! и Сігарѣ остану натрагѣ.

Манухарѣ. Еси ли опешѣ отѣ швое смертне постелѣ успао, мой Сігаре?

Сігарѣ. Познаешѣ ли садѣ швогѣ хранителя? (Манухарѣ покрые свое лице рукомѣ) Я самѣ свакій швой коракаль слѣдовао, да не доѣнешѣ у зло. Како ши е садѣ швомѣ сердцу?

Манухарѣ. О брате! гди ѣе сирота Хелма ушѣшеніе шражити?

Сігарѣ. Кадѣ она тебе неѣе: ербо си тыѣ дао нѣномѣ Отцу робство.

Манухарь. А моїой опетъ любви уда-
реніе смертно! (обадве оду)

ЦАРСКА СААЛА У ІСТАХИ,

Фредный, Лунара, выше Дворяна.

Фредный. За Бога хоће ли іошпъ кой
дань осванупи, кой ће іошпъ какву скорбь
у нашъ домъ донести? Боже мой! кадъ ће
намъ опетъ іошпъ еданъ пупъ радость, коя
намъ е опшпергнуша, опетъ у обятія наша
доћи?

Лунара. О Отче мой! я самъ се већъ
сваке надежде лишила: оно щастіе, кое е ов-
де преће у нашемъ дому было, никадъ выше
быши неће.

Фредный. Не тако, діете мое! мы не
требамо сами наше сердце да мучимо са во-
ображеніями скорбными: Ербо судьбина пружа
намъ и безъ того доста рано чашу страда-
нія; дакле, зашто да мы ню сами къ себи
вучемо?

Лунара. Ахъ! заръ намъ се она већъ
ніе пружила?

Фредный. Истина, да смо кошповали
нѣколико капи: обаче ако цѣлу испіемо, то
онда и сердца наша разласписе буду. Докле-
годъ Нещастный іошпъ жезлъ надежде има,
може ее свагда на свой шрудный извести
путь: а она се іошпъ са свимъ ніе изгуби-
ла. Ніе, драга Лунаро! я ю іошпъ у овима
персима хранимъ; мени се чини, како да бы ме-
ни еданъ внутреннй гласъ предсказывао —
ты ћешъ скоро опетъ твое сынове видити.

Лунара. О Двомысліе! Любезнѣйшій От-
че! кадъ бы то дѣйствително тайно откро-

веніе Божіе было, кадѣ бы то предохраненіе было, кое ты теби само по желанію сердца твоегѣ толкуешь; да тебѣ ты опетѣ твое сынове видиши! Но Боже! како дакле? мертве може быти, или живе? ербо кадѣ онихѣ оба двоице непремирны сынова любовь съ оружіемѣ покрывенна стои, пакѣ свирѣпіе и разореніе предѣ нима иду: и кадѣ они доле доѣю, хоѣду ниво Право на шѣлу убиенногѣ пошвердиши. — Гледай! шакова воображенія непреспанно параю мою ушробу, и чувствованіе, кое ны произноси, лежи шако шежко на мени, да мое сердце подѣ нѣговымѣ бременомѣ едва возвысисе може. О мой Иррегесу, зарѣ те выше не будемѣ у обаяшя моя загляши?

Фредный. Діете! — Лунаро! имаи сожаленіе о мени: гледай, мое сердце не може ову скорбѣ да поднесе, ако бы я ово нещастіе и мыслію, а после — после дошао бы какавѣ вѣспникѣ радостный, то онда мое старо сердце пременило бы се на увеселеніе и радость. Зато не мой скорбиши Лунаро! шако покварены мои сыновы быти не могу, иди, мы треба наша сердца съ радостныма умщвованіяма да разблажимо, дай ми едно цѣлованіе моя Любезна, пакѣ донеси ми малогѣ Надира овамо! при погледу овогѣ дешета опетѣ савѣ оживимѣ. —

Лунара. Ахѣ! како бы га среѣнымѣ именовала, кадѣ онѣ не бы юшпѣ само безѣ Опца быо! (она полюби Фредна у чело, пакѣ хоѣе да иде, али чуесе изѣ далека велика буна и много гласова викати: Царь! Царь!)

Фредный. Ха! шта е то Царь! вичу они? Боже! какво убоденіе мени то даде у
серд.

сердце, о то е мой сынъ! — Мой сладчай-
ший сынъ! (плаче)

Лунара. (перчи къ прозору) Боже, ка-
кавъ мяшежъ по вароши, ништа не можесе
разпознати; они вичу сви у гласъ.

Чуссе гласъ Музикальны Орудія.

Фредный. (къ своимъ рабомъ) Поди-
гните ме, подигните ме, пукнуће у мене сер-
дце: я га морамъ видити долазити! —

Лунара. (плъснусе рукама) О Всемо-
гущи Боже! онъ е — Иррегесъ! онъ е! —
(она паде у несвестъ; выше ны приперча-
ше къ нѳой, и приведоше ю пакъ у нѳна
перва чувства)

*Гласъ Музике све долази ближе, врата от-
воришесе, Сігарь и Вооружаны спутише уну-
тра, Фредный стои съ разширеннымъ рукама къ
вратама; садъ иде Иррегесъ, а Фредный виче:*

Фредный. Къ момъ сердцу сыне любе-
зный, къ момъ сердцу?

Иррегесъ. (иде къ свомъ Отцу, падне
предъ нимъ на своя колена, а Фредный люби
та радостно. Садъ иде и Манухарь са заро-
бѳны Принцы, Дворяны и Вооружаны)

Фредный. Спани сыне драгий! спани, я
морамъ отданути. Ахъ како то ужасава мое
сердце.

Иррегесъ. Благо мени и преблаго, да
самъ кодъ свію васъ. Али гди е моя Лунара?

Сігарь. (шаки отперча шамо, гди е о-
на у несвестъ пала была, пакъ ю къ нѳму до-
веде; а она паде у обаятія нѳгова)

Лунара. Еси ли ты опетъ мой Иррегесъ?

Иррегесъ. На вѳки! красна Лунаро, на
вѳки! — (они се загерле за нѳко крашко
време: сви су подижены на сожаленіе)

Тауръ. Я веѣь ово не могу выше гледи-
ти.

Салмо. Она подиже мое сердце на нову
зависть!

Манухаръ. Зарь ниси никакву іоштѣ
радость Опче Фредны за мене задержао?

Фредный. Ахъ, како бы я шо све на е-
данѣ пушѣ могао развидити? я самъ веѣь
старый Човекъ. Ходи овамо Манухаре! (при-
вуче га къ себи) Ево имашь и ты едноцѣбло-
ваніе, ты умножишелю мое радости!

Манухаръ. И овде. (показуе на Салма
и Таура) Сладчайшій Опче! спою швои сы-
новы.

Фредный. (окрене имѣ леѣя) Мои сы-
новы? — Есть, я ѣу васѣ све къ мени за-
герлипи, и шако именовати, шебе Іррегесѣ!
и све, кои мои сыновы быши можеше: али
овы овде? зашто сте ми морали ове люде
овамо довести — и мою радость нарушити?
— вашѣ погледѣ шруе мое сердце. (на Сал-
ма и Таура)

Манухаръ. Немой быши шако жестокѣ
и не буди Судія, но Отацѣ!

Фредный. Отацѣ и Судія хоѣю быши;
первый казниѣе свое развращеніе сынове, а
другій злодѣе.

Манухаръ. Отацѣ може шакоѣеръ и
просиши.

Салмо. О ѣуши Манухаре! я ненавидамѣ
шебе и швою молбу; я ненавидамѣ све васѣ.
Есть, само ме опеть пустише! пакѣ ѣете он-
да видиши шшо ѣе слѣдовати: ербо вамѣ се
заклинѣмѣ, да неѣю допле оппочинуши, докле
годъ моему опмашенію не удоволствуемѣ. Дакле
болма опсецѣше ову главу, коя е и безѣ шо-

га садъ срамомъ робства покрывенна, него выше срамотно живиши; вудыте ме на смерть: я волимъ тамо иѣи, него ли овде дуже спояши пакъ едиписе.

Та урѣ. Есть, мы хоѣмо умрети. То е истина, да е онай щастанъ, когъ мы возненавидимо, пакъ намъ меѣе отровъ у сердца наша, и чини насъ опчаянне.

Дунара. (уплашено къ Иррегесу) О мой милый супруге! каквы су шо люди, пакъ зарь си ты у нювыма рукама быо?

Фредный. Вы Злодѣи! што смо мы учинили вамъ, да шу зависть отъ васъ заслужуемо? зарь вамъ е Естество сердца шугра дало? Не, я нисамъ вашъ Опадъ: я васъ отбадамъ отъ могъ сердца, како какавъ отровный чиръ отъ здравогъ уда шѣлесногъ — и што преѣе шо болѣ. Я васъ не познаемъ: што сте вы? Злодѣи. Я неѣю выше за васъ да знамъ; есть, я ѣю проклети и онай часъ, кадъ самъ васъ юштѣ къ моима загрлю персима. (разяренъ) И име сынъ изишло бы выше преко мои уста на мое поврежденіе.

Онъ е веѣъ уморанъ, и брише долупадаюѣе свое сузе.

Та урѣ. (подиженъ на жалость, паде предъ Фредна доле) Отче! Милостивый Отче! швоя е клятва тежка!

Фредный. (плаче)

Салмо. Тако е право: онъ е морао насъ отвергнути, ербо е онъ хошео радіе свое сердце ономъ тамо разбойнику поклонити, зато моралисмо мы отъ нѣга далѣ быти. Нечувствителный Човекъ, воистину никадъ насъ нѣе тако отъ себе отвергнуо ка-

ко е посадѣ. — О за любовь Божию! где, та онѣ плаче, али може быти зашо, што насѣ юшпѣ убити не може.

Фредный *сходи, лахѣ га ухвати здраво за перси.*

Фредный. Скверный, Безбожный и Безчеловѣчный! ты си едно Чудовище, убити васѣ не могу я? Господарь живота и смерти? (изперчне самѣ свой ножѣ, и хоѣе Салма да прободе; Манухарь и Сигарь ухватише га за руке; онѣ пусти ножѣ доле, и паде безсилно у нѣова обятія наспрагѣ)

Салмо. Ели то доиста было мой Отацѣ, кой мене хошео убити? (непроизвольно пошече му една суза доле) То я самѣ не бы веровао. (приспусти обумирающему ближе) Ели умрео? доиста умрео! — *Фредны* отвори очи) Ахѣ юшпѣ е живѣ! (паде предѣ и бгове ноге) Отче! предрагій Отче, дай ми смерть, гледай сѣ воздвигнутыма рукама моли те окаяный Салмо, дай ми смерть — животѣ ми се на неподносимо мученіе претворю: я ошущавамѣ, да мое подивяно свирѣпо сердце, не буде никадѣ у тишини пребывати, зашо уби ме, молимѣ те, предрагій Отче мой! Таурѣ есть болый отѣ мене, и бга можешѣ пощадити — али мене уби!

Фредный. Вуцы те ихѣ одавде!

Манухарь. Щедрый и Благій Отче прости имѣ!

Фредный. (кѣ Манухару показываюѣи на Иррегеса) Погледай шамо на онога, кога су хотели убити! —

Иррегесѣ. Я самѣ опредѣленѣ ны за моя спраданія казнити: я како Царь могу имѣ нѣову заслуженну изрѣѣи сентенцію.

Фред-

Фредный. (къ Лунары) Ахъ Боже! мое сердце юшпъ о вами виси. О Лунаро! како могу насъ и найболя деца съ любовію нашомъ наградиши!

Иррегесъ. Ступише напредъ, овде предъ очи свію, хоѳу вамъ вашу Сениленцію изреѳи!

Салмо. Тако е и право, я идемъ драговошно на смертъ. Само юшпъ еданъ полюбацъ Тауре Брате мой за благодареніе вѳрности, кою си шы мени свагда указывао. (загерли га сердечно) Мы идемо къ нашемъ покою! (Тауръ нѳга шакоѳерь загерли)

Иррегесъ. Браѳо моя! мила моя Браѳо! будише свободны, и поклонише ми опетъ ваше брашско сердце!

Сви присутствующіи есу у изумленію. Салмо и Тауръ лустесе свободны, пакъ зачуду-се Иррегесу.

Иррегесъ. О кадъ бы самъ могао съ моіомъ доброшомъ ваша задобити сердца, и васъ мою Браѳю шако именовати, како што самъ я вашъ! — Дакле да заборавимо на прешедша, и наша сердца колико су была далеко опдалѳнна, толико ближе и шверѳе ихъ да соединимо.

Салмо. А бы ли шы то могао учиниши Иррегесу? — или може быти да шы овде чинишь какво пришворство?

Иррегесъ. О драгій Брате, остави то подозрѳаніе на страну, башъ ово и чини наша сердца хладна и опдалѳнна едно опъ другогъ. Ходите, дайше ми ваше руке, Салмо, Тауре! да будемо искренна Браѳи! — (обомъ да даду му разжалишвано руке)

Тауръ.

Тауръ. Я отъ страха проговорити не могу. — Я самъ те заробію.

Салмо. А я самъ те опешъ хошео убиши!

Іррегесъ. То сте вы Салмо и Тауръ како мои непріятели чинили: али я васъ садъ како Братъ къ момъ сердцу приискавамъ. (они падну разжалително у нѣгова обляпія)

Іррегесъ. (узде ихъ за руке, а онъ посреди ны води ихъ къ Фредну) Овде, Милоспивый Отче, водимъ ти швою децу опешъ. Они су три сына, ирегубо дакле морашъ швой Благословъ на насъ излити.

Они клекну сва троица доле.

Фредный. (нагнесе надъ ны) Я узимама мою кляпву отъ Васъ, и даема вамъ мое опущеніе и мой Благословъ, обаче не ради васъ, него за любовь Іррегеса. Будите добродѣтели, како онъ, пакъ и вы хеше се исто тако любити. Обаче ако вы ваша сердца преокренете; ако вы опешъ место спарой вашей злоби и зависти даме, онда шежо вамъ! онда хе васъ моя кляпва и кашига десеть пупи горше поспигнуши.

Салмо и Тауръ. Не, щедрый Отче! мы хоѣмо насъ любви швое достойне учиниши.

Салмо. Дозволи намъ садъ дакле наше опдаленіе, ербо су прискорбна сердца наша, и желе ушѣшеніе, мы хоѣмо се напрагъ у Фору поврашиши, пакъ отъ онудъ жену и деште довести, и предъ швоима очима поболшанный живошъ водиши.

Іррегесъ. Браћо! за овай вечеръ оста-
ните кодъ насъ, да чаша любве сердца наша
сасвимъ соедини.

Салмо. Есшь, по мы хоћемо: овай дань
нека намъ свагда шоржественный остане.

Тауръ. И кадъ мы опидемо, хоћемо
кодъ тебе наша сердца у залогі наше любве
оставиши. (обадва покаяшело оду)

Іррегесъ. Богъ да благослови ваше
предпріятіе. Гледай Манухаре! тако морашь
шы твое непріятелъ побѣждавати.

*Манухарь падне предъ нимъ на колена,
Лунара загерли га, а Фредный Сігарь держу
му нѣгове руке.*

Манухарь. Содержаніе едногъ таквогъ
сердца есшь спасеніе.

Фредный. и Сігарь. Есшь, тако ми
Неба, Іррегесъ! твоя Лунара есшь истину
говорила.

Сви. (присутствующи вичу гласно) Да
здравствуетъ великій Царь Іррегесъ! (а гласъ
музикальный мешасе измеѣю радостны воскли-
чанія)

СОБА У ПАЛАТИ.

Лунара, Манухарь.

Лунара. Што е теби, мой любезный
Манухаре? зашто не остаешь и шы кодъ
швогъ Отца?

Манухарь. А што ту кодъ излишне
радости?

Лунара. Како, зарь твое сердце не мо-
же да буде соучастникъ шакове?

Манухарь. Ахъ шежко мени! не може —

Лунара. Отъ како су твогъ Опца браѣя изъ града изышла, видимъ двоубу на теби печаль — Любимый Манухаре! — зашто не отбацышь то твое мрачно тяжко-сердце, и не будешь весело — ты си се самимъ премѣнуо — ты кой си преѣе найвеселии измеѣю насъ быо, а садъ си найскорбныи.

Манухарь. Ахъ добра Лунаро, како се премѣняваю времена и мы съ нима! одному е дала судьбина живошъ пунъ радости, — а другому — собелѣзовано Нещасіе.

Лунара. Кажи ми Манухаре — отвори твое сердце къ ушѣшенію пріятелства. Не требаю никакве страсти да у персима твоима свирѣпствую, гди се ушѣшенія надаши!

Манухарь. Есть, Лунаро, тако е: я самъ нещаспанъ, пакъ самъ іошшъ выше, ербо я никакву надежду къ облакшаню могъ Нещасія предамномъ видимъ. — О я тебе молимъ! не принуждавай ме! я ты не могу открыши — я морамъ вѣчно мою печаль самномъ носити.

Лунара. Ты упорный — што ти помаже твое пропивленіе, мени шайну не открыши, за кою я тако много и не бранимъ!

Манухарь. О Боже! (онъ паде на нѣне перси)

Лунара. Сиромаше младый! Како да бы мени твоя самоѣя, твое немирно уздысанъ, шпогодъ другоячїе предвозвѣщало? како те ова шайна мучи, пакъ опешъ неѣешь е на полѣ да испустишь. — Садъ развесели твое сердце; изли твою пугу у нѣдра моя — и дай ми само еданъ перстомъ знакъ, гди и како бы я тебе помоѣи могла.

Манухарь. Ахъ, кадъ бы ты то могла! али то сила едногъ Човека учиниши не може; него сама една Сила Всевышняго може чувствованіе у едно сердце пуспити, кое е садъ тако твердо како годъ Марморъ камень.

Лунара. Дакле една неудоволствована любовь? — то е жалосно —

Манухарь. Есть, воиспинну весма жалосно — и она буде сву мою силу уништи. Но ништа зашо, я радо умиремъ! ербо еданъ живощъ безъ радости есть како оковъ желъзанъ — обаче юштъ и мое последиъ издыханіе не буде на Хелму заборавиши.

Лунара. Дакле Хелма е мучитель твогъ сердца! Хелма, Салмова кѣи? еси ли ю видіо у двору нѣногъ Ошца?

Манухарь. Не опоменюй ме на прешедша жалосна позорища: мои образи црвену, а мое сердце страда; нѣно воспоминаніе мора кодъ мене на вѣки прикривенно быти — пакъ опешъ оно неће изъ овогъ сердца на полъ — седамъ дана было самъ шамо — о мой бѣдный Ошцацъ!

Лунара. Твой Ошцацъ! шта Манухаре? ако ме милуешъ, тако немой ништа нѣму запаяти. —

Манухарь. Я не могу шаяти, я морамъ отъ туге отданути. Гледай Лунаро не само ова суешна надежда и безпредѣлна любовь мучи мене, него и воспоминаніе на време, кадъ самъ у Фори было, оно ме е свудъ немирно и безпокойно гонило: еспъ я самъ было узрокъ, да е мой Ошцацъ тако дуго у павницы мучишесе морао, ахъ! пакъ у крапко време малъ ніе погинуо.

Лунара. Ты, Манухаре? шы?

Ма-

Манухарь. Ешь, я — преобученъ до-
хо у Фору — опидо у намѣренію могъ Оп-
ца избавити. Веѣь свымъ онымъ была е
смерть опредѣленна, кои су нашегъ Нещастія
узрокъ были; я нисамъ имао силе и крѣпо-
спи мечемъ шшогодь учинити — а Иррегесъ
мора освобожденъ да буде, зашо понео самъ
са собомъ отровъ. Едно вече мысліо самъ
повеѣю частъ обипашеля оногъ Двора отро-
ваши.

Лунара. О Боже, то е страшно!

Манухарь. Я самъ овде за едногъ Ві-
ноливашеля прімлѣиъ быо; и веѣь самъ до-
тле быо дошао, отровъ у чаше мепнути;
есть, една, кою бы найпре Салмо, пакъ по-
сле далъ другіи пили, была е веѣь отрована:
онда паде мой погледъ на Хелму; коя е по-
край Салма седила — како ножъ проѣе ми
крозь мое сердце — я почо шрестисе. Овогъ
Анѣла, мыслимъ у себи хоѣешь да отру-
ешь? зашо отрована чаша при овой мысли
паде изъ мое деркшаюѣе руке доле. Я самъ
после быо изъ мое службе избаченъ, зашо
нисамъ ю выше могао видити; овде поче
мученіе грисши мое сердце, а любовь подиже-
се до безумія; я самъ садъ све на ню мысліо:
а мысли на могъ Опца быле су кодъ мене
веѣь исчезнуле. — Седамъ дана повлачіо самъ
се коекудь за Мучителя могъ сердца видити,
а толико дана и выше стояше Иррегесъ безъ
утѣшенія. — Найпосле благопоспѣши ми о-
на къ желанію моему; я ню после замоли, да
бы ми само еданъ часъ на вечеръ поклонила
сѣніомъ разговаратисе — она ми даде знакъ, да
ѣе доѣи: Како су ми онда были горели образы
— — бадава е ишла была преобученна Маскара

замномъ, пакъ ме чувала; а шо е было Сігарь.

Лунара. Сірома Сігарь печаланъ за шолико дуго време, отъ тебе ништа чути, подижесе горе, пакъ едва іошть шолико крѣпосно осимъ постелъ могаше стояши, поведе са собомъ множество войника у градъ.

Манухарь. Онай испый вечеръ доће на мене редъ момъ зароблѣнномъ Опцу воду носипи. Како ме угледа нѣговъ погледъ! горко покаянїе нападе не мене; хопео самъ бежаши — я самъ му се показао, и обеѣяо самъ му на вечеръ освобожденїе, кадъ самъ я кѣри нѣговогъ мучишеля любовь мою предложїо — — Ахъ онай вечеръ, кадъ е нѣга опмашенїе обадва Непрїяшеля безъ бдѣнїя Сігарова хотело предусрести — и кадъ самъ я садъ ову Хелму нашао —

Лунара. Тамо —

Манухарь. (сожалително) Ахъ онда самъ се задержао, и мени зерно надежде опшержесе — О Лунаро, Лунаро! отъ оногъ нещасногъ часа еспъ моя веселость изчезнула, — и я идемъ ко гробу момъ. —

Лунара. Буди бодрый Манухаре! Судбина искушава насъ чрезъ спраданїя.

Манухарь. О каква су шо утѣшенїя безъ надежде за мое любовно сердце! — може быши, скоро ће быши конецъ живота моего, ербо я ошущавамъ — и я бы ону руку благосилаю, коя бы ме отъ овы спраданїя опшержнула.

Иррегесъ стули унутра.

Лунара. Ходи, Иррегесъ! помози ми шѣшиши швогъ сына?

Ирре-

Іррегесъ. Отбацы веѣь еданъ пущъ
отъ тебе та твоя тавна мечпанія мой Ма-
нухаре! разсветли твою мысль, и опетъ раз-
весели твое сердце. Што е теби, што ти
твою тишину нарушава? могу ли ти помо-
ѣи? хоѣу ти усердно чиниши; само кажи ми
пущъ, по коимъ опетъ я тебе къ твоей
преѣяшой тишини могу привести.

Манухаръ. О Отче мой, прости ми
молимъ те, што самъ ти согрѣшо!

Іррегесъ. Престани, сыне мой! уста-
но горе, пакъ обриши твоему сузе, знаке твое
дѣшинске нѣжности! Я све знамъ. Самъ Сі-
гаръ естъ мени на мое принуждаемо прошеніе
твою двогубу скорбь открыо, и тебе та-
коѣерь оправдати шражію. Добрый Сігаръ!
како да ово не бы само мое сердце учинило.
Ходи у Обятія моя! перву жалость мора твое
покаяніе уничтожиши; а другу я ѣю ти ю съ
твогъ жалостногъ скинути сердца.

Манухаръ. Ты, Отче? ты? — О Бо-
же! —

Іррегесъ. Хелма може быти, зато е
евое сердце отъ тебе отвратила, зашто те
е она како непріятеля свогъ дома припознала:
али садъ е све другаячье; садъ ѣе Салмо самъ
похишиши за знакъ нѣговогъ искренногъ Брат-
ства овай Союзъ учиниши.

Манухаръ. Какову радость чинишь серд-
цу моему Отче! О како ню блаженно осеѣа
мое сердце! —

Лунара. Како нечаянно иде къ нами че-
сто ушѣшеніе и надежда!

Іррегесъ. Естъ, моя Лунаро! я самъ
заключю, щастіе могъ сына споспѣшество-
вати. Десетый данъ обеѣали су ми моя Браѣя
дойши

дойши; и онъ е веѣь ето прошао, а ны юшѣь нема. —

Лунара. Ако опетъ нова завистъ прошивъ тебе —

Иррегесъ. Зарь е то узрокъ нѣовогъ опсуштствія? не моя мила! нѣово покаянѣе было е искренно, нѣова возвратителна любовь безсумѣнна; самъ суровый Салмо чинѣо е овай пушѣь безъ приговорства свое покаянѣе. Еданъ нечаяный случай може быти — доста, не треба говорити; да ихъ я чекамъ како Государь свое подданике, него како Братъ братю, хоѣю предъ ны супрашный данъ на сретѣнѣе изыѣи.

Лунара. За любовь Божію! немой шо чиниши! ако те они у свое руке добыю. —

Иррегесъ. (смеюѣисе) Мы смо се веѣь еданъ пушѣь помирили.

Манухарь. О драгій Отче, остани на трагъ, пакъ испытай найпре нѣова сердца!

Иррегесъ. Я самъ ихъ за добра нашао, мене храни Богъ, мои люди и моя сила.

Манухарь. Я ѣу те прапшти.

Иррегесъ. Не, я морамъ найпре са Салмомъ за оно говорити; ако она не буде за тебе, шо юшѣь е болъ, а ты ю баремъ неѣешь никадъ видиши. Сѣгарь быѣе мой сироводитель,

Манухарь. Я се спашимъ кадъ се опоменемъ, може ти се какво нещастѣе приключиши.

Иррегесъ. Будь само на миру, Манухаре, супра ѣу ти даши оппустишелный полюбавъ.

Манухарь. (на небо погледа) О Само гледай да не буде последний. (онъ полюбав Отца и удалисе)

Ирре-

Іррегесъ. (мало после) Садъ, моя сладка Лунара, хоѣмо ли иѣи оппочивати?

Лунара. Ахъ оппочиванъ есть општъ изъ мой обяшїа опшпергнупо; мени се све предсказую ужасне вещи. О кадъ бы те мое сузе разжалиле!

Іррегесъ. Дакле, Заръ да не смемъ изъ вароши изыѣи, ербо су ми моя браѣя непрїятели были? Буди на миру моя красна. (полюби ю) Како ме увеселяваю ове сузе, а доста су ми и возбудишелне!

Лунара. Ако бы ты предъ ны и изышао, О али те пакъ молимъ, да не улазишь у нїовъ градъ! Човече! Обеѣавашъ ли ми шо? —

Іррегесъ. Есть, шо ти обеѣявамъ. Еси ли садъ на миру? —

Лунара. Есамъ, али општъ не са свимъ.

Іррегесъ. Дакле садъ, ты блага опминашелница, да ублажавамо наша сердца чрезъ Любве и сна. (ухвати ю исподъ руке, пакъ ю опведе на другу страну)

Г А Д Л Е Р І А У Ф О Р И.

Салмо. Сафїра

Салмо. Преспани веѣь еданъ пущъ о Жено! душу ми мучити! шта хоѣешь опъ мене?

Сафїра. Твое сердце, кое си опъ мене опшпергао, швою Славу, кою си изгубїо. О Човече! гди е твоя храбрость, и швой непоколебимый духъ? заръ се све развѣяло, како што вешаръ пепелъ развѣе?

Салмо. Иди, я хулимъ швою беседу. Заисто со шымъ низвергавашъ мое сердце у скорбъ и мученїе? заръ жена треба дуже да

дер-

держи ову проклету злобу, него ли человекъ? Ты Сафіро, хоѣшь садъ непремиренна да останешь, а самъ суровый Салмо есть свое сердце веѣь къ Братинской Любви обратію?—

Сафіра. Постоянна хоѣу да останемъ у моимъ намѣреніямъ. Брмшинска Любовь? Проклеша злоба? иди, Дворяни су те поджегли, и швое сердце нѣовомъ унилостію напунили.

Салмо. Жено! жено!

Сафіра. Есть, я и есамъ една постоянна жена, и чрезъ то испю я како жена намѣрене мое пошверждавамъ, и то, десеть пути веѣма него ли шы. — Тко ши е ближни, швой Братъ, или швоя жена и швое дѣше? Ономъ радн еси поклонишисе, него ли ове возвысиши? Я самъ данась веѣь еданъ пущъ имала швсе сердце; али оно се опетъ отъ мене опвратило. Дакле зашто бежишь отъ мене, пакъ си шако швердъ и свирѣпъ противъ мене?

Салмо. О Сафіро, я бы самъ радъ мени самомъ ово сердце изъ мои персію исчупати, или га целогъ са жучію или Любовію напуниши, кадъ бы само ово шегошно смѣшенге отъ зависни братске опшераши могао, я се никадъ не могу на Иррегеса опоменуши, да му не завидимъ; пакъ опетъ имамъ му за спасеніе живота благодарити.

Сафіра. Кратковидный, нѣе то было животъ, што е онъ теби дар: него вѣчно робство. Зарь бы то нѣга што подигло? или бы му зашто сердце Народа наклонѣно было, што бы онъ браѣю свою къ смерти предао? онда бы се сви отъ нѣга бояли; видишь, садъ га милую. Онъ е чрезъ то отъ васъ шопрвѣ

сва сердца и сву силу опшертнуо, и то те опешъ морати быти, тако ми Бога! едно возвышенно возрѣніе, кадъ се онъ у свомъ велелѣпію проводиши буде, пакъ съ возвышенне Тріумфколеснице гордымъ окомъ доле на васъ гледати спане.

Салмо. Непоспихима жено, заръ ме хоѣшь веѣъ у ярость да доведешь? Кажи, што си такоѣерь и момъ Брату Тауру учинила? онъ е быо тако миранъ, кадъ смо у градъ дошли; а садъ е сиромахъ у глубочайше смущеніе пао. Съ каковомъ опривномъ стреломъ еси такоѣерь и нѣгово ранила сердце?

Сафїра. Са стреломъ Любве. Ербо чрезъ изгубленіе нѣгове Лунаре есамъ нѣгово сердце; а чрезъ изгубленіе швое чести опешъ швое разпресла сердце. Зашто за ваше собственно Благополучіе веѣъ сте ослепили. Каквы сте вы люди? кои ниши Любви, ниши чести выше можете имати. — Садъ, — Ево Фаѳуръ Принцъ отъ Турана, кой е у нашемъ граду, онъ е веѣъ условія прїимїо, подъ коима нѣму Хелма свое сердце вручити буде, дакле опмашеніе на главу Иррегеса да буде, ербо га и онъ самъ возненавиди. — Садъ е заспала швоя рука, коя е све за собомъ преокренути могла: Зашто? Заисто су съ дешинскимма забавама преласпили швое сердце; зашто се онъ велелѣпїемъ Величества и Славе украшава, коя су отъ тебе опузеша. Али знай, Любовь Хелме къ Фаѳуру мора свой успѣхъ имати, и я сама хоѣю предъ нѣговымъ Народомъ двогубомъ яростїю на разбойника напасши, кой е садъ сердце и самогъ могъ мужа отъ мене опшващо.

Сал.

Салмо. Ахъ Сафіро, како страшно ты мене мучишь!

Сафіра. Иди, не завіяй са мною, ни-самъ я твой Иррегесъ! твой любезный братъ, кой само на то вреба, докле те не заколѣ. Чишай овде, ову цедулю нашла самъ у моіой соби, са сузама благодаримъ ономъ пріяшескомъ мени непознаномъ Хранишелю, и съ теѣplyма сузама оплакуемъ нашу судьбину. (даде му Цедулю)

Салмо. (чита) Ты о Сафіро, можешь ѳошпѣ помоћи. Салмо и Таурѣ есу се съ Иррегесомъ помирили, и очекиваюсе они овде у варошь съ шобомъ и Хелмомъ. После быѣ вечно робство ваше жребіе, а може быти и смерть. Тако су Фредный и Иррегесъ заключили. Склонишь ли ты ны, да они овамо не дойдю, шо таки бежише изъ вашегъ града; ербо се овде чину тайна расположенія, васъ тамо силомъ наласши. Ако ты швогъ Охранителя и познаешь, шо олетѣ зной, да онѣ тебе у швоіой плачевной судьбине оплакуе —

Салмо. (бацы цедулю на землю, пакъ ударисе рукама) Всемогуща Судбино! ели шо могуѣе?

Сафіра. (у себи) Ха, како шо дѣйствуе! (гласно) Дакле садѣ, шо е твой братъ, кому си ты тако наклонѣнѣ. Иди, иди! ты ниси достоянѣ мое любви. (она оде берзо).

Салмо. Я не могу съ места: мени е шако, како да бы самъ олово у моіой упроби имао, а мое сердце куца ми шако здраво како годъ чекичѣ у ковачницы. — Иррегесъ, Иррегесъ? можешь ли ты шакавѣ злодѣй быти? — Ха! какова ты! — вражя проклеша коварства лезешь? — О ты проклешый Сатано пакленный!

мый! — Наполѣ съ тобомъ изъ овы персію!
 доле съ тобомъ у прахъ и пепео. (лупа съ
 ногомъ) Проклешый! мое жиле гору ошъ я-
 роспи. — О шо мене трепешоужасно мучи,
 што самъ съ нымъ опетъ у любовь дошао.
 (иде брзо горе и доле) Они ѣду дакле ме-
 не подъ нову власть мешнуши? — мою же-
 ну? — мое деше — пакъ после све у запо-
 ченіе вѣчно бацыши? Хей! бацайтесе вы ша-
 мо сами сви, сви, али я хоѣю мое окове око-
 ло ваши врапова сшегнуши и васъ погуши-
 ти. Али и ты Опче Фредный (сожалител-
 но) зарь и ты желишь швогъ сына тако не-
 щасногъ учиниши? Ха! зарь ме не хошео
 веѣъ убиши, — а после ме опетъ благослови,
 имаюѣи онай горкій едъ у свомъ сердцу. —
 О ты маторый злодѣю! — Ахъ! шо е бы-
 ла една спрашна речъ, али Бѣга ми мога,
 шако спрашна, како нѣгово дѣло. Дакле на-
 полѣ съ нѣомъ изъ овогъ сердца съ однимъ
 шягошномъ смесомъ злобе и любви. — Про-
 будисе о ты мое опмашеніе ошъ швогъ смерт-
 ногъ сна. Проклешый дремежу, я ѣу те
 изъ швогъ сна изпрести, и тебе допле бы-
 чемъ быши, докле годъ ты мене съ кровлю
 ненашишишь. (оде)

С А А Л А.

*Сафіра, Тауръ, Фаѳуръ и Хелма. Выше
 гостію изъ Турана седе около астала кодъ лу-
 ни чаша.*

Фаѳуръ. Буди весео, браще Тауре! за-
 што седишь ты овде шако невесео?

Тауръ. О остави ме, браще! мое е серд-
 це пуно жалости, кое не може съ швоимъ
 весело быши.

Фа-

Фаѳурь. Тако открий намъ твою тугу, и заиста буди увѣренъ, даће ти Фаѳурь помоћи, ако само узможе.

Сафіра. Може быти, да ћемо скоро отъ Фаѳура помоћи требовати.

Фаѳурь. Она теби стои свагда готова, моя любезна мати! Нїе ли истина блага Хелмо, я садъ већь смемъ тако Сафіру именовати? (обухвати ю около врапа) О како самъ я щастанъ чрезъ Лобови ове девойчице! — Елъ, Тауре! Любовь треба да чувствуешь, и онда тако ми Бога, шаки ће ти быти твое сердце веселіе!

Таурь. (скочи) О како ми се возмуцава мое сердце! и како ми ове речи страшно параю ушробу мою! О оставите ме молимъ Васъ! —

Сафіра. Буди на миру Тауре! ты се самъ издаешь!

Фаѳурь. Браше, ако самъ те увредіо? — а ты ми прости.

Таурь. Ево ти зашо даемъ мою руку.

Фаѳурь. Садъ одну чашу за поновлѣнно прїятелство! (обадва подигну чаше у высину)

Салмо. (ступи унутра) Хей! овде сте вы небриге едне — подигните мало больма чашнице, а нещастіе прети са сви страна!

Сви. Нещастіе! какво Нещастіе?

Салмо бацы цедулю на аспалъ. Фаѳурь чиша ю велегласно. Сви устану горе.

Фаѳурь. Душе ми мое, я ћу шомъ Иррегесу грклянъ исчупати;

Госты. (измећю себе) Насъ овде напаси — и тако пошайно — шо не бы никаквъ Туркестанъ учиніо.

Сафіра. Садъ, Тауре, садъ развесели
твое сердце! Помысли, да Лунара іошпъ мо-
же твоя быти.

Тауръ. О я ѣу нѣму свирѣпый Човекъ
быти!

Салмо. Устаните горе, пакъ обвежите
себе съ горкимъ опмашеніемъ!

Сви. (изваду свое мечеве) Омашеніе бу-
ди на глави Иррегеса! — смершно опмашеніе!

*Врата отворусе а Иррегесъ и Сігарь стуле
унушра.*

Иррегесъ. Хей! — зарь е то мое по-
здравленъ?

Сігарь. О моя предчувствованія!

Салмо. Бога ми могъ, онъ е — Иррегесъ!

Иррегесъ. (пружи му руку) Добро самъ
ти дошао браше — ты ниси твою речъ
обдержао, пакъ зато самъ дошао, да идешъ
самномъ.

Салмо. Гледай свободе — а знашь ли
ты садъ, да я теби ону исту судбину опредѣ-
лиши могу, кою си ты за мене опредѣлю
быо?

Иррегесъ. Овде морао бы си ты садъ
на моима брашкима лежати персима!

Салмо Кудъ се ты отъ мене сакры-
вашь? мы насъ познаемо, и шако ми Неба,
Иррегесу! ты си весма зло за насъ мыслію.

Иррегесъ. Я? — Я се заклинѣмъ за
главу могъ Отца, да —

Тауръ. Не кунисе! Доста, твое безза-
коніе естъ се открыло, и откровеніе дошло
е преѣе совершенногъ твоегъ дѣла. — Овде
увѣравамъ те, да су намъ твоя дѣла веѣь
познана. (даде му цедулю)

Іррегесъ. (чита , пакъ побледи) О ты проклетый вражій листу! Отъ какве нечестиве и незаконне руке написаосе еси ты? како могу само шаквы Клеветницы врази на нашей земли быти, и взоръ Всевышняго не пошреби ихъ ошъ земли живыхъ? Хей Сигаре! како зло пакъ мысле люди о момъ сердцу — Брато! не дайте овомъ злобномъ гласу никакво! въ слуха, и не растерзавайте чрезъ нѣга союзъ наше Любве —

Салмо. Неба ми, онъ се са свимъ растергнуо —

Іррегесъ. Не тако, Салмо! я самъ овде дошао, да нѣга юште тверђе свежемъ. — О што е славнѣе, него ли братско согласіе и Любовь! Да поставимо нѣой едно твердо основаніе. — Знай, зашто самъ я у швой градъ дошао — Ты имашь одну благородну кѣерь — а я едногъ благородногъ сына, кой ню любви — ово бы наше соединеніе нерѣшимо учинило, а Манухарь бы те Салмо, за свое Благополучіе до смерти благосилао. Дакле пружи и дай руку! —

Фаѳурь. Напрагъ съ томъ рукою, коя се на мое собствено имѣніе разшире! — Хелма е моя, и я ѣу оногъ разбойника удавиши, кой ню буде отъ мене силомъ опети.

Іррегесъ. Ты, Принцъ отъ Турана! съ тобомъ не говоримъ я како братъ; него како Царь Персіе и како Владѣтель, кой съ шисящамъ твою область прекрыши, и целу твою землю съ копитама мои коня покрыши може — Дагше мало! я нисамъ обыкао, да мени шуѣи Принцы мое Величештво и Славу тако

Тако умаляваю. Сігарь! гледай у каквє смо садѣ руке упали?

Сігарь. У разбойническе, изѣ кои неће те Дунара никадѣ выше видити свободна.

Іррегесѣ. О Боже! зарѣ вы опетѣ старо неприятелство радисте поновити?

Салмо. Ухващите га! — садѣ хоѣю мое щастіе строити, или никадѣ —

Салмо устремисе на Іррегеса съ ножемѣ. Али Сігарь доѣе му спредѣ, лажѣ му иштергне ножѣ

Сігарь. Брате, извади мечѣ на полѣ.

Іррегесѣ. Хоѣеду ли ово смєши браѣя чинити? или овы чужестранныи? — Браѣо! идите отѣ мене, оставите ме на миру! помыслите на нашегѣ Отца! Доста е неправо, да я неприятелѣ нашегѣ Царства у вашемѣ содружеству видимѣ — нисте ли и вы мои неприятєли?

Фаѣурѣ. Вы плашливцы! устаните вы люди отѣ Турана — мы ѣемо намѣ велику заслужиши похвалу, ако ове Персіане побѣдимо.

Туркєстаны иштергну мечеве, устремесе на Іррегеса; обаче онѣ и Сігарь бранесе храбро.

Іррегесѣ. О вы безсловєсни тугри и разбойницы! вы ѣе те мою главу скупо плашити!

Много Туркєстана логину — обадва пріятєля есу се до врата храбро борили — овде удари една мала стрєла Сігара у перси, онѣ паде.

Сігарь. Корачи преко мене браташе, и бежи — ахѣ!

Іррегесѣ. О Боже! я морамѣ іошпѣ найпре твогѣ убійцу казнити! (онѣ удари оногѣ мечемѣ, кой е Сігара устрєлію, о-

бори

бори га доле; изсече га , пакъ остави га у кер-
ви) Брате! ты си освећенъ!

Сігарь. О Боже! я издышемъ! (онъ
умре)

*Иррегесъ хоће се да исправи , али Фаѳуръ и
прочіи наладѳше на нѳга.*

Хелма. (виче) Немой га убиши — Фа-
ѳуре!

Иррегесъ. О Боже! дакле морамъ под-
лећи злобы! — (они га отпоружаю)

Фаѳуръ. Вуцыте га одавде!

Салмо. (свогъ брата герлећи) Садъ
брате , садъ ћемо нашу срећю совершенну
учиниши.

ТАВНИЦА.

*Иррегесъ дрема. Изъ едне друге крайне собице
чуесе една сладка Музика. Иррегесъ пробудисе
при нѳномъ гласу и слуша. Найпоследне
почне левати еданъ женскій гласъ:*

1.

Пуна ешь ношь мрака; пуно сердце страха;
Ерь ти швоя слава данась ичезава;
Зашто Любовь нећешь, већ се у гробъ мећешь;
Гди морашь шрунути; мечемъ погинути.

2.

Плачи славу твою; шѳши жалось мою;
Зашто се не любишь; ниши задоволишь
Сердцу жене славне; велике и хвалне;
Коя тебе люби; и сама се губи.

3.

3,

Салмо мужу чудный! не буди безумный;
 Него уби врага; некъ иде безъ шрага;
 Иррегеса тужна; у шавницы сужна;
 Да сердце ушѣшимъ, и къ теби послѣшимъ.

Иррегесъ. Каковъ ужасный гласъ! за-
 што ты опъ мене крадешь мой санъ? Сафі-
 ро — Сафіро! я познаемъ твою руку, коя е
 мене у ову спрашну бацыла шавницу; зарь
 салъ хоѣшь, такоѣрь и са смертнымъ
 трепешомъ да напунишь мою душу? — я
 трепшимъ, и една мрачна шавность обаспи-
 ре мое тужно сердце, како да бы стаяо при
 концу смертномъ. — Дакле моя роѣна Браѣя
 секу конацъ живота моего на полакъ! я самъ
 хощео союзъ нашегъ сердца шверѣе свезати,
 а они ми за ово благо дѣло дадоше овай оковъ
 желѣзанъ! Хей после буду они мою криву
 главу нашемъ старомъ Опцу послати — а
 моя дечица и моя жена — (скочи горе) О ты
 враждебна певачице — каковымъ страхомъ
 наполнявашь ты мое сердце! Боже мой! како
 звечи у ушима моима звукъ овы ланаца, кое
 су ми моя браѣя наметнули шако ужасно! —
 Естество! еси ли ты швое сладке союзе раз-
 сѣкло, и ели речь чувство веѣь на посмеяніе
 нечеспивыхъ прешворилосе? — Мой сиромаше
 Сигаре! и ты си за мене кровь швою про-
 лю, скоро буде такоѣрь плѣніе (трулость)
 и мое кости гристи, и болѣзнь сердца мо-
 ихъ любезника буде страшно мучити. Буди
 мирно мое сердце! може быти ніе іоштъ сва-
 ко избавленіе преишло, предайсе ты опетъ
 сну, изъ когъ тебе овай пакленный гласъ
 шерза. — (онъ се наслони на шрагъ на свою
 сто-

столицу) Мои члени есу отъ шуге ослабили,
а исплакане очи мое вуку ме скорбно къ по-
кою вѣчному — садъ дакле доѣи сладка ти-
шино, несчастный тебе жели! О допустите-
мисе вы имена, да васъ іошѣ еданъ пущъ
именовати могу, коя сѣ ми премила и пре-
драга — Фредный — Ситарь — о мой Ману-
харь — и шы — шы Лунара и Надиръ — зарь
самъ ли я васъ веѣъ последний пущъ именовавъ?
— Молчаніе! ово же ме опетъ отъ могъ сна
оптергнути — Спавай, Несчастный и санай о
жалостныма и скорбныма вещма!

*Мало по мало поче спавати дубль, докле
годъ нѣе найпосле савъ у оглушеніе лао. Онда
доѣю Салмо и Тауръ, ше та ножевы избоду и
убію.*

СВОДЪ ИЗВАНЪ ТАВНИЦЕ.

*После нѣкоегъ малогъ времена Салмо и Тауръ
бежу отчаяны изъ тавнице наполь.*

Тауръ. О сакрый ме Салмо! я самогъ се-
бе ненавижимъ —

Салмо. Ахъ моя душа у мени трепши!
Ходи, Тауре — спрахъ и трепетъ смерт-
ный напада на насъ. (ужасно обоица побегну
изъ Свода)

СВОБОДНО ПОЛЪ.

*Оно е съ хулинама украшенно, на коимъ мно-
гѣи шатори видусе начинѣни, у коима Ману-
харь са своимъ воинствомъ оплочива. — Ю-
шро видисе и починѣ свишпи.*

Манухарь. (изыѣе изъ свогъ шатора)
Я идемъ подъ ведро Божіе Небо; може бы-
ши,

ти, да же взоръ происходящегъ сунца мое скорбно разблажиши сердце! — Какво страшно безпокойство садъ у моима Персима царствуе! — ели оно предчувствованіе каквогъ Нещастія — или слѣдство могъ закоснѣногъ попеченія? заиспа хоже быши последиѣ. О Любве Любве! како мучишь ты мое сердце! ты швою радость пружашь у златныма чашама, а на дну ти лежи опровѣ! — Ахъ! отъ кадъ самъ я ову Хелму видю, пишина могъ сердца естъ исчезнула, и она не буде выше возвращиши, него или съ нїомъ, или съ моїомъ смертію. — Хелмо, Хелмо! мени е твое име шако сладостно, како годъ и мучимо — каква чувства будешь ты садъ у твоима персима храниши? Любовь ли къ мени, или Зависть? — Зависть! О Боже! онда ты неѣшь выше никавогъ раздраженія имати за мене. — — О ты прохлаждаемый юпреній взоре — о ты восхождаемо божественно Сунце — — — О вы любимыи мои домашніи и сродницы — — — можеше ли овай мой весма шягопный облакшапи животъ? — — — или — (Астрофілъ доже изъ шатора Манухарова)

Манухарь. Добрый Астрофіле! зарь е и твое лице шако рамо санъ опбѣгнуло? Гледай, како іошпѣ сви мои люди у великомъ спаваню есу, пакъ себе къ пушу укрѣпляваю.

Астрофілъ. Хоже ли нашъ путь іошпѣ дужїи быти, за избавиши швогъ Отца, и нечаянно напасти на нѣгову браћю?

Манухарь. Скоро іошпѣ еданъ дань. О друже! колико ближе мы идемо къ нашемъ намѣренію, толико страшнїе куца ми мое сердце. Ахъ! оно му мора предвозвѣстиши ней-

нейсполненіе нѣгове надежде, кое оно може быти очекиваши има. Обаче зайста веруй ми, да сердце Хелме мени сва добра желиши буде? Иди, Брате! кажи ми баремъ еданъ радостный *Есть!* — ты не можешь веровати, како ово младогъ Любовника весели, кадъ му се нѣгова пошверждава надежда.

Астрофѣль. Дай швое люде сазвати и швое Камиле нашоварити. — Ходи драгій Брате! да идемо, шпо брже можемо. — О юноше! швое е сердце само чувствованіемъ Хелме пуно, а на бѣдна слѣдства неѣешь много ни да позорствуешь. Кадъ бы си могао мое сердце развидити! оно е са спрашныма мечшаніяма пуно. Ахъ! колико веѣъ често бывада е Любовь источникъ найспрашнѣегъ злополучія. Я ю иначе не познаемъ.

Манухарь. Иди — то се зове непріятелски поступати, мое сердце, кое е и кромѣ того шако жалостно, юшпѣ выше шуге и печали пуниши. Откуда можешь ты овако о Любви разсуждавати?

Астрофѣль. Неразборимый Юноше! а познаешь ли ты мое сердце, да ты о нѣму разсуждавати знашь? Обаче я познаемъ любовь, она е была мой гонитель и мучитель; само ова халина могла бы ме отъ нѣне сохраниши свирѣпости, и старость лѣта излечилису могъ сердца ране.

Манухарь. (загри га) О дакле прости ми!

Астрофѣль. Драгосердечно; обаче садъ друго предчувшвованіе лежи на момъ сердцу. Юноше! зарь не опоминѣшсе ништа на швогъ Отца? ниши на опасность, у коіой е онъ преѣе быо, а и садъ може быти? Зашто насъ

е тако берзо послао Фредны за нымъ ушто-
це? Зашто онъ нювымъ не веруе речма, за-
то му е и казао, да онъ у домъ нѣгове Бра-
ѣ не ступи, ербо е нѣова познао сердца. Ахъ!
а и еданъ трепешоужасный санъ есть тако-
ѣрь садъ мою душу смутію. — О Боже! я
самъ видію твоегъ Отца предамногъ спояти,
кога лице баше тако бледо и хладно, какогодъ
каквогъ мершвеца; — ахъ страшно е было! кадъ
е разстрео халину, и мени ране на свомъ тѣ-
лу показао; Ране, кое до нѣговогъ сердца, и
крозъ нѣга пролазилесу — онъ не могаше го-
ворити, али опетъ чуше мое уши ове речи:
То су ми учинила моя Браѣя!

Манухарь. (ударисе съ рукама) О Все-
могущій Творче!

Аспрофілъ. Такоѣрь и на тебе по-
гледао, кои си покрай мене спавао, — Ахъ,
како е прискорбно было нѣгово лице! онъ пла-
каше — онъ показываше на тебе, да ты
іоштъ при томъ спавати можешъ — и кадъ
си ты іоштъ у сну име Хелма изъ твои ис-
пустію уста, онда онъ изъ свегъ сердца по-
че уздысати.

Манухарь. За волю живогъ Бога, айде!
О кадъ бы ми вешарь нѣгова позаймію крыла!
Я садъ неймамъ никаквогъ мира ни похоя —
само гледай, Любовь, страхъ, напрасно шаж-
косердіе и пожеланіе за отмашченіемъ, све шо
овде на мое перси пада, а и една утѣснена
скорбь, една печаль, коіой я садъ подложимъ.

Аспрофілъ. Дакле садъ ходимо скоро!
и ако твомъ Отцу будесе ова опасность
попрешила — опетъ треба, да наша сердца
представимо, свакигъ начиномъ гледаши, къ
надемъ отмашченію доѣи.

Манухарь. Я тебе веѣь разумеѣь — я ѣу цело мое сердце испергнуши, да бы после окончаемоѣь отмашенія могао умреши. — Али слушай, какаѣь е то гласѣь —

Асфрофѣль. Едноѣь рога, но онѣь све ближе долази.

Манухарь. О какво е то чудесно явленіе, кое шамо, крозѣь шумарицу овамо долази? еданѣь единишый Човекѣь — гледай само, около шѣьла виси му една Медвеѣья кожа, а на главу метнуо е мертвоѣь Човека шеме — онѣь свира у роѣь — како страшно — пакѣь еѣь острымѣь мечемѣь посрѣе часѣь на едну, часѣь на другу спрану — и каквомѣь сви рѣьпостію засеца дрѣьва!

Асфрофѣль. Да уклонимосе сѣь пуша о-вомѣь спрашномѣь чудовищу!

Манухарь. Немой Брате! — Овай човекѣь нѣьшню долази ми познашѣь, я га желимѣь мало болма видити и познаши. Гледай, онѣь е насѣь опазію, онѣь управо иде кѣь намѣь.

Таурѣь у горе описаныма халинама иде хѣь нима. Онѣь чрезѣь ошчаяніе и помѣьшашелства тако се преобразію, да се едѣьва познаши може; нѣьгова напрасна грызенія совѣьсти, коя га за Братоубѣьйсшво мучу, есу га у изумленіе довели: нѣьгово лице ешѣь се на порушеніе прешворило.

Манухарь. Тко си шы Човече, кой у овомѣь чудесномѣь виду овуда блудишѣь, и насѣь тако страшнымѣь взоромѣь плашишѣь?

Таурѣь. (сакрые главу у свою Медвеѣью кожу) Я самѣь еданѣь Нещастанѣь, кой еданѣь грѣьхѣь на мени имамѣь, кой ме доле пришеже; едну вапру у моима персима, коя ме разжиже и уничшожава, и еданѣь шрепешѣь на момѣь лицу,
пакѣь

пакъ чинимисе, да свако магновеніе ока хоће се на мене целый Светъ да сваля. (печално) Ахъ! я спражимъ смерть, а не могу ю да найдемъ. Добрый Юноше, гди е она?

Астрофілъ. У руды Всемогущегъ, она ће швое естество раствориши, кадъ нѣна свеша воля буде.

Тауръ. Воля человѣческа растворава такоћерь. — О овде опетъ чуемъ ужасно бѣшенство около мене! — можешъ ли ми помоћи опъ ужаса и шрепета, кои ме гону? шерай ихъ одавде — сићисе доле у дубоку пещеру, пакъ изнеси га горе да онъ свою руку на мене положи, и рекне: Я ти пращамъ! — О како хладна рука нѣгова лежи на мени, и како шежко! (онъ ударисе о землю) Сакрый ме опъ нѣговогъ взора — моя душа спрашисе опъ нѣга, а сердце умире за нимъ.

Манухаръ. (подигне га) Сиромаше! ходи — ушѣшисе.

Тауръ. Ако ми шы швоя благодарїя укажешъ, быће грѣхъ. Я самъ тако великій прешупникъ и злодѣй, да и само оно сердце казни е достойно, кое мене сожалуе. (загри нѣгова колена) Дай ми оппущеніе — тако ти оногъ, коегъ найболма милуешъ, прости ми!

Манухаръ. Ако си шы мене шшо увредіо, я при шомъ швомъ взору, морао быши опростиши.

Тауръ. (плачевно) Ахъ шо е истина, моя су спраданія горка! Данъ ноћъ біемсе, и изъ сна шерзамсе, нигдисе шерпиши не могу, и нигди мира не могу наћъ, него кодъ смерти!

Манухарь. Я тебе сожалуемъ, шако ми Бога!

Тауръ. (гледа га остро) А шко си ты, кой ты мене сожалуешь? А знашь ли ты пакъ, шко самъ я?

Астрофѣлъ. (у себи) Ахъ! я нисамъ радъ мое предчувствованіе велегласно пуспити, и што га выше гледамъ, то выше содержавамъ печалну достовѣрность.

Тауръ. Я самъ найстрашнѣе чудовище; я самъ самъ мое лице изсекао, да се не могу отъ рана и крови познаши. Я спражимъ кровь — кровь — Ты окаянный Тауре! спражи швою собствену кровь?

Манухарь. Ха Тауръ! О Боже! каковъ ужасъ и препетъ нападе на мене. Ты си Тауръ? што си ты съ Иррегесомъ учиню? кажи ми!

Тауръ. (бацы се на землю) Иррегесъ! о Иррегесъ! — стоимъ ли я предъ вѣчнымъ Судіомъ, кой мене позыва? — (смеесе безумно) Я не знамъ, дивыи звѣри, валя да су га расшергнули.

Манухарь. О Тауръ! открый ми нѣгову судьбину. Я ю морамъ знаши, я, Манухарь сынъ нѣговъ.

Тауръ. (скочи горе) Ты си Манухарь? — ешь садъ те я познанемъ. Иди — убій ме — молимъ те — убій ме!

Манухарь. (отступи отъ нѣга) Безумный! шта хоѣшь ты отъ мене?

Тауръ. Мою смерть! я ѣу те угушити, ако ме не убіешь — извади твоей мечъ, (онъ устремисе мечемъ на нѣга)

Манухарь. (бранисе са своимъ отъ нѣговы свирѣпы нападенія) Безумный! шта самъ ши я учиню, да те убиемъ? мани се погъ!

Таурь. Умрети морамъ — умрети! (онъ успремисе на мечъ Манухара и паде мертавъ)

Манухарь. Ахъ! онъ паде — Астрофиле! я нисамъ га хошео убити!

Астрофилъ. Не, добрый Юноше! ты морашь тако радиши. Ты си може быши отъ Бога посланъ за отмщителя, ахъ! шко зна шта е учиню!

Манухарь. О! онъ е было пакъ могъ Отца братъ — и онъ бы добаръ было, кадъ га не бы Салмо прелестю! Онъ е морао много спрадаши — а садъ се веѣь скончао — и то чрезъ мене — ахъ! чрезъ мене — а я нисамъ то хошео учиниши. Всеблагій Боже, ты то све знашь, да я то нисамъ своевольно учиню! Сиромаше Тауре! што ши садъ помажу мое сузе? О прощеніе, прощеніе невинномъ твоимъ убійцы! (онъ паде на кровию обливлено шѣло. Изъ меѣю того есть се и выше около Манухара людій нѣговы совокупило)

Астрофилъ. Узмите шѣло, и понесите га у Фору, ходи мой Манухаре! укрѣплявайсе — ушѣшавай швое сердце, кое е у овомъ дѣлу са свимъ невинно было.

Манухарь. Ахъ како ме мучи нѣгова смерть — онъ е умрео у среды нѣговы опчаянія!

Астрофилъ. Ходи, Манухаре!пусти насъ сиромаха оплакати. (онъ га отведе)

ЕДНО ОПЕТЪ ДРУГО ПОЛЪ.

*Ноѣь представлясе ; бура свирѣлствуе.
Изъ далека видисе огнь, кой предъ шашори гори,
кога су лупницы по овомъ полю полравили.*

Манухарь. Астрофілъ.

Манухарь. Зарь нїе могуће далъ иѣи?
Астрофілъ. Нїе, драгїй мой! ербо е ово
една страшна ноѣь. А мы смо овде у овыма
горама заишли, и морамо чекати зору.

Манухарь. Ахъ! дакле морамъ ову ду-
гу — дугу ноѣь у скорбныма мечпанїяма пре-
бывати, коя ме параю? Ахъ мени! што е
ошъ насъ! Мой Астрофіле! што се ошъ сы-
нова Фредна случило?

Астрофілъ. Мое сердце говори тако
гласно, како бура, коя овде преко насъ сви-
рѣлствуе: Нишша Добро. Еданъ ошъ ни естъ
погинуо! Знашь ли ты, ели каковъ ошъ о-
вогъ преѣе?

Манухарь. О престани — престани!
една терзающа скорбь пресе ми мое кости —
о то е препепострашно!

Астрофілъ. Слушай, како громъ свой
гласъ у разлиѣе наши печалны сердца дае!

Манухарь. Я ѣу мой духъ упражня-
вати, да мое сердце свое спраси заборава.
(онъ паде на лице. Астрофілъ стои съ раз-
ширенными рукама надъ нымъ)

Астрофілъ. О превеликїй и пресилный
Господи Боже нашъ, дай намъ скорбнымъ ти-
шину и крѣпость, іошше дошедше подноси-
ти спраси. Дозволи нашимъ сердцама —
А! шта е то?

Манухарь. (устаде) Шта е? шта е?

Астрофілъ. Машале приближаваюсе отъ онудъ овамо и Вооружаны люди; они иду шако полагаю, како да бы мершвеца носили.

Манухарь. Драгій друже! како самъ на мое лице пао и молюсе, шаки нападе на мене жестоко безпокойство. — За свешу волю Божию, да идемо шомъ погребу.

Выше Вооружаны съ машалама полагаю пролазу. У среды иду люди у черно обучени; они носу на нювы плечи шъло съ черномъ чойомъ покрывенно. Манухарь и Астрофілъ иду къ нима.

Астрофілъ. Како шихо и чиновно они ходе, и како жалостно и шежо носу они мершваца, како да бы самогъ Цара носили.

Люди слусте Кивотъ доле за оплочинути.

Манухарь. О Астрофіле! я ихъ пытата не смемъ.

Астрофілъ. Хей! кудъ идете вы люти?

Еданъ отъ ни. Нашъ путь естъ жалостпанъ и шягопанъ — насъ шилъ Салмо къ нѣговомъ Отцу Фредну. Мы носимо овде одну шягошу, коя спаромъ Кралю шако шежа хоѣе быти, какогодъ нѣгова цела Персія.

Манухарь. О Всемогущій Боже! ша то е мой Ошацъ! (онъ сбацы покровъ доле, опази шъло Иррегеса, пакъ паде съ великимъ запеванѣмъ у обумиране на нѣга)

Астрофілъ. О скрыше очи ваши вы праводушныи людіе! Овде лежи убіенна Невинность. Плачите о вы Персіаны! вашъ спарый Краль хоѣе самъ себи очи ископати за не видиши ово ужасно позорище. (къ шѣмо стоеѣимъ люда) Ходите, да избавимо само Манухара, и после сверху цѣле Персіе да согласимо одну жалостну пѣснь. (они однесу обумираемогъ Манухара далъ)

Веѣъ е близу полночи. Буря естѣ са свимѣ пресшла: и звѣзде свѣшлесе по Небеси. Манухарь подѣ своимѣ шаторомѣ седи замышлѣнно.

Манухарь Сиромаше Манухаре! како те горко гони твоя судьбина! Садѣ си ты са свимѣ Нещаспанѣ; отѣ оногѣ отбаченѣ, што мое сердце на овой земли твердо держати могаше. О та разпаднися сиромаше сердце, а вы очи пушайте изѣ васѣ горке сузе жалости! Кудѣ садѣ да се окренемѣ за наѣи ушѣху и шишину? Иди у твоя гробѣ Манухаре — иди, у твоя гробѣ — ахѣ, и како спрашно пресемсе садѣ самѣ у овомѣ часу, гди само мысли смерти сверху избавленія моего Ошца душу мою грызу опоминаніе на Хелму! — ты сладка моя мучишелнице, садѣ те морамѣ изѣ персію мою испоргнути, и нека мое сердце само зашто погине. Ты — ты — не, я веѣъ то издержати не могу. (онѣ иде немирно горе и доле) Тко ме задержава у бури мой спраданија? шко те ми даши помоѣи, да не погинемѣ? Мое сузе теку, а я садѣ треба мое сердце свирѣпостію да вооружамѣ! О Небо! како дакле могу я быти свирѣпый на ону, кою я милуемѣ и любимѣ?

Астрофѣлѣ стули унутра. Манухарь ладне у обаятія нѣгова.

Манухарь. Ты мой единый изоспавшій пріяшелю, дозволи ми на твоима персима плакати! и сердцу моемѣ одолѣти, ербо те пукнути отѣ яда.

Астрофѣлѣ. Сиромаше Юноше! я те сожалуемѣ и плачемѣ за тобомѣ. Твои днєви есу горкима спраданијама наполнѣни; али помысли, да не само твое сузе за Любезникомѣ Ошдемѣ твоимѣ теку, него да сузе пьсащихѣ

шихъ и Бговы Народа за нымъ люсе. — Ахъ! каква изображенія представля себи мой духъ, кадъ само помыслимъ, какова жалость и скорбь на части и мучиши буду Фредна и Лунару? Тво юшпъ отъ васъ свю остае, кой помагати и шѣшиши може? Есть, мой Манухаре! я самъ не могу выше, него ово бремя на тебе налажемъ. Зато буди мужественъ, да ты сердца, коя су юшше жива, ублажиши можешь.

Манухарь. Брате, шкоже моему скорбному сердцу ово мужество даши?

Астрофилъ. Твой возвышенный духъ, кой за престолъ опредѣленъ земная злочленія подносити, учиши мора, после време, а садъ по иѣшто може быши и утѣшеніе твогъ прятеля. Ходи, мой Манухаре, пакъ исплачи твою жалость на персима моима (весма возбужденъ) Допусти ми мое сузе соединити съ твоима!

Манухарь. Немой Астрофиле, немой!

Астрофилъ. Како Манухаре? зарь ниси радъ да мое сердце соучастникомъ буде твое скорби?

Манухарь. Сакрый ме отъ мене самогъ, да я мое сузе не видимъ!

Астрофилъ. Я тебе разумемъ, добрый Юноше, ты плачешь изгубленіе твогъ Опца, а пришомъ и твое Хелме. Гледай, садъ теку твое сузе изобилно, зашто самъ я твомъ прискорбномъ сердцу оплагшаніе учиню. О ты добрый Юноше! мое сердце узи-ма часъ твои страданія; и я самъ еданъ пушъ ощущавао изгубленіе могъ Любовника; али веруй ми, да никакве Любви на свету нема, коя не бысе временомъ излечила. Али садъ Манухаре, садъ морашь ты твою скорбь

сакрыши предъ очима швогъ малодушногъ Народа. Кадъ добіемо опешъ какавъ самоѣнный часъ, онда опешъ падни на мое перси, а я ѣу ти лечиши съ ушѣхомъ швое кржаве ране: обаче Народъ не треба ове ране да види, не треба да се зна, да сердце нѣовогъ Владѣтеля овымъ печальнымъ чувствованиямъ место даши може. Приберисе къ себи, швои люди чскаю тебе при смертномъ огню швогъ Отца.

Манухаръ. Ели веѣъ людма познато, што су намъ Носіюцы шѣла Отца моего казали, да су га нѣгова браѣя убили?

Астрофілъ. Ешь, такоѣеръ и Сігаръ паде убіенъ отъ Туркестана. Зато сви дакле садъ вичу за опмащеніе; ешь, они су меѣяли нѣове перете у дубоке ране Иррегеса, и заклелису се тако исто умрени, ако они погибель на оне безсрамне убійце не нанесу.

Манухаръ. О Боже! ово мене баца у обумираніе — Ходи, Астрофіле! взоръ отъ шѣла могъ Отца буде мое сердце распарати, и ово паранѣ мене къ свирѣпомъ опмащенію возбудиши. Я ѣу се едномъ сужномъ уподобиши, кой отъ смертне глади умире, и у свирѣпомъ бѣшенству свое собственно место са себе гризе.

Астрофілъ. Будь человекъ, Манухаре! и не премѣной на мучителство швое праведное опмащеніе.

Обадва отиду изъ шатора на свободно полѣ. Овде су се люди у округѣ совокулили; и древа за всесоженіе намѣшена тору у шавной ноѣи.

Манухаръ. О Небо! како ужасно свешли мени могъ Отца смертнѣй Огнь. Отведе
ди

ди ме кѣ нѣму Астрофіле, да му іошпѣ нѣ-
гова хладна полюбимѣ уша!

*Они га одведу кѣ мершвецу, на когѣ онѣ
плачуѣи ладне. Едно малчаніе быва за нѣко вре-
ме. Люди на около тайно ецаю и плачу. Ма-
нухарѣ садѣ подигнесе орошаемымѣ са сузама
лицемѣ горе.*

Манухарѣ. Доста сузе и несовершенно
дѣло Вы люди, преобразите кости могѣ Отца
у прахѣ, да мы нѣговѣ пепель кѣ Несчастно-
му Фредну опнети можемо. Обаче ваша сер-
ца далше зашворите отѣ Сожаленія, но от-
ворите ихѣ кѣ горкому опмашенію. При о-
вомѣ страхополномѣ мершвецу заклинемсе я
сѣ вами сѣ остромѣ рукомѣ и нѣговогѣ по-
следнѣгѣ убійцу напасти, премѣ да е еданѣ
отѣ мене веѣхѣ погинуо.

*Люди. Опмашеніе, страшно Опмашеніе
— мы ѣемо Салма савѣ родѣ потребиши отѣ
земли и Туркестане искорениши до основанія.*

Манухарѣ. О Астрофіле! ова кляшва
горко терза мое сердце.

Астрофілѣ. Да преобразимо шѣло у
прахѣ отѣ когѣ смо сви произишли.

*Они носе са согласнымѣ лѣснимѣ шѣло
на смершній огнь. Манухарѣ ладе на своя
колена пакѣ покры свое лице. Жалостну лѣснѣ
люди слѣдую далѣ. Садѣ веѣхѣ се шѣло соже-
гло, и Астрофілѣ совокули пепель у одну ка-
менну урну, (сосудѣ)*

Астрофілѣ. Устани горе Манухаре и
полюби мощи твогѣ Отца.

Манухарѣ. (наслонисе едномѣ рукомѣ
на нѣга, а сѣ другомѣ рукомѣ приписну Ур-
ну кѣ свомѣ сердцу) Мое сузе теку избыл-
но за шобомѣ, Отче мой! шы ѣешь мое лю-
без-

Брата кровь, пакъ могу ли я штогодъ про-
шавъ гласа моего сердца? Сафіро! Сафіро! о
я осеѣямъ, веѣь скоро те се и самномъ со-
вершиши, шо су садъ надежде, кое су насъ
шако сіяшелоно ослаблявале.

Сафіра. Али зашто да мы нами пред-
спавлямо шакова изображенія, а наша сердца
не отворимо къ сладкой надежди? Фауръ за
мало дана доѣиѣе напредъ предъ великимъ
числомъ своего воинства, иѣгова Браѣя хоѣе-
ду му іошпъ выше народа на помоѣь дове-
сти, иѣгово пришествіе естѣ Хелме Брачно
Торжество, и первый степенъ къ нашему
возвышенію, и премъ да Тауръ храбра наша
мышца и фалити буде, зато опетъ могла
бы казати; да е шо добро произишло, што
е оваѣ Тауръ погинуо; ербо е погинуо швой
крѣпчайшій солюбовникъ.

Салмо. То е истина, у будуще морали
бы се за грабежомъ борити. (Хелма ступи)

Сафіра. Онъ те садъ самъ швой быти.

Хелма. Што е съ моимъ любезнымъ ро-
дителѣмъ? ели неспокойство изчезнуло, кое
е на швомъ сердцу лежало?

Салмо. Діете, ты иѣгового источника
не знашь. Ахъ! докле самъ годъ я кодъ васъ,
быѣе ми све лагше.

Хелма. Но, зато ты морашъ свагда кодъ
насъ оспати, я не опступамъ выше отъ
тебе, Опче мой! како самъ радостна, кадъ
те веселогъ видимъ, и премъ да нисамъ
знала узрокъ швое скорби, шо опетъ она е
была источникъ мой навеѣи смущенія.

Салмо. Благодаримъ ти Хелма за швою
дѣшску любовь.

Хелма. О она е мени тако слачка, да я изгубленіе твое преживити не бы могла.

Сафіра. Діште, опоменисе ты на твогъ Фаѳура.

Хелма. Я васъ обое нѣжно любимъ, Мамице!

Салмо. А любишь ли ты нѣга іоштъ выше?

Хелма. Отче, кадъ си ты мене премѣняему видіо? ова любовь есть тако шверда у мени, да она само съ моимъ сердцемъ изъ овы персію изчупатисе може. Я сама свезала мое сердце са сердцемъ могъ Любовника тако крѣпко, да, ако едно погине, и друго умреши мора.

Салмо. То е право кѣри моя! и знай, да у кратко време быће твой Фаѳуръ овде, и тебе онда како супругъ загрлиши буде.

Сафіра. Онъ иде съ однимъ освобождашлымъ воинствомъ. Еспь, мы га іоштъ данась чекамо, али гледай тамо, какавъ прашный облакъ тамо изъ шуме подижесе... За Бога! я видимъ оружія сіяюћа. —

Салмо. Оно е самъ Фаѳуръ, кой тамо вооружанно предходи!

Хелма. Фаѳуръ! онъ е! онъ е!

Салмо. Еспь, тако ми имена могъ, шо су наши войницы. Ходите, да идемо пред ны! (они иду имъ на сретение)

СПАВАЋЈА СОБА ФРЕДНА У ІСТАХИ.

Іоштъ зора видисе, коя крозь свилене завѣсе проницава, Фредны на постели намештенъ дрема. Лунара седи покрай нѣга пакъ удара у кѳшару. Садъ, кадъ е она примѣшила,
да

да е Старый заслао, она метну Кушару на страпу. На нѣномъ крылу оплочива малый Надиръ.

Лунара. Садъ е заспао, добрый Отацъ, а ты Бюши мой малый играчу; Кадъ бы си ты Боже мой, и у мое перси тако хитро упокоеніе уліо, како што си на ове трудне очи санъ нанео. Како онъ садъ тако добро спава, Любвеполный Старый, ово мирно лице, овай крошкій посмѣхъ! (она полюби га тихо у чело) О Отче могъ Иррегеса! лети ли садъ къ теби изображеніе твоего Любезного сына? — Ербо овай благій посмѣхъ разширесе по твоемъ лицу — не видишь ли ты нѣга могъ сладчайшегъ? ахъ! кадъ га буду опетъ видиши? кадъ бу га опетъ у обаятія моя дочекаши? заръ помрачавасе твое лице? — О како се оно на сожаленіе преобратило! — О Боже! —

Фредный. (пробуѣенъ, гледа страховито около себе, и опази Лунару) А заръ ты ниси кодъ нѣга Лунаро?

Лунара. Твой санъ данась естъ тако немиранъ, любезнѣйшій Отче!

Фредный. Ты имашь право, мой санъ естъ немиранъ и кракакъ, и само твоемъ любвеполномъ труду благодарити имамъ. А ты заръ ниси спавала Лунаро? Иди, ты ослаблявашь тебе.

Лунара. Не драгій Отче! мени е весма добро.

Фредный. А ели малый Надиръ спавао?

Лунара. (полюби га тихо) Онъ ніе хотео: него радо быва кодъ тебе, и кодъ свое матере.

Фредный. Опешъ зашто благо мени! да васъ я около мене видимъ! Ахъ! садъ же се опешъ мое сердце ушъшити. — Богъ Всеблагій да васъ благослови за Любовь ону, кою вы мени спаромъ Човеку указываете. (сѣ воздвигнушымъ рукама) О Боже! само нѣга, само нѣга, дай ми юшътъ еданъ пушъ жива. (онъ плаче)

Лунара. (брише свое сузе) Не плачи, Любезный Отче! знашь, да ти е лѣкаръ казао, да жешь стѣпъ очю свои изгубити, ако плакаши будешъ?

Фредный. Я ошущавамъ веѣъ, како мене скоро свако чувство отбѣгава, него само да е мени нѣга видити, после не бы браю таки ослепити. Ахъ! имао самъ ужасанъ санъ: мени се чиняше, како да бы моя душа на Полю Елизейскомъ была. Тамо видю самъ све сѣнке мои усопши праотаца, родоначалника и пріяшеля кѣ мени идуѣе, само една сѣнка отбѣже ми, и за нѣомъ после отбѣгоше све. Я познадо могъ Таура, и я не знадо, зашто се онъ отъ моегогъ ужасаваше лица. Гди е Салмо? запыта га я, онъ ми отговори: Онъ же таки скоро овамо доѣи; обаче шамо е еданъ другій, кой те веѣъ очекива. Я одо и види могъ Иррегеса.

Лунара. О Небо! какво нещастно предзнаменованіе!

Фредный. Я самъ се радовао, али абіе пробудюсамъсе, и види тебе живу, а нѣга кодъ тебе нема. — Слушай! какавъ е то гласъ?

Лунара. Я не знамъ, Отче мой! —

Фредный. А зашто плачешъ?

Лунара. Ахъ! прискорбно естъ сердце мое! (она поче гласно плакати)

Фредный. Буди на миру драга Лунаро! хоће юшшѣ све добро быти. Али за волю Божию! я чуемъ одну мершвачку Музіку!

Надиръ. (пробудисе) Маши! маши! како-ва е то жалостна музіка?

Лунара. (пригрли га къ себи) Ходи овамо, діеше. Я предчувствуемъ ужасна. Ходи овамо, докле ме ніе духъ мой оставію.

Враша опворусе, многи Велможи, Князи и Пратиоцы сшуле унутра съ долу оборенными главама. Една жалостна Музіка. Манухаръ съ урномъ, коя е съ чернымъ Шларомъ локривенна, а онъ отъ главе до ногу у черно завіенъ, на Аспрофіла наслонънъ, сшули унутра. Фредный кадъ види укочисе отъ страха. — Манухаръ приближисе, клекне доле, сбацы Шларъ на прагъ, и преддержи предъ Отцемъ Урну. — Отпочивашелная.

Фредный. (съ разширеннымъ рукама) Еси ли ты мой Манухаръ?

Манухаръ. Сирота безъ Отца, Несчастный Отмасшитель!

Лунара. (ужасно виче) О мое предчувствованіе естъ истинно! (она паде безсилно у обаяніа околостоещи у изумленіе, кои после прихвате ю)

Фредный. Отмасшитель, кому? шта самъ ти я учинію?

Манухаръ. Отмашеніе, Отмашеніе, Отмашеніе! ты си безъ сынова, а што ихъ выше узбуде, то хоћу ихъ я испребити отъ земли живыхъ.

Фредный. Ты? ты? мою децу?

Манухарь. Таурь отъ мене е пао мершавъ, зашто е онъ быо убійца; а и Салмо хоће пасши, зашто е онъ другій.

Фредный. Но, зато я опешъ имамъ другогъ, кой мое сердце обдержава.

Манухарь. (плачевно) Ахъ немашь! они су швогъ Иррегеса убили. Овде е нѣговъ пепео.

Фредный. Ахъ мой сыне! заръ су га убили? а зашто и мене ни су? дакле садъ я неймамъ выше деце? отъ при сына ни едногъ выше? ахъ то е страшно. Ели мой Иррегесъ мершавъ? дѣйствително мершавъ?

Манухарь. Ахъ! увы мени, мой родитель естъ мершавъ. Гледай, то су нѣгова Браѣя учинила.

Фредный. (скочи) Идемъ, идемъ. Гди е мой гробъ? шамо у нѣга положите ме, пакъ ме закопайте жива. Три сына, а садъ никаквогъ выше? О ты несчастный гласу! (онъ ухвати крѣпко Манухара) Човече, я ѣу те удавиши, ако ты швою лажъ напругъ не отузмешь! Ахъ Манухаре, Манухаре! возврати ми мое сынове. Имай сожаленіе о моіой старости! гледай, я тебе съ воздвигнутымъ рукама молимъ; кажи само, да мой сынъ живи! превари ме, и кажи само, да мои сыновы никаквы Злодѣи нису были. Не можешь ли то? дакле морашъ ѣютиши? ахъ то е ужасно! Садъ дакле распаднисе мое сердце, а вы сузе погасише свѣтлостъ очію мои! Овде я стоимъ предъ тобомъ Боже, и тебе зовемъ, шпо си отъ мене учиніо? Мене старогъ Мужа естъ судьбина съ najveћима казнима наказала; она ме е іоштъ при концу гроба безъ деце учинила. — Гди су садъ моя при сына

МОЯ

моя гордость, моя надежда? О увы мени, мое сердце умире. Дето, дето! али не тако! я самъ безъ дѣце, я не треба выше ово сладостно да именуемъ име, и Опца име было бы ми проклето.

Надиръ. О Опче, зашто тако плачешь? гледай само мою сиропу матерь овде?

Фредный. Діете, у овой Урни лежи пепель Опца твогъ. (приписну га къ сердцу свомъ)

Надиръ. (отерча къ Лунари) Мати, Мати! што се дакле приключило момъ родителю?

Лунара. (неутѣшима) Нащастно діете, твой родитель естъ мершавъ, а мы смо во вѣки нещастны.

Надиръ. (плачући) Мой сирома родитель! Дакле зарь неѣю га никадъ выше видиши? Любезна Мати, не плачи тако здраво! зашто и я морамъ съ тобомъ заедно плакати.

Фредный. Лунаро, дечице моя! мое сердце умире. (онъ паде у обумиране)

Астрофилъ. (пріими старогъ Краля у своя обаятія, кой свою главу на перси Священника наслонію баше, и почеше му сузе безчисленно падаши доле)

Надиръ. (носи плачевно урну къ Лунари) О пріими ово Мати! овде, сказую, лежи пепель костію родителя могъ — ахъ! ово ты морашь мени сохраниши, и дневно хотѣу кодъ нѣга плакати, и на могъ сиромаха родителя мыслиши!

Лунара. (приписну дете жестоко къ своимъ персима) О Небо! дозволи намъ умерети, мы смо безъ утѣхе и помоћи.

Манухарь. (скопча свою руку около Лунаре, пакъ подигне съ другомъ малогъ Надира горе на свое перси) Ушѣшавайсе ты Лунаро! я ѣу быши твоя Хранишель — теби, Надиръ твоя Ошца, а ты уврежденна Персіо! твоимъ врагомъ страшный отмаспитель. Сви околоспоеѣи стою и горко плачу.

Г А Л Л Е Р І А У Ф О Р И.

Есть ноѣ, Месечина, Манухарь прелазит преко лѣспвице крозъ прозоръ унутра.

Пошайно доѣо я овамо крозъ мое непріятелѣ, — како жестоко у мени мое сердце кудя, кадъ самъ я опешѣ на оно исто место дошао, ахѣ, гди самъ преѣе мою тишину оставіо быо! — Овде самъ видіо Любовницу могъ сердца, овде говоріо самъ съ ніомъ у мрачной ноѣи; овде избавіо самъ могъ Ошца — овде е погинуо, и шакоѣерь Сігарь паде овде. О какова ошущенія при увходу овогъ шрепетногъ меспа морала су душу мою мучили! — и — ели доспойно, да се я самъ опѣ овы признанія срамошили морамъ, да измежду скорби, свирѣпства, жалоспи и правогъ опмашенія само едина любовь тако гласно — тако гласно у персима моима говори? — Вы люди, кои садъ около овогъ шужногъ лежите града, когъ супрашный данъ самномъ нѣгове спѣне рушити будете! бы ли сте могли знати, гди е садъ вашъ полковникъ и Глава? У средини свои Непрїятеля, гди свою Любу очекива, да съ ніомъ говори — — Она овуда мора у нѣну собу проѣи. Ты Месече, сакрыйсе, да она мое сузе видити не може! Свирѣпа! хоѣешь ли ты мене овде из-

даши? — Я самъ савъ у вашей власти. — О ты мерзска мысле! не, Хелма неће ниши може по чиниши. — Я чуемъ нѣкій входъ Любе, Любе! како си прискорбна моему сердцу! Она с. —

Хелма. (доће полагаю и замышлѣно)

Манухарь. (тихо) Блага Хелмо!

Хелма. (поплашисе мало) Тко мене по зове? —

Манухарь. Не спрашисе Хелмо! за Любовь Божию! я нисамъ отъ оны, кои теби какво зло желе.

Хелма. Зашто се ты тако окрећешь, да ти Месечина у лице свеплиши не може? Шпа иштешь ты отъ мене?

Манухарь. О Хелма, тебе юшть еданъ пущь, а може быти и последний пущь видиши, мою болѣзнь чрезъ швою свирѣпость умножиши, тебе любезна Непрїателице сохраниши.

Хелма. Ха, та ты си Манухарь!

Манухарь. (падне на колена) Нещастный, кои отъ швогъ взора свою пишину изгубю есть, и свакой посмѣи радости на горесть прешворюмисе. ЕСТЬ, Хелма я питамъ любовь у мени, коя е тако непобѣдима, како швоя швердосць. Ахъ како свирѣпо гони мене судьбина, да самъ у кратко време све изгубю! Санъ, Тишину и Радосць, а шосу вещи, кое я при мени никогда выше имаши не могу. Гледай како я предъ тобомъ стоимъ, и тако самъ Нещастанъ, да я разрѣшеніе мои костю, како найболѣ благодаріе Неба радъ бы самъ веѣ еданъ пущь видиши —

Хелма. Манухарь, како я тебе сожалуемъ, и како ты мене съ швоима попреканіяма мучишь.

Манухарь. О не мучимъ, Хелма, ни-самъ я дошао овамо теби какова попреканія чиниши, него момъ сердцу оплагшаши. Кога я имамъ, кому се испужиши могу. Хелма, драга Хелма! пріими мою тужбу къ теби, и ако ты мени никакву Любовь рада ниси указаши, а ты ми дай баремъ утѣшеніе. — —

Хелма. Кадъ бы я то могла, я бы что съ радостію учинила, ходи овамо Манухаре, дай ми твою руку! я тебе заклинѣмъ, предай твое сердце къ тишини! не пусси скорби по твомъ свирѣпствовати сердцу! — заборава ме — — —

Манухарь. О Хелмо — Хелмо! я тебе любимъ неописанно.

Хелма. Я несчастна! да покой овогъ Човека нарушиши морамъ, а помоги му не могу — о! како мучишелна мора она безнадежна любовь быши! Любезный Манухаре, я тебе сожалуемъ, ты силомъ вежешь твомъ сердцу жестоко сожаленіе —

Манухарь. Ты уздишешь! ради мене теку теби сузе изъ твои прелепы очію! Хелма, допусти ми равно и мое скорбне сузе на твое излиши перси! (онъ наслони свою глави на нѣне перси. — отпочивашелная)

Хелма. Доста си плакао, Манухаре, садъ треба и на распанокъ мыслиши.

Манухарь. Ахъ, како ми е добро было, овай — овай е преблаженный часъ могъ живоша: я самъ га купіо съ опасностію живоша могъ. Тысяща непріятелски мечева преѣше ми пупъ. Хелма! Месецъ исчезава; мы се расстаемо садъ, ахъ како прешежко ово раздѣленіе пада ми на мое сердце, заръ дакле неѣмо се выше никадъ видиши? ни-кадъ?

кадъ? О Боже! — Садъ морамъ мое Боже-
ство опейлъ оставити, и вращити се паки къ
моимъ спраданіямъ. Ты си была тако добра
къ мени, да се я никадъ надапи небы могао:
я ѣу се на овай часъ во вѣки опоминати.

Хелма. Есть, Манухаре, опомени се на
нѣга и развесели себе! ниши ме не именуи
Свирѣпомъ, зашто имамъ о теби сожаленіе.

Манухаръ. А будели се оно на любовь
преобратило?

Хелма. Никадъ, Манухаре! Не закосня-
вай дуже; помысли; да е мой Отацъ швой
Непріятель. —

Манухаръ. О швой Отацъ есть убій-
ца моего?

Хелма. А зашто ме садъ мучишь?

Манухаръ. Не, Хелма, ты тому
узрокъ ниси; еданъ погледъ на себе осла-
блява мой гнѣвъ, и я скоро долазимъ како кро-
вожаждущій опмасшитель, зашо воспоминаніе
овогъ сладчайшегъ часа буде отъ тебе сваку
опасность опвратиши —

Хелма. Ты долазишь како кровожажду-
щій Опмасшитель? шшо я дакле друго опъ
тебе ожидавати имамъ, него ли Нещастіе?
Манухаре! Манухаре! може быти, ты ѣешь
на моіой погибели швою шишину основати.

Манухаръ. О шрепетоужасна мысль!
како бы шо могао я? заръ ніе швоя любовь
къ мени крѣпчія отъ моего опмашенія? Есть,
любезна Хелмо, я морамъ ове обе спрасити слѣ-
довати, къ опмашенію принуждава ме смерть
могъ Ошца; мои Народи гору у великой яро-
сти за вашомъ погибелію; и я сутра напа-
дамъ съ мечемъ и пламеномъ на васъ, о
Хелмо! я ѣу тебе на моима рукама изъ раз-
оре-

орсиія изнепти , и твое сердце , може быти , даће іоштѣ моего утѣха быти. Или , хо-
дѣшь ли ты овой судьбины препятствовати? —
Садѣ добро Хелма! дай мене моимѣ непріятеле-
лѣмѣ и смертizza цѣну , и дай мени каѣписе
за опасность , у коіой се я садѣ находимѣ ,
зашто самъ я Непріятель твогѣ дома , само
за видиши тебе , тебе отбраниши —

Хелма. Не хвали сѣ овымѣ Величе-
ствомѣ твою Любовь! ниши е мое челоуѣко-
пріятелско чувство тако велико , да я тебе
познаемѣ , како Непріятеля , кои сутра може
быти погибель на насѣ нанети буде — пакѣ
да я тому мое сузе поклонимѣ? Издаши те не-
дѣе Хелма. Иди , бежи , — ты свирѣпый , кой
вѣдѣ смерть моихѣ Любовника кѣ сердцу при-
носишь! Я бы самъ могла све насѣ чрезѣ те-
бе спасти; али я неѣю Манухаре! тако не-
благодарно Хелма не може поступати: али
опетѣ знай , да ты чрезѣ животѣ едногѣ
отѣ мои Любовника , кога си ты отѣ мене
отпергнуо , такоѣерѣ конецѣ живота могѣ
пресеѣи будешь; естѣ , и ты зарѣ мыслишь
мене скорбну и сваке радости лишену кѣ
любви приволети? я се ужасавамѣ отѣ тако-
ве мысли , и ты іоште не познаешь мой духѣ;
я могу умрети , а никаквы сужны окоуа носиши.

Манухарѣ. Не любезна , мое сердце буде се
твоимѣ покорити. Садѣ е послѣдний часѣ раз-
дѣленія! — Да се разстанемо Хелма , за
опетѣ скоро се видиши , истина сѣ кравы-
ма халинама , обаче сѣ любовнымѣ сердцама:
и онда буду предѣ твое ноге пасти и сѣ про-
шеніемѣ твое сердце возбудиши!

Хелма. Престани , Манухаре! Гледай ,
Хелме духѣ не покоравасе страхемѣ сѣѣта ,

о што едан пупъ моя рекну усна, то мое сердце держи. Видишь ли овай ножъ! онъ буде Хелми живопъ окончати, ако ты нѣно нещасіе будешь ко концу и привести. — Садъ иди, остави ме! мое сердце могло бы за тебе престати говорити! —

Мунухаръ. (загерли ю и силомъ полюби у уста) Хелма, опоменисе овогъ часа! — Скоро хемо се опетъ видиши. (онъ побегне)

Хелма. Да, хоѹу се опоменути, и хоѹешь ли ты судьбино отъ мене све — све опшергнути, тако херъ и мой живопъ? Шта бы мени выше остало, него ли свирѣпость противъ мене саме?

Салмо и Фаѹуръ стуле съ Вооружаны.

Салмо. Мы се морамо храбро держати. Фаѹуре! неприятелска войска есть крѣпка, и гори отъ ярости.

Фаѹуръ. Мечевы Туркестанскіи хоѹеду ю оладиши.

Салмо. Хей! гледай твою Хелму.

Хелма. (паде у обаятія Фаѹура) О мой Фаѹуре! хоѹу ли те опетъ скоро видиши?

Фаѹуръ. Скоро, и юшпѣ како Побѣдителя и супруга.

Салмо. Не треба време губити! Хелма, здравствуй! дай ми едно цѣлованіе — како да бы оно последнѣ было!

Хелма. О Боже мой! О Отче мой!

Салмо. Ако мы насъ тако выше не видимо, или у сужны оковы —

Фаѹуръ. Хе! заръ ако бы твое жертвоприношеніе за цѣну искупленія вмѣсто мене чинило?

Хелма. Отче! Фаѹуре! я могу умерши.

Фа-

Фаѳурь. Можешь, ако ты чрезъ нашу смерть къ никакой вѣрности выше свезана не будешь!

Хелма. И онда —

Фаѳурь. Закуни ми се твоимъ любовію къ мени!

Салмо. Закуни ми се, никадъ — никадъ съ наши непріятели любовь имати, преѣе смерть избрати, него ли живомъ после твогъ уничтоженія имати.

Хелма. Преѣе смерть, я вамъ се любовію моимъ заклинѣмъ! преѣе смерть!

Салмо. (полюби ю сердечно) Садъ пребуди ми здрава, кѣри моя. И иди къ Сафѣри.

Фаѳурь. (загри ю) Здравствуй Хелмо, и опоменисе на мене!

Хелма. (удалисе печално)

Салмо. (къ Фаѳуру) Ты иди онамо на десно, а я овамо на лево: держитесе сви храбро! овде може быти, да ѣе скоро кровь пошеѣи; (на страни) и Опмасшители на мою главу напасши.

Они се рукою и раздѣле са своимъ людемъ. — Садъ царствуе долга тишина, само чрезъ восхожденіе и нисхожденіе страже што се мало нарушава миръ. — Садъ дакле засвѣпли зора, — пакъ издалека чуесе ларма: Непрѣятель, Непрѣятель.

Схоро за шумъ чуесе шумъ боренія, кои се по мало приближава. Вооружаны шерче тамо и овамо. Возмущеніе бѣва све жесточе. Нѣкѣи Туркестани бѣжу коекудъ. Чуесе, да бореніе све ближе долази, а воиницы Салмовы отбѣгаваю.

Сафѣра съ расплешеныма косама побегне унушра. Еданъ Туркестанъ шерчи за нѣомъ.

Сафіра. Слуго, како е тамо?

Слуга. А како е. Све е изгублѣнно. Фаеуръ паде отъ самогъ Манухара доле. Оба два борилисусе како два Лава: веѣъ бѣше Манухара щитъ по полакъ пресеченъ, али еданъ проклешый ударацъ обори Фаеура доле, наши люди не могу выше одолѣти нѣовой яроспи.

Сафіра. О дакле се судбина къ нашей погибели приуготовила. Гди се бори Салмо?

Слуга. Тамо на левой капи: само нѣшпо мало наши Туркестани шпо одолѣваю. А Салмова войска сва лежи на земли пошучена; и самъ онъ пао е на землю, обаче мыслимъ, да нѣе никакву рану юшпъ на свомъ шѣлу добыю.

Сафіра. Све е веѣъ пропало, и мене свирѣпо бѣшенство до смерти шерзати буде. Я васъ оставлямъ вы зидовы, а вашимъ побѣдшелѣмъ оставлямъ мою страшну кляшву.

Слуга. А кудъ бежишь ты Госпоіо?

Сафіра. Идемъ, идемъ у Дувійску пустыню, у свирѣпству шугре превосходиши. (она побѣгне)

Слуга. Иди, ты звѣрска жено! безъ тебе могли бы у Турану на миру безъ рана остати. (онъ удалисе на другу страну)

Смущеніе садъ найстрашніе бѣва, непріятели су веѣъ близу, и пламень свирѣлствуе у граду.

Хелма скочи унутра.

Ахъ гди ѣу се сакрыши? кудъ ѣу отъ смерти побѣѣи? — Манухаре, Манухаре! зрѣшпо ты чинишь? — Слушай, страшна смертна восклицанія и гласе! Ахъ! нѣе ли шпо было гласъ могъ Фаеура? Нѣе ли онъ тако смерт-
ный

ный гласъ изъ себе испустію? О, о! какво ужасно еспь мое положеніе. — Пламень свирѣпсвуваетъ, непріятели нападаю. — О бацыте ме доле, пакъ убите ме на шѣлу Фаѳура!

Побѣдители Перси дощере унутра.

Еданъ. Овде е іоштѣ еданъ останокъ непріятеля, убій га!

Хелма. (падне на колена)

Манухаръ. (хитро устремисе) Стани! Стани! (онъ попрчи къ Хелми пакъ подигне ю горе) Небойсе, кадъ те я сохранявамъ!

Хелма. Манухаре, ты си свирѣпъ (она наслонисе на нѣга) О Боже! шта я садъ видимъ! та ты носишь Фаѳуровъ щипъ?

Манухаръ. Туркестанъ разби мой; зато дакле морао самъ нѣговъ узети, кадъ га е мой мечъ доле оборію.

Хелма. Ахъ Фаѳуре, мой Фаѳуре! (она у обумираніе са свимъ падне)

Манухаръ. Хелма! — О Боже, она умире! (онъ сбацы свое оружіе са себе и падне на ню: Нѣговы люди спану све на около, пакъ после обое узму, те ихъ опнесу на безопасно место)

ОТВОРЕНЪ ШАТОРЪ МАНУХАРА.

У шашору наоколо стое Кнази, Велможи и Полководцы Персійски Народа подъ ніовымъ оружіемъ, а на полю у наоколо войныцы. — Богато обучени раби держе златна кадла съ благовонными уханіями. Манухаръ самъ седи на едномъ возвышенномъ мѣсту. Емо шавно тяжкосердіе видисе на нѣговомъ образу. — Войницы лѣваю побѣдную лѣснь, а гласъ во-

инственне музіхе слѣдуе ихъ. Оны су веѣь о-
кончали свою Пѣснь, и Князи вичу велегласно:

Благословенъ буди нашъ новый Царь Ма-
нухарь!

Кою вику слешъ Войницы ловшоре.

Манухарь, (сѣе са свогъ места доле)
Не, о Вы Князи! — Ову присягу вѣрности и
милость не могу прѣимити. — Зашто хоѣе-
те вы мое сердце съ единымъ шаквымъ Вели-
чествомъ да возвысите, кое оно поднеши не
може? — Измеѣю васъ я идемъ и шражимъ
мени мое прибѣжище, я не могу веѣий отъ
васъ быти, мой духъ нѣе веѣий отъ вашегъ.

Князи. Ты морашъ нашъ Царь быти!
Тко ѣе надъ нами отъ племена Фредна вла-
даши, него ты? ербо храбросшь возвышава
шебе, и швое Любве полно сердце чини шебе
намъ нашегъ достойногъ Цара.

Манухарь. (у себи) Како ѣу я ово Ве-
личество на себе прѣимити. — Юшшъ еданъ
пушъ вы Князи! допустите ми измеѣю васъ
быти, а не предъ вами стояти. Избирайте
измеѣю васъ едногъ достойногъ Наслѣдника
за Персію и могъ великодушногъ Опца.

Князи. Ты си великодушанъ и добаръ,
како годъ и онъ, мы у нашемъ избранію не
бы смо были согласны, а и Величество Пер-
сіе разорилобысе.

Сви. Да здравствуешъ Царь Манухарь!

Манухарь. Дакле добро, тако да при-
бѣгнемо перво къ моемъ дѣду, ако онъ ва-
ше за мене тако благопоспѣшно желаніе бла-
гослови, онда буду съ вашомъ помощію шежку
носити Круну. Обаче безъ благословенія Фред-
на хоѣу лежду тимъ само вашъ Вождь остати.

Князи. Благо намъ! ово дѣшско понниже-
ніе быѣе за насъ благословеніе.

Сви. Благословенъ, благословенъ! буди щедрый и милосливый Манухарь!

Еданъ отъ Князей. Нека се приведу сужни, пакъ имъ суди.

Манухарь. (полнесе на свое место)

Вооружаны воде заробѣтне Туркестане и Войнике Салма. Они сви лоладаю на своя лица.

Манухарь. Вы неблагодарни, невѣр- ни Персіаны! измежду вашегъ малогъ числа ни едного не видимъ, кога не бы познавао, да нѣе нѣгда Благодѣянїя отъ Фредна при- мао. Пакъ вы сте могли на нѣга скверне ру- ке ваше дигнути? Есть, пакъ вы юшпѣ браните грѣхъ? — Заръ то могу Перси чи- нити? Могу ли Перси лажну учинити кля- пву? Садъ е пало на васъ праведно отмаше- нїе, и вашъ животъ стои у моей руцы. — Я не будемъ се праведанъ именовати, яко не бы и я вашу пролю кровь?

Выше ихъ. Дай ихъ испребити.

Манухарь. А вы люди отъ Турана, кои сте наше Царство непрїателскимъ напали мечемъ безъ да е васъ еданъ шкогодь отъ насъ увредю — вы Чужестранныи, вы Нару- шители мира!

Сви. Погуби ихъ, погуби ихъ!

Манухарь. Не, я вамъ свимъ пращамъ!

Туркестани скоче горе ужасно и радостно. Обаче Персіани покрыю срамотно свое лице.

Манухарь. Идите отъ оудъ съ шѣ- ломъ вашегъ Вожда, пакъ кажите вашей бра- тѣ: Перси казне скоро грѣхъ и пращаю Пре- вареннымъ. — А вы Персіани, на коихъ ли- цу я садъ веѣ посрамленїе видимъ, врати- шесе къ вашимъ домовинамъ. Будите добро-

дѣшелни и загладите съ овимъ учинѣ-
ный грѣхъ съ вашего сердца. Узмине та-
коѣрь и увѣреніе съобомъ, да я упорне зло-
дѣе съ моимъ опмашеніемъ гониши, а Пока-
яшелѣмъ мое сердце всегда отвориши будемъ.

Войницы вичу радостно.

Едны отъ нихъ. Ево овде воде и Сал-
ма Убийцу!

Манухарь. Ха! зарь е юштѣ живѣ?
О всесилно Опмашеніе распали садъ мое перси,
а ты, мое сердце буди крѣпко при нѣговой
смерти.

Салмо. Кудъ ме вучете тамо, вы про-
клетши Пси? — Хоѣете ли самномъ у Ко-
медии роллу вашу играши?

Выше. Отъ страха смертногъ сакрыо-
се меѣю мертва тѣлеса.

Манухарь. (презирашело) Страхъ есть
спушешественикъ грѣха.

Салмо. Манухаре! шта иштешъ ты отъ
мене? погази ме у прахъ пакъ ме уничпожи,
я выше не могу ово уничижаемо положеніе
гледати, швоя кровь пролази крозъ мое
сердце, и струе га, да оно све за швоіомъ
пагубомъ тежи. Враждебна отрасль оногъ Ир-
регеса, кой е отъ мое руке пао! ты побѣ-
ждавашъ мене, а я швою проклинѣмъ побѣду!
— Погледай на полѣ на мое разоренно обита-
лище, и на мене, како си ме бѣдна и нещас-
на учиню. Гди е мое све? у гробу; дакле
уби и мене! кадъ се не могу да возвеличимъ,
а оно баремъ да умремъ. — Хе! я осеѣямъ,
како кровь, кою самъ излію за опмашеніе, те-
жи; я знамъ да мое братоубійство опетъ съ
братоубійствомъ наградишесе мора; — я
стоимъ овде, и упоранъ показуемсе къ смерш-

нымъ мукамъ, кое мое шѣло напасши буду. Сакруши ме на землю, раздроби ми ову главу, пакъ исчупайми ово кровожаждуще сердце изъ мой персію. Оно не буде преѣе прешпати свирѣпствовати, докле се годъ не сконча.

Манухарь. (кои му често хопяше рѣчь пресѣни, выше се не могаше зауставити) Дакле садъ, ты сѣне могъ Отца, даруй крѣпость моіой мышци, а ты Всемогуще опмашеніе сокруши овогъ злодѣя. Онъ иде онъ иде на тебе Брашоубійца! Опмашитель убиенногъ Иррегеса! (онъ скочи доле, пакъ прободе Салма ножемъ)

Салмо. (у паданю) Иррегесъ! пивоя кровь пада на мене. — Тауре, я идемъ за шобомъ! (онъ умре)

Манухарь. (подигне кровавъ ножъ у высину) Садъ опходи опъ могъ сердца Опмашеніе Опчее! — — Ты любезна сѣне, помири тебе паки съ духомъ швогъ Убийце.

ПРЕДНЯ СОБА У ЦАРСКОЙ ПАЛАТИ У ІСТАХИ.

Выше Дворяна иду горе и доле. Лѣкаръ такожеръ доѣе изъ Цареве собе.

Первый Дворянинъ. Но, садъ како е съ Фредномъ?

Лѣкаръ. Онъ е предуготовлѣнъ. Мы смо га извѣстили о смерти нѣвогъ послѣднѣгъ сына, а онъ се веѣь садъ предао судьбини Божіой.

Другій Дворянинъ. Сирома спарацъ! То мора весма спрашно быти, при концу гроба безъ деце ошати, пакъ іоштъ на
шако-

таковий начинъ. — А како му се свѣтлостъ очю нѣговы указуе?

Лѣкаръ. Она е скоро са свимъ исчезнула, едва може видити свѣтлостъ сунца. Ово чувство есть понайвыше ослабило нѣгову старость, а тяжкосердіе, кое му е толике многочисленне сузе издѣвало, есть га са свимъ привело у немошь. За волю Божию, мене га е жао!

Третьй Дворянинъ. И свимъ намъ заиста; равно и о Лунари ощущавамо велико сожаленіе.

Лѣкаръ. Мени се она чини са свимъ порушенна и ово нѣно страшно тяжкосердіе тяжело и тяжело преболѣти буде.

Первый Дворянинъ. То малый Надиръ быо бы весьма рано лишенъ свои родителю.

Лѣкаръ. Есть добро: али Манухаръ буде место Опца кодъ нѣга и кодъ насъ на слѣдити.

Выше. То мы желимо. Ха! онъ приближавасе.

Другой Дворянинъ. Айдемо предъ нѣга на срененіе, и да му наше униженіе покажемо.

Лѣкаръ. А я опетъ идемъ кодъ старогъ Краля на страни быти. (сви оду)

ЦАРСКА СОБА.

Фредный отпочива на одномъ нижемъ Престолу. Лунара у черно обученна, на нѣной руцѣ Надиръ, и Лѣкаръ стои лохраи нѣга на одной страни; а Астрофилъ на другой. Чуесе у рогъ свирани и радостна Восклищанія. —

Да

Да здравствуетъ Манухарь!

Фредный. Зашто выче Народъ тако здраво? шпа е тамо доле у вароши? каква е буна?

Лѣкаръ. Войници съ побѣдомъ долазу.

Астрофѣлъ. Богъ е дао крѣпость новымъ мышцама а остропу новымъ мечевомъ.

Фредный. А кога су они побѣдили?

Лѣкаръ. Туркестане.

Фредный. Я се едва опоминѣмъ. Тко е Персе водю? Иррегесъ?

Астрофѣлъ. Твой Манухарь!

Фредный. Ты имашь право. Кудъ ми е моя паметь зайшила—могъ Иррегеса веѣъ нема.

Лѣкаръ. (шайно къ Лунари) Я те молимъ, немой тако здраво едати, да га опеть на жалость не возбудимо.

Фредный. Зашто дакле говорите тако пошайно? Я и безъ шога све знамъ. Да е и Салмо погинуо. — шо е была праведна казнь Божія.

Астрофѣлъ. Кояму шакоѣеръ садъ опростиши буде.

Фредный. О хоѣе — ербо е онъ приимю за нѣгова беззаконія веѣъ свою мазду.

Враша отворесе а Манухарь пратисе съ Помломъ.

Манухарь. (при пришествію) О Боже! я самъ овай путъ скорбный Побѣдитель за Фредна. (онъ приближисе къ нѣму и падне на своя колена) Опче Фредный, твой Благословъ!

Фредный. Тко си ты, кой мене за мой Благословъ молишь, и мене іоштъ Опцемъ именуешь?

Манухарь. Гди ти е свѣшлость очію твои, Фредный?

Фредный. Скорбь и сузе за моіомъ децомъ есу ме ослепиле.

Манухарь. Я самъ швой унукъ Манухарь!

Фредный. Манухарь сынъ Иррегеса? Ходи ближе къ мени горе, да могу швое лице опипати, и могъ унука познаши.

Манухарь. Ахъ, какво жалостно пріемленіе!

Фредный. Лице ударасе на лице могъ Иррегеса. Али, кадъ си шы Манухарь и за мой Благословъ просишь, зашто ты долазишь вооружанъ къ мени?

Манухарь. Я долазимъ како побѣдильсель съ войске напрагъ; я самъ швогъ сына Иррегеса осветію.

Фредный. Еси ли ты? дакле ты си? Опако ходи къ момъ сердцу, и приписни ме крѣпко къ себи! (Манухарь паде у нѣгова обьятія: Една оппочивашелная)

Манухарь. А зашто плачешь сшарый Отче?

Фредный. Ниси ли ты швогъ Отца за мою децу осветію?

Манухарь. Зарь Иррегесъ ніе быо швой сынъ?

Фредный. О Боже! они су были сва шри.

Дѣкаръ. Ове речи подижуга на жалость. — Господине, дайсе къ покою привести.

Фредный. Не, я шопрвѣ морамъ могъ Манухара благословиши.

Манухарь падне предъ нимъ на колена.

Фред-

Фредный. Гди ти е глава, Манухаре? (они му мешну руку на нѣгову главу) Я благосилямъ тебе — на тебе самогъ да се изле свака Благодать, кою самъ моимъ шремъ сыновомъ желю, и за ны се Богу молю. . . . Живи долго, мудро, благополучно и задоволено — возвысисе надъ Персіомъ горе како Солнце, и огрей ю лучами швогъ доброгъ сердца, да она плодове Мира и Благополучія принесе. Буди шо, шшо самъ я нѣгда быо — буди мой Наслѣдникъ, Царь и Отецъ могъ Царства!

Непрестанна радостна восклицанія чуюсе чакъ на полѣ по граду.

Фредный. (исправисе горе, подигне руке свое къ небу) И садъ о Боже! садъ прими мое сузе за изгублѣнну мою децу, и мой упружденный духъ!

Астрофилъ. Ходимо садъ у Храмъ, шамо принеси жершву, и Манухара возвысиси, да Персія далъ не остае безъ Отца и Владѣтеля.

Фредный водисе. Сви присутшвующіи слѣдую за нимъ са звукомъ Музіке и радостнымъ восклицаніемъ Народа. Манухарь и Лунара остпану на прагъ.

Манухарь. Моя блага Лунара! мое возвышеніе чини ове люде овде преко начина радостне, а мое сердце терпи жестоко мученіе. Я на мою Хелму іоштѣ нисамъ заборавіо — даніомъ мыслимъ на ню, а ноѣомъ видимъ ю у сну.

Лунара. Ты хоѣешь ю видіти, али како? Сиромаше Младый! у храму гди, она како жершва принетисе буде.

Манухарь. О Боже! шо нѣ быши, докле е годъ Манухарь живъ. Я ѣу ю избави-

вленіе. Ступи дакле ты садъ на престолъ,
сѣ когѣ е твой дѣдъ шако славно сишао.

Манухарь. (подигнесе на престолъ)
Сѣ теплосердечнымъ сердцемъ и душомъ бла-
годаримъ Вамъ іоште еданъ путь за Любовь
вашу свимъ вамъ Священникомъ и Народу, и
я выше не могу чинити, него предъ лицемъ
Божества за крѣпость и силу молиши, за мо-
ѣи васъ свагда на путь добродѣтели изводити.

*Онъ подигне обе руке къ небу — Едно мол-
чаніе*

Сви. (вичу велегласно) Благословенъ бу-
ди! Благословенъ буди Царь и Государь Ма-
нухарь.

Астрофілъ. Наши дни буду благопо-
лучно проходили. Манухарь буде насъ мудр-
ственно владати, и мой духъ предчувствуе,
мѣ бемо у миру и тишини подъ нѣговымъ
владѣніемъ умрети, и Манухарь буде іоште
и наше потомке благополучне учинити. *)

Фредный. Благо мени, Богъ е улю у-
нѣху у мое сердце, садъ веѣ сердечно могу
сжидавати мой последний часъ. Али будуѣи
да мое сузе радости садъ шеку, дакле садъ
нека шеку и сузе жалости за мое нещастне
сынове. Салмово шѣло естъ шо едно, што
іоштѣ овде видимъ. Онъ е за своя дѣла
приміо свою мазду, а я опетѣ поклонямъ
нѣговыми мощима мое скорбное мученіе! Ош-
ведите ме къ нѣму преѣе, него што се
буде шѣло нѣгово огню предати.

*Они га отведу, скину чою сѣ нѣговогъ ли-
ца, и Фредный падне на нѣгово шѣло.*

М 2

Фред-

*) Астрофілъ овде проговарао е пророческиѣ ду-
хомъ; ербо Манухарь владо е сто и двад-
цать година у миру.

Фредный. О сыне мой, Несчастный мой сыне!

Манухарь. (ужасно) О да га нисамь убю! О Боже на небу! да нисамь га убю!

Астрофіль. Священницы! доведише садъ Хелму овамо. Пусшише ю, нека оплаче шѣло свогъ Отца, пакъ после предайте ю казни закона. Будуѣи да она съ Непрїятелѣмъ Царсва союзъ има.

Манухарь. О Боже! садъ само даруй ми крѣпко мужество!

Священницы доведоше Хелму, нѣнь входъ есть дерзновенъ, нѣнь взоръ дубоко шяжкосердіе, нѣне халине сама жалосшь.

Хелма. Кудъ ме водите? къ смерти? Добро, я ю драгосердечно прїмамъ. Есть, я васъ зашо молимъ, зашто шта имамъ выше на овомъ бѣдномъ очекиваши свету.

Астрофіль. Хелма, буди храбрствена. Законъ есть тебе осудю на шо, како и оне друге што су прошивъ Царсва и Отечества дизали руке. Зашо и ты садъ умрешиморашь.

Хелма. (опази шѣло свогъ Отца, бризну изъ гласа плакати, пакъ паде доле на землю)

Манухарь. (похиши съ престола доле. Али после опешъ сеписе, пакъ доѣе къ себи)

Хелма. Ха! та убите ме, убите ме, вы Варвари, дакле и онъ морао е погинути? дакле и онъ морао е ваша жертва быти? — О мой бѣдный Отче! Тко ти е избоо тако дубоке ране у теби? шко ты опузе тако свирѣпо швой живопъ?

Астрофіль. Хелма, швой Отаць е то заслужю, да га е Манухара опмаспителна ударила десница.

Манухрь. (покрыва рукомъ свое лице) О ово општергава мою любве последню надежду!

Хелма. Дакле Манухарь ты? чрезъ тебе ми се све опузело? чрезъ тебе, кой си ми любовь обѣщао? — Ха! како онъ тамо спой, и не сме се усудиши на мене погледаши, онъ, кой е све опъ мене општергнуо — Свирѣпый! — онъ е быо у моіой власпи, и я самъ му два пущь, спасла живощь, а онъ — онъ е пакъ быо тако шуранъ прошивъ мене? и заклео ми се любовію! хоће ли каковъ опмспителный громъ казниши нѣгову лажливу закешву? О Небо! зарь немашь ли ты выше стрели, да овогъ свирѣпогъ Човека казнишь? (она шури Манухара на прагъ, кой се къ нїой приближю быо, пакъ поче горко проливати сузе) Но опетъ я Нещастна, шпо ми ползуе шое опмашченіе? зарь нису ли сви они мертвы, кой су ме наипре тако миловали были? а садъ самъ я сама оспала при краю гроба. (бодрстввенно) Моя нога не шрепши пущь смерти наступиши. Есть любвеполный мой Отче, есть мой драгій Фаѳуре, и я идемъ къ вами. (ослабѣнно) Веѣь моя колена гибкаю, а мои очи пресишу. — О Отче! любезный убїенный Отче, прїими мене тамо къ теби, къ теби! (она падне безсилна, а свещенницы обдержавая е)

Манухарь. (приближисе къ нїой нѣжно) Блага Хелма, удержавай швою скорбь, я самъ чиню, шпо су мое дужности опъ мене изискивале, ублажисе, тебе не буду къ смерти

ши

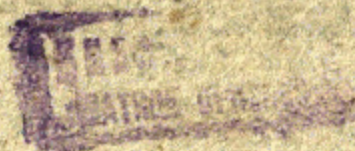
ши водиши, Манухара Власть проливисе овде.
— О пресхани отъ овогъ горкогъ рыданія,
пакъ обрати твое мило сердце къ тишини.
Дай се весела видиши — и о Радосте! — іоштѣ
будешь се и Царицомъ Персійскомъ названи.

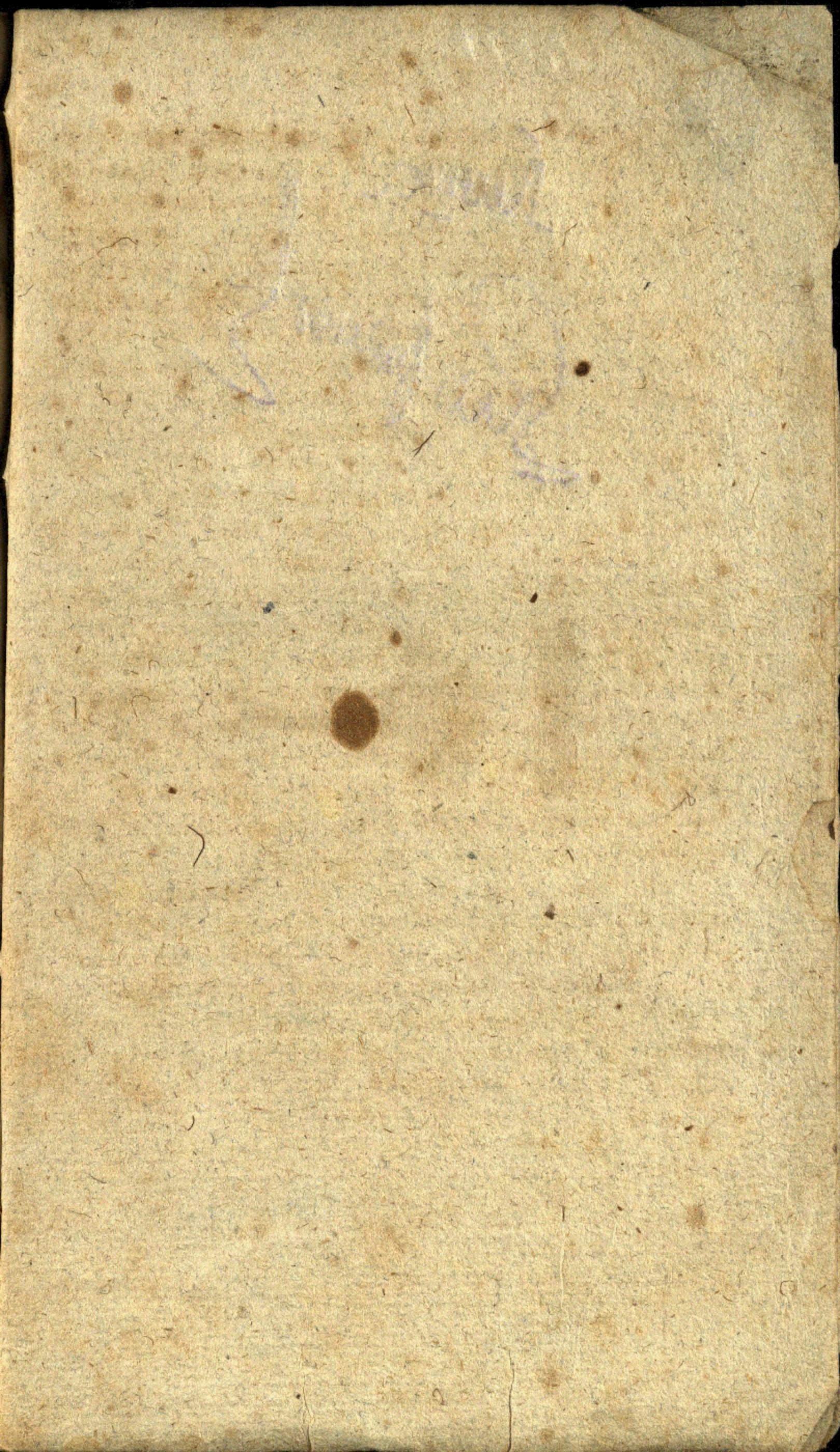
Хелма. (Исправисе горе) Персійска Ца-
рица? и то чрезъ тебе? пакъ неѣсте ме къ
смерти предаши? и то управъ тебе ради?
дакле твоя Манухарь, твоя да будемъ? (о-
на убриса си сузе и поносительно говори) О и
тако умильно осмѣюешь ли се ты на мене до-
ле, мой Отче? твое надземно Вещество,
твой взоръ влива ми іоштѣ у ово прискорб-
но мое сердце, кое опоминѣсе на нѣгову за-
клетву, преѣе смерть терпяти, него жи-
вотѣ чрезъ срамоту задобыти. Заиста Ману-
харе! я тебе презиремъ, мой духъ остае храбр-
ственъ и я отходимъ у обаянія оны, кои мое
сердце у оне предѣле приимаю. (она изтерже
ножъ, пакъ удари га берзо у свое перси.
Сви совокупно бяху уплашени. Аспрофілѣ
прихвати ю у обаянія своя, и положи ю по-
край тѣла Салмова тихо доле)

Манухарь. Всемогущій Боже, како
самъ я несчастанъ? Лунаро! Браћо! мое серд-
це умире отъ скорби, допустите ми у ва-
шима обаяніама мое Несчастіе оплакивати.

*Околостоящій стиснусе около нѣга, онъ без-
силенный наслони свою главу на перси Лунаре, и
ладе у дубоко обумираніе.*

К о н е ц ъ.

2111

Summa

Proprietate

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р 12 Ср II 210. 1

